

**Центр славянских исследований
Кубанского Государственного университета**

**Год Болгарии в России: проблемы истории и
культуры славянских народов**

*Материалы международной научно-практической
конференции*

**Краснодар
2009**

ББК
УДК
Г

Научные редакторы, составители:

Э.Г. Вартамян, доктор исторических наук, профессор

О.В. Матвеев, кандидат исторических наук, доцент

Рецензенты:

Н.И. Кирей, доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета

Г.О. Аствацатуров, зам. директора Армавирского филиала ККИДППО, кандидат исторических наук

Год Болгарии в России: Проблемы истории и культуры славянских народов. Материалы международной научно-практической конференции / Под редакцией Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеева. Краснодар, Изд. « », 2009. – 152 с.

Сборник содержит материалы международной научно-практической конференции, посвящённой Году Болгарии в России и включает статьи российских и болгарских учёных по актуальным вопросам взаимосвязей славянских народов, исторического прошлого и духовного наследия славян. Рассчитан на студентов и преподавателей, работников учреждений культуры и образования.

Сборник издан за счет средств авторов

**Проникновение болгарской рукописной
книги в Россию и значение русско-болгарских
литературных связей (X–XIX вв.)**

Начало болгаро-русских связей относится к тем временам, когда славяне создавали свои первые поселения и, несмотря на известные племенные различия, образовывали некую общность. Уже во времена Кирилла и Мефодия народ «рось» вписал своё имя в историю Европы. Его поселения находились недалеко от Херсона, его деревянные ладьи плавали по Чёрному морю, нередко появляясь у самых стен Царьграда [1].

Одними из наиболее активных славянских племён были болгары, основавшие своё государство на территории античной культуры и находившиеся в соседстве с Византией. Не удивительно, что именно у болгар появилась первая среди славянских народов письменность [2].

Болгарский исследователь Димитр Ангелов начало процесса «перенесения» болгарской литературы на русские земли относит ко временам походов киевского князя Святослава в Болгарию (968, 969 гг.) [3]. Но, несомненно, поток книжных произведений – оригинальных и переводных, религиозных и светских – из Болгарии на территорию Руси ускорился после её крещения в 988 г. На Руси уже в первые века после официального крещения имелись почти все южнославянские переводы IX–X вв., которые мы знаем по дошедшим до нас спискам.

В соответствии с периодизацией, представленной болгарским исследователем Куйо Куевым, первый этап проникновения древнеболгарской рукописной книги на территорию Руси охватывает X–XII вв., второй – рубеж XIV–XV вв., третий этап – до середины XVII в., четвёртый – XIX в. [4].

В X–XII вв., с оживлением связей южных и восточных славян, из Болгарии на территорию Киевской Руси привозили весьма необходимые после принятия христианства в 988 г. богослужебные рукописи [5]. В акте

крещения Руси принимало участие болгарское духовенство, которое передало восточным славянам христианское вероучение на понятном для них языке. Разумеется, христианское вероучение и христианский культ у восточных славян могли быть укоренены глубже и прочнее лишь с помощью богослужебных книг, а для этого нужна была письменность. Восточные славяне восприняли кириллицу (кириллическое письмо процветало в старой столице Болгарии Преславе) и стали осваивать искусство чтения и письма с помощью болгар, популяризируя его на своих землях. Решающим фактором того, что Киевская Русь, сильно нуждавшаяся после крещения в письменности и богослужебных книгах, сосредоточила своё внимание на Болгарии, явилась близость староболгарского и старорусского языков, сделавшая возможным восприятие, чтение и понимание образованными кругами русского общества болгарской книги почти с такой же лёгкостью, как это происходило среди образованных кругов Болгарии.

Древнейшим из известных памятников болгарской литературы, привезённым в Киевскую Русь, является Остромирово евангелие 1056–1057 гг. Этот крупный памятник культуры, переведённый дьяконом Григорием с его помощниками в Киеве, представляет собой русскую редакцию древнего болгарского евангельского перевода. Помимо Остромирова евангелия с болгарского оригинала было переписано и Архангельское евангелие 1092 г. и др. [6]. Именно из таких произведений черпал, вероятно, сведения и первый русский летописец монах Нестор, в «Повести временных лет» которого содержатся некоторые сведения о истории Болгарии (крещение болгар, войны царя Симеона с Византией и др.) [7].

В перечне привезённых из Болгарии в Киевскую Русь книг можно упомянуть такие произведения, как Чудовская псалтырь, Азбучная молитва и Учительское евангелие епископа Константина, «О письменах» Черноризца Храбра, Симеонов сборник (составлен между 915 и 920 гг.), сборник

«Златоструй» со словами Иоанна Златоуста, «Беседа» пресвитера Козьмы против богомилов, «Шестоднев» Иоанна Экзарха и др. В 1073 г. по приказу князя Святослава с Симеонова сборника была сделана новая копия под названием «Изборник Симеона» [8].

О ранних связях двух славянских народов свидетельствует тот факт, что в 1376 г. Киприан Цамблак из Тырнова (столицы Второго Болгарского царства) избирается Киевским митрополитом, а через тринадцать лет и митрополитом всея Руси. В 1415 г. племянник Киприана Георгий, известный биограф патриарха Евфимия Тырновского, избирается западнорусскими епископами Киевским и Литовским православным митрополитом [9]. Его избрание было в духе древней болгарской церковной практики выбора духовного главы славянской православной церкви без «разрешения» константинопольского патриарха. Кстати, Григорий Цамблак принимал участие в Констанцском (Германия) церковном соборе, на котором он 25 февраля 1418 г. произнёс речь церковно-политического содержания, призывавшую всех христиан Восточной и Западной Европы объединить свои силы для организованного отпора наступающим на Балканы османам. Этот призыв стоил Григорию Цамблаку титула митрополита, но обессмертил его имя в истории болгарской общественной мысли начала XV в. [10].

На рубеже XIV–XV вв. (второй этап) начинается вывоз рукописей и ценностей с болгарских земель в связи с османским нашествием и покорением Болгарии турками. Материальной и духовной культуре болгарского народа был нанесён невосполнимый урон. Многие рукописи подвергались уничтожению, причём процесс этот начался ещё в IX–X вв. и продолжался до нового времени. Основными центрами производства и хранения рукописной книги были монастыри. После установления в стране османского господства некоторые болгары эмигрировали в страны, расположенные к северу и востоку от Дуная, куда османская опасность ещё не дошла. Таким путём из Тырновской царской библиотеки был

вывезен ряд письменных памятников (Евангелие царя Ивана Александра [Лондонское] 1356 г., Сборник попа Филиппа 1345 г., Псалтырь Томича [середина XIV в.]) и др.[11].

В конце XV в. на территорию Руси проникают сочинения патриарха Евфимия Тырновского. С тех пор на Руси сформировался устойчивый интерес к сочинениям патриарха, среди которых были жития Ивана Рильского, Иллариона Мьгленского, Петки и Филотеи, Похвальное слово Константину и Елене, Послание Киприяну, бывшему русскому митрополиту. Ряд сочинений Евфимия от XV в. хранятся поныне в Троице-Сергиевской Лавре, Йосифо-Волоколамском монастыре, Соловецкой библиотеке [12].

Говоря о третьем этапе вывоза книг в Россию – XVI – до середины XVII вв. – следует упомянуть миссию русского монаха Арсения Суханова в 1655 г. на гору Афон, связанную со сбором старых греческих и славянских рукописей, необходимых патриарху Никону для проведения реформы богослужебных книг. На Афоне А. Суханов находит Сборник попа Филиппа (1345 г.), Сборник царя Ивана Александра (1348 г.), старейшую перепись «Шестоднева» Иоанна Экзарха (1263 г.), сделанную сербским книжником Фёдором в Хилендарском монастыре и ряд других литературных памятников. Арсений Суханов привёз с Афона не менее 450 греческих и славянских рукописей, которые передал в Московскую синодальную библиотеку (некоторые из этих рукописей по сей день хранятся в Москве) [13].

Таким образом, с эпохи Средневековья ведёт начало влияние древнеболгарской культуры и литературы на древнерусскую. Имея ввиду участь болгарского народа, государство и культура которого в результате варварских нашествий не раз погибали, превращались в руины, русские сохранили так называемые славянские тексты для болгар и для общеславянской и мировой культуры. Когда болгарский народ попал под тягчайшее османское иго, Россия начала возвращать сторицей то, что она ранее заимствовала у болгар. Древнеболгарское влияние на русскую

культуру и литературу превращается в широкий путь обратного влияния – России на Болгарию.

Развитию болгарской национальной культуры в XVIII–XIX вв. (четвёртый этап) во многом способствует возросший в это время в России интерес к южным славянам. Составляя свою «Историю славяноболгарскую», Паисий Хилендарский опирается на русский перевод «Церковных летописей» римского кардинала Цезаря Барония (и «Царства славян» дубровчанина Мавро Орбини). Паисий отмечает в своём труде: «Съвокупих и написах от руски речи прости обратих на болгарски прости речи и словенски» [14].

Русская культура становится одним из главных источников, под влиянием которого развивается болгарская культура в эпоху национального Возрождения, ознаменовавшаяся появлением «Рыбного букваря» Петра Берона и историографического труда русского слависта Юрия Венелина под названием «Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам». Труды Ю.Н. Венелина (по происхождению закарпатского украинца) – «Древние и нынешние болгаре ...» (Т. 1, 1829 г.), «О зародыше новой болгарской литературы» (1838 г.) и др. сыграли важную роль в укреплении болгаро-русских культурных связей. В них Ю.И. Венелин проявил глубокое уважение к историческому прошлому болгарского народа, его культуре, всемерно поддерживал идею об этнической и языковой близости двух народов. Не все гипотезы русского слависта получили подтверждение, а некоторые положения вообще не соответствовали действительности, за что его критиковали его коллеги-учёные [15]. Однако пафос утверждения исторического значения болгар в судьбах славян нашёл горячую поддержку у многих деятелей национального Возрождения Болгарии. Раньше других и в наибольшей степени идеи Ю. Венелина воспринял болгарский патриот и просветитель Васил Априлов. Большую часть жизни он прожил в Одессе и был связан с русскими славистами. По словам В. Априлова, труд

Ю. Венелина «Древние и нынешние болгары ...» пробудил в нём подлинную «любовь к национальности», и он многое сделал для того, чтобы «содействовать отечественному просвещению» [16].

В XIX в. закладываются основы славистики как самостоятельной науки, для которой был необходим фактический материал (языковой, литературный, этнографический, исторический, фольклорный, археологический и т.д.). Конечно же, большой интерес учёные проявляют и к старославянским рукописям, судьба которых не всегда складывалась удачно.

Учёные-слависты собирали ценнейшие рукописи, затем передавали их в библиотеки. Например, босниец Стефан Веркович долгое время проживавший в Македонии и собиравший там рукописи, среди которых были и древнеболгарские, передал свою коллекцию Петербургской публичной библиотеке. Наибольшую активность в деле сбора рукописей проявляли русские учёные, поэтому в российских книгохранилищах находится немало число древнеболгарских памятников письменности, многие сохранились в русской редакции, в их числе большая часть переписей сочинения Черноризца Храбра «О письменах» [17].

Таким образом, уже с IX–X в. начинается влияние древнеболгарской литературы на древнерусскую культуру. Можно констатировать тот факт, что начальная фаза древней русской литературы является продолжением древнеболгарской литературы. Однако древнерусская литература постепенно разрасталась, пополняя новыми произведениями свой литературный фонд и придавая всё более русский облик «редакции» своего литературного языка.

В эпоху национального Возрождения болгары без всяких ограничений черпают знания из сокровищницы русского языка и литературы. В Болгарии распространяются русские печатные книги, в первую очередь для церковных нужд, а позже и произведения русской литературы.

Славянская письменность не только помогала расцвету самобытной культуры южных и восточных славян, но и укрепляла их силы в

сопротивлении чужеземным завоевателям, поддерживала чувство единства славянских народов.

Таким образом, продолжилась общая культурная и литературная традиция, созданная русскими и болгарами ещё в давние времена. Культурное взаимодействие болгар и русских, общность и близость литературного языка и книги поддерживали и укрепляли осознание родства между двумя народами.

Примечания

1. Георгиев Е. Начало болгаро-русских культурных и литературных связей // Старобългаристика. 1982 (VI), № 4. С. 9.
2. Кирилло-Мефодиевский сборник. М., 1885; Динеков П. Дело Кирилла и Мефодия и болгарская культура. София, 1981; Бернштейн С. Б. Константин-философ и Мефодий. М., 1984; Ангелика Хофер Едле фон Сулмтал, М. Маргаритов. За Кирил и Методий. София, 1989; Николова С. Дело Кирилла и Мефодия и развитие Болгарской Средневековой литературы // Старобългаристика. 1992 (XVI), № 2 и др.
3. Ангелов Д. Крещение Киевской Руси и дело Кирилла и Мефодия // Старобългаристика. 1988 (XII), № 1. С. 4
4. Куев К. Судьба древнеболгарской рукописной книги на протяжении веков / Болгарская культура 1300. Ч. III. // Новости из Болгарии. София, 1981. С. 8–11.
5. Георгиев Е. Начало болгаро-русских культурных и литературных связей // Руско-български връзки през векове. София, БАН, 1986. С. 20.
6. История русской литературы. М.:Л.; 1941. С. 55.
7. Ангелов Д. Указ. соч. С. 5.
8. Там же. С. 4-5.
9. Мечев К. Второй расцвет средневековой болгарской культуры / Болгарская культура 1300. Ч. II // Новости из Болгарии. София, 1981. С. 7.
10. Там же.
11. Куев К. Указ. соч. С. 8.
12. Горина Л. Из историята на книжовното наследство на Евтимия Търновски в Русия // България в света от древността до наши дни. Т. 1. София, 1979. С. 326.
13. Куев К. Указ. соч. С. 8–9; Афон. Значение святой Афонской Горы в деле создания и распространения духовной культуры на Руси. М., 1998.
14. Георгиев Э. Славянские культуры и формирование наций на Балканах // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. М., 1978. С. 45.
15. Злыднев В.И. Болгарская культура // Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения. М., 1988. С. 267.
16. Там же.
17. Куев К. Указ. соч. С. 9.

Некоторые итоги и перспективы изучения кубанско-болгарских связей

В одном из материалов специального выпуска популярного исторического журнала «Родина», посвящённого Году Болгарии в России, справедливо отмечается: «Зигзаги «большой политики» зачастую приводили правящие верхи Болгарии и России во враждебные группировки, но народы двух стран никогда не забывали взаимных симпатий и дружбы, рождённой в совместной борьбе за независимость» [1]. Особенно внушительные факты взаимного тяготения двух славянских стран выявлены региональными исследователями [2]. В докладе предпринята попытка выделить некоторые итоги и перспективы изучения кубанского контекста российско-болгарских связей.

Определённый историографический опыт накоплен, прежде всего, в изучении проблемы «Кубань и освобождение Болгарии». Итогам и перспективам исследования этой проблематики автор данной статьи посвятил специальное выступление на конференции, которую Центр славянских исследований Кубанского государственного университета проводил к 130-летию освобождения Болгарии. Поэтому отсылаю к тексту, опубликованному в сборнике материалов конференции [3]. Отмечу только, что работы дореволюционных кубанских военных историков, а также современных историков и краеведов В.П. Бардадыма, С.В. Павловского, В.И. Шкуро, Г.Л. Воскобойникова, О.В. Матвеева, Б.Е. Фролова и др. выявили солидную базу и ориентиры для написания специального диссертационного исследования.

Одним из интереснейших и перспективных направлений изучения кубанско-болгарских связей является история черкесских махаджиров в болгарских землях, которая подвергается неоднозначной трактовке в имеющихся публикациях [4].

Лишь в 1990-е–2000-е гг. начинается систематическое изучение истории болгарских переселенцев на Кубань второй половины XIX – начала XX в. В историко-этнографической литературе поначалу господствовала точка зрения, согласно которой болгары начинают переселяться в край со второй половины 60-х гг. XIX в., главным образом, с территории Украины и Молдавии [5]. Культура украинских и бессарабских болгар изучена достаточно хорошо, что заманчиво в плане реконструкции этнокультурного своеобразия болгарских переселенцев на Кубани. Однако обращение к архивным документам позволяет однозначно утверждать лишь о намерении болгар Бердянского, Мелитопольского и Днепровского уездов переселиться в Кубанскую область в 1864–1865 гг. Из переписки атаманов отделов Кубанской области следует, что представители болгарских колонистов «на подчинённой им территории» не объявлялись [6]. Имеющиеся в нашем распоряжении архивные данные говорят о переселенцах из собственно Болгарии [7]. На сегодняшний день выявлены некоторые аспекты этнокультурного своеобразия болгар Кубани, их общественной активности, отношения к болгарам местного населения. Основная масса болгарских переселенцев представляла собой отходников из старейших огородных районов страны, которые стали оседать в Кубанской области и на Черноморском побережье Кавказа в конце 1870-х годов. Мастерство орошения, парниково-тепличное хозяйство, культура коллективного труда и трудовых взаимоотношений обусловили низкую себестоимость продукции, быструю поставку свежесорванных овощей на базар и высокую конкурентноспособность болгарских огородников. Эти качества завоевали прочные симпатии у жителей края. Замечательные труженики, скромные и непритязательные болгары уверенно влились в кубанское этнокультурное пространство, несмотря на все усилия идеологии Первой мировой войны и условия политической конфронтации. Помимо статей автора доклада, обосновавшего эти выводы [8], стоит отметить работы талантливого историка С.Н. Ктиторова о болгарской общине Армавира [9].

Отдельная перспективная тема исследования – болгары Черноморского округа и Черноморской губернии. Здесь ещё много неясного: время появления болгарских переселенцев, метрополии, особенности адаптации и т.д. Документы говорят о неудачах колонизации болгарскими этого региона в конце 60-х гг. XIX в. [10]. Дореволюционный бытописатель Черноморского округа А.В. Верещагин обнаружил болгарских переселенцев лишь в 1874 г. в с. Васильевка [11]. Сведения лазаревского краеведа Т.В. Половинкиной о группе болгар из Херсонской губернии в селении Адлер в 1878 г. [12] несколько путанные: в одном случае автор ведёт речь о болгарях, в другом – об украинских крестьянах этой губернии [3]. Авторитетный местный историк И.А. Тверитинов установил, что в Сочинском округе в 1877–1878 гг. проживало лишь 2 подданных Болгарии [14]. Лишь отчёты черноморских губернаторов конца XIX – начала XX, хранящиеся в архиве г. Новороссийска, дают некоторые сведения о размещении и динамике численности болгар в губернии. Перспективным представляется и обращение к материалам жандармского ведомства. Так, в одном из дел Государственного архива Краснодарского края перечислены имена 25 семей болгарскоподданных, проживавших в сентябре 1916 г. в окрестностях Адлера [15]. Здесь необходимы дальнейшие разыскания.

Тема отдельного исследования – роль производственной культуры болгар и влияние их опыта на развитие агрокультуры края в дореволюционный период. Отдельные сюжеты этой проблемы затрагивались в уже упоминавшейся работе С.Н. Ктиторова о болгарях Средней Кубани, материалах выступления О.В. Матвеева на конференции по социологии села в Аграрном госуниверситете в ноябре 2008 г. [16], а также в брошюре безвременно ушедшей кубанской исследовательницы О.П. Бридни о М.И. Поночовном, где исследован опыт разведения казанлыкской розы в станице Раевской Кубанской области [17].

Совершенно не изучены сегодня революционные связи Кубани и Черноморья с Болгарией, участие болгар в Гражданской войне на территории

края в составе войск Красной армии и Вооружённых Сил Юга России. Проблему кубанской казачьей эмиграции в Болгарии затрагивал в своих исследованиях О.В. Ратушняк [18], однако здесь ещё много направлений для поиска.

Совершенно не исследована тема болгар Кубани в период 1920-х–1940-х гг. Отдельные публикации документов и работы по исторической демографии лишь фиксируют пребывание представителей этого славянского народа в крае в этот период [19]. Сложилось почему-то представление, что в это время болгары первой миграционной волны подверглись репрессиям, покинули край и растворились в восточнославянской среде. В монографии В.Н. Ракачёва и Я.В. Ракачёвой о народонаселении Кубани отмечается, что из трёх тысяч болгарских политэмигрантов в конце 1930-х гг. была репрессирована одна треть [20]. Однако в «Книге Памяти жертв политических репрессий по Краснодарскому краю», выпущенной Краснодарским отделением общества «Мемориал», на которую ссылаются авторы монографии, упомянуты только 10 репрессированных болгар [21]. Если крымских болгар поголовно выселили в 1944 г., то в Адыгее в 1945 г., по данным Е.Ф. Кринко, свободно проживала группа болгар в 37 человек [22]. Во время экспедиции в станицы Гурийскую и Пшехскую Белореченского района нам рассказывали о местных династиях колхозников Стояновых, которые успешно трудились здесь и после окончания Великой Отечественной войны [23]. Таким образом, здесь пока ещё больше вопросов, чем ответов. Необходимы дальнейшие архивные разыскания в Центре документации новейшей истории Краснодарского края, Государственном архиве Краснодарского края, возможно, в столичных архивохранилищах.

Активно началось изучение депортированных крымских болгар, обосновавшихся в Краснодарском крае с конца 1950-х годов. Впервые я поднял эту проблему после полевых исследований среди болгар Темрюкского района в 2004 г. [24]. Сегодня исследование этой темы успешно осуществляет соискатель Кубанского госуниверситета С.В.

Рогалева [25]. Известный кубанский этнограф Н.И. Бондарь обратился в одной из своих последних работ к изучению традиционной культуры современной этнической группы болгар Краснодарского края [26].

Достаточно хорошо изучены научные связи Краснодарского края и Народной республики Болгария в период 60–80-х гг. XX века. Здесь необходимо отметить материалы специальных сборников о кубанской школе болгаристики, руководимой Д.Г. Песчаным [27], а также посвящённые этой проблеме обстоятельные работы профессора Э.Г. Вартаньян [28]. Весомый вклад внесла Э.Г. Вартаньян в изучение связей историков-славистов и учёных-аграрников Кубани и Болгарии [29].

Практически не изучены сегодня культурные связи края и Болгарии в 1950-е–80-е годы, а они были весьма плодотворными. В Государственном архиве Краснодарского края хранятся, например, документы по истории краевого общества болгаро-советской дружбы, которые никем не были задействованы. Заслуживает отдельного изучения вопрос о болгарских студентах в кубанских вузах, лишь отчасти затрагивавшийся в диссертации А.Ю. Звягольского, вопрос о городах-побратимах и болгарской микротопонимии в пространстве советской Кубани, работа в крае болгарских специалистов, деятельность современного болгарского национального культурного центра «Шипка».

Сегодня исследовательские усилия в этом направлении во многом координирует Центр славянских исследований Кубанского государственного университета, организовавший уже несколько научных форумов международного уровня с участием представителей зарубежных славянских стран. В этой кропотливой, но уже дающей свои плоды работе нам видятся прочные перспективы дальнейшего становления, развития и изучения кубанско-болгарских связей.

Примечания

1. Анисимов М., Рыбачёнок И. Заветная мечта князя Фердинада // Родина. 2009. № 6. С. 53.

2. Сохань П.С. Очерки истории украинско-болгарских связей. Киев, 1976; Поглубко К.А. Из истории российско-болгарских общественных и революционных связей. Кишинев, 1979; Мельцер Д.Б. Белоруссия и Болгария: дружба вечная, нерушимая. Минск, 1981 и др.
3. Матвеев О.В. Кубань и освобождение Болгарии: итоги и перспективы изучения // Освобождение Болгарии и славянский мир. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 130-летию Болгарии от османского ига / Под ред. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2008. С. 9–15.
4. Кудаева С.Г., Хут Л.Р. Адыгские махаджиры на Балканах // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Майкоп, 1991. Вып. 8; Матвеев О.В. Адыги в Османской империи в 60-х-80-х гг. XIX века. Этнополитический и социокультурный аспекты // Итоги фольклорно-этнографических исследований культур Кубани за 1995 год. Дикаревские чтения (2). Джубга, 1996; Его же. Кавказская война и ее последствия для адыгов // Этнографическое обозрение. 1996. №2.
5. Бондарь Н.И. Что мы знаем друг о друге? Этнографический очерк о народах Кубани // Кубанский краевед. Вып. 2. Краснодар, 1990. С. 147; Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного состава населения). Армавир, 1995. С. 142; Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839–1918 гг.). Армавир, 2002. С. 196; Бурыкина Л.В. Переселенческое движение на Северо-Западный Кавказ в 90-е годы XVIII – 90-е годы XIX века. Майкоп, 2002. С. 140 и др.
6. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 774. Оп. 1. Д. 130. Л. 6, 7, 8, 9.
7. Матвеев О.В. К вопросу о метрополиях болгарских переселенцев на Кубань и Черноморье во второй половине XIX – начале XX века // Синергетика образования (выпуск двенадцатый). Четвертые международные Кирилло-Мефодиевские чтения. М.-Ростов н/Д, 2008; Его же. Болгары Кубани и Черноморья во второй половине XIX – начале XX в. // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4 / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2008.
8. Матвеев О.В., Ракачёв В.Н., Ракачёв Д.Н. Этнические миграции на Кубани: История и современность. Краснодар, 2003; Матвеев О.В. К истории болгарских переселенцев на Кубани. Часть I (70-е годы XIX в. – 1916 г.) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2002 год. Дикаревские чтения (9); Его же. Болгары Кубани и Черноморья в годы Первой Мировой войны // Федор Андреевич Щербина, казачество и народы Северного Кавказа: история и современность. Сборник материалов VIII научно-практической конференции (г. Краснодар, 28 февраля 2008 г.) / Под ред. С.Н. Якаева. Краснодар, 2008; Его же. Особенности адаптации болгарских переселенцев на Северном Кавказе // Материалы межрегиональной научной конференции «Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические вызовы» (к 70-летию В.Б. Виноградова). Армавир, 2008; Его же. Болгары Кубани и Черноморья во второй половине XIX – начале XX в. // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4 / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2008 и др.
9. Ктиторов С.Н. «Называли их учителями по огородным делам» (из истории болгар Средней Кубани) // Мир славян Северного Кавказа / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2005. Вып. 2.
10. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874). Нальчик, 2003. Ч. 2. № 241.
11. Верещагин А.В. Путевые заметки по Черноморскому округу. М., 1874. С. 20.
12. Половинкина Т.В. Сочинское Причерноморье. Нальчик, 2006. С. 141.
13. Там же. С. 140, 156, 163.
14. Тверитинов И.А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX вв. Сочи, 2000. С. 29.
15. ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 409. Л. 1.
16. Матвеев О.В. Производственная культура болгарских огородников Кубани во второй половине XIX – начале XX в. // Материалы всероссийской научно-практической

- конференции «Социология села: теоретическая и практическая проблематика» (13–14 ноября 2008 г.). Краснодар, 2008. С. 467–475.
17. Бридня О.П. М.И. Поночовный (1859–1931 гг.): Историко-биографический очерк. Краснодар, 2001. С. 37–45.
18. Ратушняк О.В. Казаки-эмигранты в Болгарии (1920-е–1930-е гг.) // «Да кто душу положит за други своя...» (К 130-летию участия Русского дворянства в освобождении православного населения Балкан от Османского ига 1875-1878 г. Материалы II Международных Дворянских чтений (25–26 ноября 2006 г.) / Под ред. О.В. Матвеева, Е.М. Сухачёвой. Краснодар, 2006.
19. Население и хозяйство Кубано-Черноморской области. Статистический сборник за 1922-23 год. Ч. 1. Краснодар, 1924. С. 66, 68; Хлынина Т.П. Демографическая статистика 1920-х гг. о численности и размещении славянского населения Адыгейской автономной области // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4 / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2008. С. 44–46; Краснодарский край в 1937–1941 гг. Документы и материалы. Краснодар, 1997. С. 656, 664.
20. Ракачѳв В.Н., Ракачѳва Я.Н. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование. Т. 2. 1930–1950-е гг. Краснодар, 2007. С. 78.
21. Книга Памяти жертв политических репрессий по Краснодарскому краю. Краснодар. 2005. С. 436.
22. Кринко Е.Ф. Демографическая ситуация в Адыгее во время Великой Отечественной войны // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4 / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2008. С. 116.
23. См. также легенды, бытующие среди белореченских старожилов о золотом кладе Ивана Стоянова: Морозкина Г.А. История земли Белореченской. С древнейших времѳн до 1917 года. Кн. 1. Майкоп, 2004. С. 326–327.
24. Матвеев О.В. Устная история болгар Темрюкского района (По итогам полевого сезона 2004 г.) // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 2 / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2005.
25. Рогалева С.В. К вопросу о судьбах крымских болгар в условиях немецко-фашистской оккупации // Освобождение Болгарии и славянский мир. Материалы научно-практической конференции, посвящѳнной 130-летию Болгарии от османского ига / Под ред. Э.Г. Вартањьян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2008; Еѳ же. Болгары Крыма в условиях депортации (1944–1956 гг.) // Синергетика образования (Вып. 12). Четвѳртые международные Кирилло-Мефодиевские чтения. М.-Ростов-на-Дону, 2008; Еѳ же. Крымские болгары: реабилитация и возвращение из депортации (1956 г. – начало XXI в.) // Славянский мир, Запад, Восток: Памяти профессора Д.Г. Песчаного. Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Э.Г. Вартањьян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2008 и др.
26. Бондарь Н.И. Болгары Кубани: некоторые аспекты этнокультурной памяти // Славянский мир, Запад, Восток: Памяти профессора Д.Г. Песчаного. Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Э.Г. Вартањьян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2008.
27. Дорогой истории. Памяти профессора Д.Г. Песчаного. Сборник научных трудов / Под ред. Р.М. Ачагу. Краснодар, 2007; Славянский мир, Запад, Восток: Памяти профессора Д.Г. Песчаного. Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Э.Г. Вартањьян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2008.
28. Вартањьян Э.Г. Из истории кубанской болгаристики // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 1 / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2004; Еѳ же. Памяти Учителя: несколько штрихов к портрету профессора Д.Г. Песчаного // Славянский мир, Запад, Восток: Памяти профессора Д.Г. Песчаного. Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Э.Г. Вартањьян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2008; Еѳ же.

Профессор Диволь Григорьевич Песчаный и его научная школа // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4 / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар. 2008 и др.

29. Вартаньян Э.Г. Аграрная наука Болгарии и Кубани: из истории связей // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 2 / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2005; Её же. Научные связи между кубанскими и болгарскими учёными-аграрниками (1950-е–1980-е гг.) История регионального научного сообщества: проблемы изучения / Под ред. А.Н. Еремеевой. Краснодар, 2007; Её же. Научные связи историков-славистов Кубани и Болгарии (1970-е гг – 2008 г.) // История научной интеллигенции Юга России: межрегиональные и международные аспекты / Под ред. А.Н. Еремеевой. Краснодар, 2008 и др.

Уманская Л.А. (г. Новороссийск)

Румынский аспект внешнеполитической программы Георгия Раковского

Неотъемлемой частью революционного творчества Г.С. Раковского была его концепция демократического союза угнетенных балканских народов в борьбе против общего врага — Османской империи. Он хорошо осознавал, что даже в ослабленном состоянии, но поддерживаемый великими западными державами, османский режим оставался мощной силой, с которым в одиночку было смертельно опасно. Поэтому болгарскому народу нужны были союзники прежде всего из среды самих балканских народов, союзники равноправные, взаимно уважающие свои национальные интересы и отказавшиеся от националистических претензий друг другу территориального, политического и религиозного характера.

В данной статье предпринимается попытка проследить политический план Г.С. Раковского в румынском аспекте.

Г.С. Раковский приветствовал победу в многолетней борьбе румынского народа, которая привела к избранию в январе 1859 г. населением княжеств Валахия и Молдавия своим главой Александра-Иона Кузу. После ряда перипетий в августе-сентябре этого же года состоялось окончательное признание А. Кузу Австрией и Турцией.

Во второй половине XVIII–XIX в. Румыния заняла весьма заметное место в истории вынужденного расселения болгар в Юго-Восточной Европе.

Миграционные процессы стали особенно интенсивными во время русско-турецких войск, в период кирджалийских набегов и феодальной анархии в Османской империи. Современные исследователи сходятся в том, что численность болгарского населения в румынских княжествах и на юге России составляла в середине XIX в от 800 тыс. до 1 млн. человек [1]. Сохранились благожелательные мнения о роли болгарского населения в румынских княжествах, отличавшегося прилежанием и трудолюбием. Современник той эпохи русский офицер П. Жадовский писал о небольшом румынском городе Бузы, где болгары составляют после валахов наибольшую часть города, занимаются преимущественно виноградарством, являются мирным и полезным народом [2].

Г.С.Раковский имел прочные связи с эмигрантами в Бухаресте, Галаце, Тулче, Браилове, Плоеште, Измаиле, Крайове, получал от них материальную поддержку в издании своих литературных трудов и непосредственно «Дунайского лебедя». Через бессарабские земли, отошедшие после Крымской войны к Молдавии, проходил один из важнейших каналов связи со столицей Османской империи, по которому новости из Константинополя через болгарских посредников попадали в столицу Сербии [3].

Здесь возникли в разное время различные по своим программам и политической ориентации такие общества, как Добродетельная дружина (1862 г.), Болгарский Тайный центральный комитет (1866), Болгарский Революционный Центральный комитет (1869—1870), Гюргевский революционный комитет (1875) и др. В румынских землях нашли приют возникшие здесь такие болгарские культурные центры, как Болгарское книжное общество в Браиле, центральное училище в Белграде, редакции болгарских национальных периодических изданий, в том числе революционной печати, оставивших глубокий след в истории национального возрождения. Г.С. Раковский еще с 40-х годов рассматривал борьбу румынского народа за укрепление своей политической самостоятельности и объединение как важный внешнеполитический фактор, способствовавший

укреплению освободительной политической и идеологической атмосферы на Балканах.

В начале 1863 г. в Румынии сложилась так называемая «чудовищная коалиция», оппозиционный блок из консерваторов и умеренных либералов во главе с Крецулеску. Поскольку большинство в румынском парламенте (Камаре) принадлежало к «чудовищной коалиции» Александра Кузу, с одной стороны, пришлось сотрудничать с лидерами блока (Б. П. Хадшеу, Гр. Кобылническу и др.), а с другой, использовать тактику обструкции депутатов парламента [4].

Что касается Турции, то она постоянно вмешивалась во внутренние дела объединенных румынских княжеств: право иметь официальные дипломатические представительства, чеканку собственной монеты, учреждение национальных орденов, определения численности национального войска и т.п. [5]. Глубокое удовлетворение Г.С. Раковского чувствуется в его сообщениях на страницах «Дунайского лебедя» о визите князя А. Кузу в Константинополь, когда глава Валахии и Молдавии был встречен с большим почетом [6], что говорило об упрочении румынской государственности, которую был вынужден признать перед всей Европой турецкий султан. «Дунайский лебедь» расценил это как верный признак того, что А. Кузу использует открывшиеся благоприятные возможности для укрепления румынских княжеств, улучшения их благосостояния [7].

Г.С. Раковский, ссылаясь на немецкую газету «Фатерланд» и английскую «Морнинг пост», сообщал о планах объединения двух румынских княжеств в рамках одного государства, поддержке этих планов правительством Франции и о резком противодействии правящих кругов Англии и Австрии, которые выступали против самостоятельной внешней политики правительства А. Кузу. Возмущение Г.С. Раковского вызвала развязанная националистическая кампания в Бессарабии, где совершались насилия, происходила ликвидация местных выборных учреждений, повышались налоги и т.п. Г.С. Раковский обвинил правительство Молдавии в

бесчеловечности и безответственности, а А. Кузу — в бездеятельности и потворстве преступным действиям молдавских властей [6].

Прекращение издания «Дунайского лебедя» и неудача с Болгарской легией поставили перед Г.С. Раковским вопрос о том, что делать дальше? Он принял решение о перенесении своей общественной и политической деятельности именно в румынские земли, так как хорошо знал энергичную культурно-просветительскую и политическую жизнь болгарской эмиграции и надеялся, что это ему поможет возобновить издательскую и журналистскую работу.

Бухарестский период политической эмиграции Г.С. Раковского был весьма разносторонним. Он возвращается к планам возобновления издания национально-патриотического органа. Г.С. Раковский замыслил новую болгаро-румынскую газету под символическим названием «Будущность» («Viitorul»). Через полтора месяца пребывания в Бухаресте Г.С. Раковский подал ходатайство на имя министра-председателя Когалничану с просьбой о разрешении издания новой газеты [8].

Г.С. Раковским был подготовлен устав создаваемого акционерного общества, от имени которого он имел намерение осуществлять издание газеты [9]. В уставе предусматривались процедурные положения, размер уставного капитала, определялось политическое направление газеты и ее цель — развитие в болгарях народного духа и сближение болгар и румын. Одновременно отмечалось, что политическая линия «Будущности» заключалась также в соблюдении принципа не выступать против какого-либо правительства, не включаться в личную полемику, защищать народные интересы, исходя только из здравых исторических и политических позиций. Г.С. Раковский намеревался публиковать наиболее важные статьи, как это было при издании «Дунайского лебедя» на французском языке, а также выпускать каждые две недели приложение к «Будущности» на французском языке.

Сохранился также и другой документ под названием «Обновление», адресованное всем тем лицам, которые заинтересовались новым болгаро-румынским изданием. Это была программа газеты, содержащая интересные положения, которые говорят о воззрениях болгарского патриота. Программа содержала следующие пункты: 1). Вводные статьи с обзорами европейской политики с учетом интересов болгар и румын и возможности защиты их прав. 2). Так называемая «любословная» (литературно-филологическая) часть должна была поднимать вопросы румыно-болгарских культурных отношений, анализируемых в историко-политическом плане. 3) Раковский задался целью показать общность исторических судеб болгар и румын, когда после падения Болгарии румынская земля «дала убежище любому беглецу, когда сельский дом румына был открыт болгарину с сердечным гостеприимством» [10].

В среде либерально-патриотической румынской общественности появление болгаро-румынской газеты встретило большое удовлетворение. Г.С. Раковский получил поздравления от видных общественных деятелей Румынии Чезаре Болияка, Константина Росети, Богдана Хадшеу, от редакций румынских газет «*Buciumul*», «*Românul*», «*La voie de la Roumanie*» и «*Aghiutfă*» [11].

Деятельность Г.С. Раковского в первые два месяца его пребывания в Бухаресте произвела хорошее впечатление на князя Александра Кузу. По словам румынского историка Богдана Хадшеу, подружившегося с Г.С. Раковским, князь А. Кузу оценил позицию болгарского деятеля, как яркое политическое и общественное выражение болгаро-румынского союза. Такая оценка приведена самим Б. Хадшеу в одной из его статей, опубликованной в 1900 г. [12].

Идея союза балканских народов дополнялась важной составной частью, которого должен был стать болгаро-румынский союз. Об этом говорит характерная художественная деталь в оформлении заголовка газеты, изображающая рукопожатие двух протянутых навстречу рук, обрамленное

лавровым венком, помещенное между болгарским и румынским словами «Бъдущност» и «Viitorul»). Основания для такого союза, с точки зрения Г.С. Раковского, были весьма фундаментальные: принадлежность обоих народов к православной ветви христианства, необходимость общей борьбы за гражданские права и политическую свободу, века добрососедства и доброжелательства, общность взаимных интересов.

В период с августа 1864 г по начало октября 1867 г., деятельность Георгия Раковского по-прежнему была наполнена революционной энергией, стремлением использовать любую благоприятную ситуацию для активных действий. Во второй половине 1864—1865 г. он вновь возвращается к попыткам возобновления хайдукской тактики, используя для этого своих старых боевых соратников Стефана Караджу, Панайтоа Хитова, Петра Стоянова и Христо Македонского.

В ночь с 10 на 11 февраля в результате государственного переворота, который был инициирован «чудовищной коалицией», был смещен князь Александр Кузу. В числе участников переворота оказались лидер консервативной партии Димитрие Гика, румынские военные, начальник дворцовой охраны майор Димитрие Лека; командир артиллерийского полка в Бухаресте, полковник Николае Хараламбие. В стране было введено «временное регенство». Г.С. Раковский оказался в новых политических условиях. Румынское правительство предложило Г.С. Раковскому создать легию (по свидетельству П. Хитова до 5 тыс. бойцов), с возможностью присоединения к отряду болгар-иммигрантов, проявивших верность Румынии [13]. Однако в результате интриг недругов Г.С. Раковского эти планы провалились, более того, позиция правительства скоро стала откровенно враждебной и опасной для его дальнейшего пребывания в Румынии.

Новые власти прервали переговоры о создании в Румынии вооруженного полка, так как было опасение, что 5 тыс. вооруженных добровольцев могут представлять немалую опасность в случае чрезвычайных

обстоятельств [14]. По приказу министра внутренних дел Димитрие Гики за неблагонадежными румынами и опасными иммигрантами, среди которых оказался Г.С. Раковский, была установлена полицейская слежка. Положение для Г.С. Раковского осложнялось тем, что новое правительство Румынии собиралось нормализовать отношения с Турцией, поэтому возрастала реальная опасность его ареста.

Таким образом, Румыния заняла видное место в революционно-политической деятельности Г.С. Раковского. Его отношение к ближайшему северному соседу лишней раз подчеркивает искренние дружеские чувства к румынскому народу, которого он считал естественным союзником болгарского народа. Начиная с браильских событий 1842 г., Г.С. Раковский был связан с румынскими княжествами постоянными многообразными связями, которых он не прерывал, пребывая и в России, и в Австрии, и в Сербии. В своей публицистике и политических планах он стремился максимально учесть роль и значение румынского фактора в общей антиосманской освободительной борьбе.

Примечания

1. Жечев Н. Българските емигрантски центрове в Румыния и културно- националното Възраждане на българския народ // Българската нация през Възраждането. София, 1980. С. 300–301.
2. Там же. С.301.
3. Йонеску-Нишков Й. Т. Историята на в. «Дунавски лебед» и неговото разпространение в румынските княжества (един раздел от историята на румъно-българските отношения) // В памет на акад. М. Димитров. София, 1964. С. 208–209.
4. Трайков В. Обявяване на независимостта на Румъния и участието в във войната от 1877–1878 г. // Исторически преглед, 1977. № 5–6, С. 52.
5. Дунавски лебед, 1860 г. №№5,6 и 9 от 12, 19 октябрия и 8 ноябрия.
6. Влашко и Богданско // Дунавски лебед, 1861 г. № 21, 14 феврия.
7. Гражданский обзор // Дунавски лебед, 1860 г. № 15, 20 октябрия.
8. Текст этого ходатайства опубликован в документальном сборнике: Трайков В. Документи за Раковски в български архиви // Георги Стойков Раковски. Възгледи, дейност и живот. София, 1968. Т. 2. С. 73.
9. Текст устава см. подробнее: АР. Т. 1. С. 412-414.
10. АР. Т. 1. С. 416-417.
11. Трайков В. Георги Стойков Раковски... С. 292.
12. Трайков В. Документи за Раковски в българските архиви // Георги Стойков Раковски. Възгледи, дейност и живот. София, 1968. Т. 2. С. 293.
13. Попов Ч. Чърти из живота на Савва С. Раковски. Русе, 1891. С. 134.
14. История на България. София, 1961. С. 408–409.

**К вопросу о принятии экзархийских уставов в Болгарии
(последняя четверть XIX в.)**

Важнейшей проблемой внутрицерковной жизни болгарской православной церкви после учреждения самостоятельного государства являлась выработка экзархийских уставов, в которых болгарское духовенство стремилось закрепить, прежде всего, автономность и самоуправляемость церковной структуры в Княжестве, а также обозначить доминантное положение церкви в глазах болгарской общественности. Данная задача нашла свое разрешение спустя почти четыре года после Освобождения Болгарии и подписания Берлинского трактата европейских держав об образовании Княжества. В 1883 г. консервативный кабинет русского генерала Соболева и министерство духовных дел во главе с К. Стоиловым санкционировали Указом за № 82 от 4 февраля 1883 г. издание «Экзархийского устава, приспособленного к княжеству» [1]. Впоследствии этот устав дорабатывался и был утвержден в 1895 г.

Экзархийский устав 1883 г. являлся своеобразным компромиссом в отношениях Болгарской православной церкви с государством. Согласно уставу государственная власть получала широкие полномочия для контроля церковного управления, поставив Экзархию под надзор министерства исповеданий. Так, например, без предварительного соглашения Святого Синода с министерством архиереи не могли даже являться в местопребывание экзарха (статья 82); при необходимости рассылки окружных посланий в епархии они обязаны были предварительно уведомлять об этом правительство (статья 85). Без соглашения с тем же министерством исповеданий Святой Синод или экзарх не могли ходатайствовать о выплате денежных средств перед княжеским правительством (статья 86), и только с дозволения министерства могли собирать их, к примеру, на содержание какого-нибудь богословского училища, или другого духовного учреждения (статья 103) [2].

Анализируя степень влияния правительственных структур на болгарскую православную церковь согласно положениям Экзархийского устава 1883 г. нельзя говорить о полном подчинении духовной власти светскому институту. Речь идет скорее о некоторой, главным образом, экономической, зависимости духовенства от решений тех или иных представителей правительственных партий княжества, влиявших на финансовые сборы в пользу болгарской церкви. Впоследствии это влияние правительства на церковные структуры Болгарии усилилось, проявившись четче всего в государственном законодательстве по вопросам материального обеспечения священнослужителей [3].

Согласно Экзархийскому уставу от 1883 г. болгарские священники содержались на средства от добровольных приношений христиан за совершаемые ими требы в соответствии с установленной платой (статья 12), а также посредством добавочного вознаграждения, выдаваемого правительством сельским священникам в размере 850 левов, городским – 1200 левов в год (статья 13). Приходским (энориальным) священникам, проживающим в городах Варна, Русчук и София, выплачивалось вознаграждение в размере 1500 левов ежегодно [4].

Экзархийский устав был санкционирован специальным княжеским указом (№82) от 4 февраля 1883 г. До княжеского санкционирования вышеуказанных положений о материальном положении духовенства священнослужители поддерживались «по-старому», то есть в виде оброка кожами и зерном (*владычина*). При этом важно отметить, что регулярное добавочное вознаграждение от правительства болгарские священники получали лишь в течение года после княжеского санкционирования экзархийских уставных положений, затем выплаты были прекращены. Вследствие сложившейся ситуации, по словам экзархийского чиновника А. Шопова, лица духовного звания были вынуждены переносить глубокую нужду, бедствия и даже голодать [5]. Уклоняясь от выполнения подобных обязательств, правительство мотивировало свои действия необразованностью

и невежественностью болгарского духовенства, не заслуживающего материальных вознаграждений. Выплата законного, хотя и заметно сниженного вознаграждения низшему духовенству была обеспечена лишь в середине 1890-х гг. изменением Экзархийского устава от 1883 г. [6]. По выражению экзарха Иосифа I, подобная политика наносила чувствительный вред влиянию и достоинству болгарских священнослужителей, содействовала разложению духовного сословия и прекращению (особенно это касалось сельской местности) богослужения во многих православных церквях [7]. Данная позиция софийских правителей становится причиной продолжительных протестов духовенства на всей территории Княжества и обострения отношений между болгарской православной церковью и правящими кругами.

80-е годы XIX в. явились периодом глубокой конфронтации в сфере государственно-церковных отношений. Так называемое «потепление», оказавшее влияние на дальнейшее развитие экзархийского законодательства, наметилось лишь с начала 1890-х гг., и в особенности после отставки премьер-министра С. Стамболова, когда к власти пришел новый правительственный кабинет во главе с К. Стоиловым [8], направившим все свои усилия на бесконфликтное взаимодействие правительственных структур с экзархийской церковью. В уставе народной партии К. Стоилова наряду с политическими принципами содержались также положения о благоустройстве Болгарской православной церкви, о материальной поддержке низшего (главным образом сельского) духовенства, о содействии регулярным синодальным заседаниям [9]. Синод стал постоянно действующим органом [10.]. Одним из главных результатов его деятельности явилась выработка новой редакции Экзархийского устава от 1895 г., сообразно которому Болгарская православная церковь управлялась на протяжении почти 50-ти лет (до 1953 г.) [11]. Устройство церковного управления в княжестве согласно этому документу осуществлялось следующим образом. Высшей духовной властью болгарской церкви являлся Священный Синод

митрополитов во главе с экзархом. Экзарх являлся верховным представителем церкви, наделенным исполнительной властью, избирался собором болгарских архиереев пожизненно. Он председательствовал в Синоде, состоявшем из четырех митрополитов, избираемых на четырехлетний срок епархиальными архиереями путем письменного голосования [12]. Для церковно-административного управления при каждом митрополите существовал епархиальный духовный совет. В его состав входили четверо из приходских священников, избираемых на четырехлетний срок. Всего в княжестве насчитывалось одиннадцать епархий: Софийская, Филиппопольская (Пловдивская), Тырновская, Доростоло-Червенская (Руссукская), Преславо-Варненская, Видинская, Врачанская, Сливенская, Самоковская, Ловчанская и Старозагорская. Епархии Княжества в церковно-административном отношении делились на наместничества (60), которые управлялись архиерейскими наместниками, живущими в наиболее крупных городах епархии [13]. Следует отметить, что по своему содержанию Экзархийский устав 1895 г. практически был тождественен уставам 1883 г. и 1871 г. Главной особенностью нового устава являлось весьма четкое обозначение возможностей правительства вмешиваться в процесс церковного управления [14], государство получало широкие полномочия для контроля церковных работ посредством надзора министерства исповеданий. Так, например, согласно статье 180 Экзархийского устава распоряжения по церковному управлению в княжестве не могли быть предприняты без предварительного взаимного соглашения Святого Синода с министерством исповеданий. Хотя, с другой стороны, согласно статьям 178–179 устава 1895 г. гражданская администрация только по представлению церковной власти могла приводить в действие распоряжения, основанные на Экзархийском уставе; духовные лица не могли назначаться на государственную службу без предварительного разрешения Святого Синода [15]. На этом основании некоторые историки делают выводы о преодолении ряда секулярных и полицейских статей церковного устава 1883 г. и расширении рамок

автономии в церковном управлении Княжества [16]. В плане административных вопросов важно также отметить, что редакция церковного устава от 1895 г в определенной степени создавала возможности для единоличного управления Экзархатом, к чему так стремился на протяжении всей последней четверти глава болгарской православной церкви Иосиф I Блаженный. Так, согласно тексту нового церковного устава в случае прегрешений экзарха в качестве председателя святейшего Синода для увещаний его исправиться привлекалось министерство исповеданий, с согласия которого, собственно, производилось и окончательное низложение экзарха Святым Синодом (с министерством исповеданий экзарху было договориться гораздо легче, чем с архиереями) [17].

Примечания

1. История православной церкви в XIX веке. Славянские церкви. М., 1998. С. 367.
2. Пальмов И. Болгарская экзархия. Первоначальное и современное ее устройство. СПб., 1896. С. 53.
3. Шопов А. България в Църковно отношения. Пловдив, 1889. С. 3.
4. Там же. С. 4.
5. Там же. С. 5.
6. Цанков С. Измененията на Екзархийския устав и участието на митрополит Симеон в тях // Сборник в чест на Варненский и Преславский митрополит Симеон по случай 50-годишното му архиерейско служение. София, 1922. С. 255–385.
7. АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 3555/2. Л. 144.; Писмо на митрополит Григорий Доростолски и Червенски от София до екзарх Йосиф в Цариград за разговора Григорий с министр председателя Петко Каравелов за заплатите на свещениците (София, 17 декември 1884 г.) // Митрополит Григорий Доростолски и Червенски 1872–1898. Документален сборник. Русе, 1998. С. 279.
8. Снегаров И. Цар Фердинанд (1887–1918) и българската църква // Панорама. София, 1993. Кн. 3–4. С. 12.
9. Програми, програмни документи и устава на буржуазните партии в България. София, 1992. С. 404.
10. Колев Й. Българската интелигенция 1878–1912. София, 1992. С. 151.
11. Цанков С. Варненский и Преславский митрополит Симеон // Духовна култура. София, 1957. Кн. 11–12. С. 7.
12. Тальберг Н. История Христианской Церкви. М., 1991. (http://www.krotov.org/libr_min/t/talberg/talb18.html)
13. История православной церкви в XIX веке. Славянские церкви. М., 1998. С. 377.
14. Снегаров И. Указ. соч. С. 7.
15. Пальмов Указ. соч. С. 89.
16. Цанков С. Варненский и Преславский митрополит Симеон // Духовна култура. София, 1957. Кн. 11–12. С. 6.
17. Цанков С. Измененията на Екзархийския устав и участието на митрополит Симеон в тях // Сборник в чест на Варненский и Преславский митрополит Симеон по случай 50-годишното му архиерейско служение. София, 1922. С. 350.

**Переселение болгар на территорию Кубани и Черноморья
в конце XVIII – начале XX вв.**

Болгары впервые появляются на территории России и Украины, начиная с XVI в., и особенно в XVIII и XIX вв. Шел постоянный процесс переселения болгарских беженцев из турецкого рабства, которые селились преимущественно на юге Украины. Первое официальное поселение болгарских выходцев в Новороссийском крае происходило около 1752 – 1754 годов. Болгары «поселились сперва в Новомиргороде и на реке Виси, а после в Новоархангельске, Синюхинском броде и других «ротах», т. е. селениях Сербского гусарского полка» [1]. Большинство из них оседало на предоставляемых свободных землях и занималось земледелием и ремесленничеством. Часть занималась торговлей, а другие шли в армию [2]. С точки зрения С.Б. Бернштейна, если из переселенцев сербов «организовывались на Украине военные поселения, то в иных формах проходила болгарская колонизация. В основном, переселялись крестьяне с женами и детьми со своим имуществом, нередко пригоняли большие стада овец» [3]. После 1791 года «русское правительство ввиду договорных отношений с Османской империей не могло официально вывозить болгар, желающих переселиться в Россию, но оно разрешило местным властям принимать всех, кому удалось пересечь российскую границу, поселять их на пустующих землях и помогать в благоустройстве» [4]. С самого начала русско-турецкой войны 1806-1812 гг. Россия оказывала посильную помощь Болгарии, «в связи с которой часть населения Болгарии могла стать на путь переселения в Россию... Также предусматривалось, что каждой прибывшей семье будет отведено по 60 десятин земли «в вечное потомственной владение» [5].

В формулярных списках Черноморского казачьего войска болгары упоминаются в первой трети XIX века. Среди казаков Усть-Дунайского Буджакского войска, впоследствии вошедшего в состав Черноморского,

встречаются болгарские фамилии. В состав Болгарского куреня было зачислено «25 человек из болгар прибывавших в турецкой области: Дмитрий Демьян, Георгий Коваль, Иван Корян, Стоян Болгар, Иван Филиппов, Иван Брашован, Малагатий Кожухарь, Георгий Доброхан, Иван Истратов, 6 человек из сербов и другие» [6]. Первый казак, ставший затем куренным атаманом, Данила Борщ, был зачислен в войско 15 марта, а последний Константин Попович – 1 июля. Основная масса болгар вошла в состав войска в середине апреля 1807 г. [7]. Помимо Болгарского в Усть-Дунайском Буджакском войске был и Сербский курень, в составе которого также присутствовали болгары. Кроме этих куреней болгары входили в Переяславский, Брюховецкий, Тимошевский и др. Так в формулярном списке полковым есаулам за 1809 г. значится «Емельян Матвеев, сын Стоянов-45 лет из иностранных дворян болгарской нации» [8].

В отдельных случаях в казаки вступали болгары, сербы, арнауты (албанцы), выходцы из Польши и др. [9]. Как отмечает Елена Хаджиниколова: «Така до началото на XIX в. българските преселници в Русия образували главно войскови части и военни колонии, които заедно с казаците трябвало да охраняват западните, а след това и южните граници на империята» [10]. Причины переселения можно выделить следующие: аграрное перенаселение страны, притеснения со стороны турецких властей, а также время ведения военных действий. Так И.И. Мещерюк отмечал, «что переселение 1828-1829 гг. было вызвано и облегчено также обстановкой военного времени. Если в мирное время болгары не имели возможности свободно переселяться в пределы России, так как границы усиленно охранялись турецкими войсками, то во время войны обстоятельства изменялись» [11].

Потомки переселившихся на Кубань болгар также несли службу в рядах Кубанского казачьего войска. Так, казак, с распространенной болгарской фамилией Стоянов Владимир Васильевич из станицы Каменобродской в службу вступил в 1913 году. Был командирован на службу в 1-й Кубанский

генерала фельдмаршала Великого князя Михаила Николаевича полк. Уволен в 1918 г. [12]. Далев Петр Савельев - из казачьих детей Кубанской области, Лабинского отдела, станицы Новотроицкой. За отличия против турок 2 июня 1916 г. награжден Георгиевским крестом 4 степени [13]. Заметное появление групп болгарских переселенцев на Кубани началось в пореформенный период. В архивных документах за 1868 год значится «переписка о просьбе 42 семейств болгар о поселении их в Кубанской области», проживающих на территории Украины. В отзыве помощника начальника штаба Кавказского военного округа от 5 декабря 1867 г. значится, что «некто Добре прислал телеграмму из Бердянска на имя штаба заместителя Кавказского, в которой просит уведомления: чем решено дело по заявлению депутата от 42 колоний болгар Бердянского уезда Добре Николаева, который еще в прошлом 1866 году отправился хлопотать о переселении доверителей его на Кавказ и где находится в настоящее время сим доверитель» [14]. Однако прошение от Добре Николаева о переселении не поступало. Воплотились ли намерения колонистов о переселении на Кавказ в жизнь не известно. Всего лишь некоторые косвенные данные свидетельствуют о пребывании болгар из украинских губерний. По имеющимся сведениям Кавказского военного округа от 26 октября 1869 г. часть болгарских переселенцев проживала на Черноморском побережье Кавказа. Болгары обосновались в селениях Анастасиевском и Николаевском, каждое из которых состояло из 30 семей, прибывших из Катаржинской колонии Новороссийского края. Все они родились в России [15]. Болгарам была «отведена самая лучшая часть Цебельды, урочища Науш и Наа в расстоянии 25 верст от Сухума» [16]. В основном же архивные данные свидетельствуют о переселенцах из собственно Болгарии. Согласно метрическим книгам Черноморской губернии, в них были зафиксированы непосредственно болгарскоподданные жители. Так, в метрической книге г. Новороссийска за 1876 г. обнаружен болгарскоподданный Иван Степанович Стойков, который 13 января вместе с «законной женой Марфой Васильевной крестил сына Павла» [17]. В 1879 г.

болгарскоподданный Стефан Игнатович Резников «и законная жена его Фекла Васильевна 17 января крестили дочь Татьяну»[18]. Через несколько лет в той же Николаевской церкви, в январе 1882 г. болгарскоподданный Стефан Игнатович Резников с женой крестили сына Никиту [19]. Можно сказать, что болгары прочно укоренились на Кубанской и Черноморской земле. В 1892 г. зафиксирован брак болгарскоподданного Тончо (Федора) Маринова Милту с дочерью умершего мещанина города Аккермана Ульяной Петровной Хищенковой [20]. Согласно сведениям Е. Д. Фелицына в 1885 г. в Ханской станице Майкопского уезда на правом берегу реки Белой проживали коренные болгары двое мужчин и одна женщина [21]. По данным канцелярии начальника Кубанской области болгарскоподданные по истечении положенного срока продлевали билеты на свободное жительство. Так, 11 июня 1885 г. болгарскоподданный Андрей Георгиев 27 лет, уроженец г. Трапезунда, по роду деятельности огородник, с женой Агафьей Стефановной 23 лет, подал прошение о «перемене билета» [22]. Георгиев проживал в течение года в Закубанском уезде, так как предыдущий билет был выдан начальником Кубанской области 12 июня 1884 г. Препятствий со стороны властей не имелось и новый билет был выдан 11 декабря 1886 г. [23]. Значительное количество билетов работники канцелярии выдали в 1887 г. Пожелал остаться в Темрюкском уезде болгарскоподданный Тодор Стаматов 39 лет, с женой Евдокией 24 лет, сыном Иваном 6 лет и дочерью 4,5 г. Стаматов уроженец сел. Дерекий, занимался хлебопашеством, проживал на территории Кубанской области с 1880 г. Новый билет был выдан 8 января 1887г. [24]. Больше всех прошений подано болгарскими сел. Армавир. Так, в августе 1887г. было разрешено остаться болгарскоподданным: Ивану Маринову 38 лет, Дончо Донюву 36 лет и Михаилу Павловичу Градинару 45 лет [25]. В сентябре 1887 г. такие же билеты получили: волю Стоянов 27 лет, Спас Друмев 44 лет и Минко Иванов с женой Еленой 27 лет, сыном Иваном 9 лет и дочерью Марией 1 года [26]. Проживающий в сел. Армавир Сикул Нидялков 40 лет, подал

прошение в ноябре, новый билет на свободное проживание получил в декабре 1887 г. [27]. Болгарскоподданный Георгий Михайлов 25 лет, уроженец г. Тырново, огородник, получил билет на жительство 10 августа 1906 г. и свидетельство о беспрепятственном выезде его за границу. Еще один болгарскоподданный Иван Енев 58 лет, уроженец с. Арбанаси, по роду деятельности рабочий, проживал в Екатеринодаре, так же получил билет и свидетельство [28]. В августе 1907 г. в канцелярию начальника Кубанской области были направлены семь национальных паспортов болгарскоподданных Дмитрия Ключюкова, Цаню Парнецова, Георгия Сизова, Тодора Никова, Ивана Парнецова, Георгия Парнецова и Юрдана Голева и семь квитанций Армавирского уездного казначейства о взносе ими по 5 рублей с просьбой выдать им заграничные паспорта [29]. Материалы Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. так же подтверждают тезис о переселенцах из самой Болгарии. По ее данным в Кубанской области было зафиксировано 276 человек (183 мужчины и 93 женщины) болгарскоподданных. Однако количество человек, признававших болгарский язык родным было значительно больше, т. е. 322 человека (211 мужчин и 111 женщин). Во всей Черноморской губернии значилось 5 болгарско-поданных, а признающих болгарский язык родным – 36 человек (33 мужчины и 3 женщины) [30]. С 1907 по 1915 годы количество болгарскоподданных в Черноморской губернии увеличилось в несколько раз. Так, в 1907 г. подданных Болгарии насчитывалось всего 20 человек. (12 мужчин и 8 женщин). В Туапсинском округе дер. Новомихайловке проживало 6 болгар, в Сочинском округе дер. Абазинка – 10 болгар, на культурных участках Адлерской дачи – 4 человека [31]. К 1915 г. в Черноморской губернии проживало 72 болгарскоподданных (45 мужчин и 27 женщин). 7 болгар (3 мужчин и 4 женщины) проживали в Туапсинском округе дер. Тенгинка, в Сочинском округе дер. Абазинка количество болгар увеличилось до 22 человек (13 мужчин и 9 женщин), а в дер. Дзыхра этого же округа поселился 1 болгарин, на культурных участках Адлерской дачи уже

зафиксировано 35 человек (22 мужчины 13 женщин) и 7 болгарскоподданных (6 мужчин и 1 женщина) проживали в имении Хлудова (урочище Адлера) [32]. В окрестностях Адлера проживало 25 семей болгарско-поданных, число коих 17 человек военнообязанных нижних чинов и один прапорщик запаса болгарского полка [33]. Несколько меньше содержится сведений о численности болгарского населения в Кубанской области накануне Первой Мировой войны. Можно предположить, «что к 1914 г. количество болгар по сравнению с 1897 г. увеличилось в несколько раз. Так, в Ейском отделе в 1897 г. зафиксировано 33 подданных Болгарии. В списках болгар Ейского отдела на 1 декабря 1916 г. уже насчитывалось около 200 болгарскоподданных» [34].

По сведениям С. Н. Ктиторова «среди армавирских болгар в начале XX века встречались выходцы не только из исторической родины, но и из других государств. Так, в 1907 г. в селении на ул. Маламинской приобрел недвижимое имущество румынский подданный Василий Хаджи-Константинов. В списке местных предпринимателей за 1909 г. упоминается имя персидского подданного болгарина Шлемана сына Горила, который владел в Армавире гостиничными номерами «Австрия» [35]. В Кавказском уезде проживал с 1884 г. вблизи селения Эйгенфельд румилийскоподданный Стоян Георгиев 32 лет. 25 января 1887 г. ему был продлен и выдан билет на свободное проживание [36]. Помимо социально – экономических причин болгар толкали на переселение и политические мотивы. В результате подавления апрельского восстания 1876 года, «свыше 30 тыс. человек было уничтожено, более 200 сел и деревень сожжено и разграблено» [37]. Россия не осталась в стороне и приняла бежавшее от турецкого произвола болгарское население. Возможно, что «какая-то часть болгарских переселенцев тогда перебрались в Кубанскую область» [38]. О времени пребывания болгарскоподданных можно судить по спискам Ейского отдела, составленных на 1 декабря 1916 г. в станице Куцевской проживал «около 40 лет, все время в Кубанской области» Николай Стефанов Стоянов 55 лет.

Вероятно, он прибыл на Кубань в конце 1876 или начале 1877 г. [39]. Судя по всеобщей переписи, наплыв болгар на Кубань происходит уже в начале XX в. Так, в Екатеринодаре в 1897 году было зафиксировано неместных уроженцев по месту рождения, Болгарии: 5 мужчин и 2 женщины, а более всех в Кавказском отделе – 23 мужчины и 8 женщин [40]. Житель станицы Каневской болгарин Василий Дмитриевич Дмитриев 57 лет проживал в России с 1879 г., а в Кубанской области с 1888 г. [41]. Болгарскоподданный Панайот Панаиотов проживавший в сел. Новомихайловском подал прошение о выдаче ему заграничного паспорта 4 октября 1906 г. [42]. Причина переселения различных народов на новые места кроется, прежде всего, в поисках «лучшей доли». Таким образом, отдельные представители южных славян переселялись в Россию, в частности в ее южные пределы, которые также необходимо было осваивать. Черноморское войско, образованное для охраны южных границ нуждалось в увеличении своей численности. Вследствие этого в войско принимались желающие, в том числе и южные славяне. В основном миграционный поток увеличивался во время русско-турецких войн. Необходимо отметить, что основной приток болгарских переселенцев на Кубань пришелся на пореформенный период. К тому же, часть переселенцев болгарской нации проживала отдельными группами, сохраняя свой язык, культуру, традиции.

Примечания

1. Скальковский А. А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848. С. 3.
2. Сохань П. С. Очерки истории украинско-болгарских связей. Киев, 1976. С. 47.
3. Бернштейн С. Б. Основные этапы переселения болгар в Россию в конце XVIII – XIX веках // Советское славяноведение. М., 1980. С. 46.
4. Медведева О. В. Переселение болгар // Век Екатерины II. Дела Балканские. М., 2000. С. 273.
5. Мещеряк И. И. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Южной Бессарабии (1808-1856). Кишинев, 1971. С. 342.
6. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 250. Оп. 2. Д. 151. Т. 1. Л. 71.
7. Бачинский А. Д. Сербь и болгары в Усть-Дунайском Буджакском казачьем войске // Славянское источниковедение. М., 1965. С. 133.
8. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 165. Л. 34.
9. Голобуцкий В. А. Черноморское казачество. Киев, 1956. С. 141.

10. Хаджиниколова Е. Българските преселници в южните области на Русия 1856 / 1877. София, 1987. С. 24.
11. Мещеряк И. Переселение болгар в Южную Бесарабию 1828 – 1834 гг. Кишинев, 1965. С. 29.
12. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 791. Лл. 18, 18-об.
13. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 683. Лл. 5, 5-об
14. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 130. Л. 2.; Матвеев О. В. К истории болгарских переселенцев на Кубани. Часть I (70-е годы XIXв. 1916г.) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2002 год. Дикаревские чтения (9). Краснодар, 2003. С. 150.
15. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848 - 1874). Нальчик, 2003. Ч. 2. №. 241. С. 352.
16. Матвеев О. В. Особенности адаптации болгарских переселенцев на Северном Кавказе // Материалы межрегиональной научной конференции «Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические вызовы» (к 70-летию В. Б. Виноградова). Армавир, 2008. С. 135.; Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848 - 1874). Нальчик, 2003. Ч. 2. №. 241. С. 352.
17. Архив администрации г. Новороссийска. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2. Л. 2-об.
18. Там же. Л. 172.
19. Архив администрации г. Новороссийска. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3. Л. 135-об.
20. Архив администрации г. Новороссийска. Ф. 24. Оп. 1. Д. 7. Л. 244-об.
21. Фелицын Е. Д. Кубанская область. Списки населенных мест по сведениям 1882 года // Сборник сведений о Кавказе. Т. VIII. Тифлис, 1885. С. 30, 32.
22. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 4216. Л. 220.
23. Там же. Л. 220.
24. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 4213. Л. 424.
25. Там же. Л. 145, 146, 147.
26. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 4287. Л. 158, 159, 161.
27. Там же. Л. 223, 224.
28. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Т. 2. Д. 4652. Л. 1, 2, 28, 29.
29. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Т. 2. Д. 4652. Л. 60, 60-об.
30. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXX. Черноморская губерния. СПб., 1903. С. 15, 29.
31. Архив администрации г. Новороссийска. Ф. 74. Оп. 1. Д. 11. Л. 4, 37, 38, 40-об.
32. Архив администрации г. Новороссийска. Ф. 74. Оп. 1. Д. 15. Л. 4, 43, 44-об, 47, 47-об.; Матвеев О. В. Болгары Кубани и Черноморья во второй половине XIX начала XXв. // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4. Краснодар, 2008. С. 70.
33. ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 409. Л. 1.
34. Матвеев О. В. Болгары Кубани и Черноморья во второй половине XIX начала XXв. // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4. Краснодар, 2008. С. 70.
35. Ктиторов С. Н. «Называли их учителями по огородным делам» (из истории болгар Средней Кубани) // Мир славян Северного Кавказа. Выпуск 2. Краснодар, 2005. С. 239.
36. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 4287. Л. 4, 5.
37. Киняпина Н. С. Русско-турецкая война в 1877-1878 гг. И освобождение Болгарии // Россия и освобождение Болгарии. М., 1982. С. 114.
38. Матвеев О. В. Болгары Кубани и Черноморья во второй половине XIX начала XXв. // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4. Краснодар, 2008. С. 73.
39. ГАКК. Ф. 449. Оп. 9. Д. 506. Л. 13.; Матвеев О. В. Болгары Кубани и Черноморья во второй половине XIX начала XXв. // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4. Краснодар, 2008. С. 73.
40. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXV. Кубанская область. СПб., 1905. С. 32.

41. ГАКК. Ф. 449. Оп. 9. Д. 506. Л. 17.; Матвеев О. В. Болгары Кубани и Черноморья во второй половине XIX начала XXв. // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4. Краснодар, 2008. С. 74.

42. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Т. 1. Д. 4652. Л. 60-об.

А.В.Гайворонская (г. Краснодар)

К социокультурному портрету казачьих офицеров Кубанского войска второй половины XIX – начала XX вв. Семейная повседневность

Реконструкция социокультурного портрета казачьего офицера предполагает обращение исследовательского внимания к различным аспектам повседневной жизни офицеров войска. Рассмотрение вопросов, затрагивающих особенности заключения офицерских браков, семейные взаимоотношения, домашнее времяпрепровождение, развлечения поможет дополнить представление о каждодневной жизни офицерской семьи и добавит новые штрихи к портрету офицера Кубанского казачьего войска.

Одним из главных условий совершения брака было достижение определенного возраста [1]. Для офицеров был установлен особый возраст брачного совершеннолетия. С 1866 г., когда были утверждены правила о браках военнослужащих, офицерам, состоящим на действительной службе, не дозволялось вступать в брак ранее достижения 23-летнего возраста. Впоследствии неоднократно поднимался вопрос о повышении возрастного ценза до 25 лет. Цель такого ограничения возраста заключалась в том, «чтобы удержать молодого офицера от вступления в брак именно в период первых увлечений, который связан с первыми 2-3 годами службы, когда юноша только что надел эполеты и с наслаждением, без размышлений, предаётся светским развлечениям и до тех пор мало еще ему доступному общению с женщинами» [2]. Офицерам, не достигшим 28 лет, вступление в брак разрешалось только по предоставлении имущественного обеспечения, которое дополнило бы жалование офицера до необходимых 1200 рублей в год. В 1898 г. во время работы комиссии по пересмотру брачного

законодательства военнослужащих при рассмотрении вопроса об изменении размеров денежного обеспечения представитель Главного Управления казачьих войск заявил, «что цифра материального обеспечения должна быть установлена не одинаковая для всех, а различная в зависимости от условий службы, стоянки и т. под. Казачьи офицеры, находящиеся на льготе и получающие меньшие оклады содержания, при обеспечении в проектируемых размерах, лишаются фактически права на вступление в брак, так как материальное обеспечение 11-ти Казачьих войск самое неблагоприятное; большинство офицеров безземельные, а если и остались в казачьем сословии лица со средствами, могущие представить столь значительное обеспечение, то их следует считать лишь единицами» [3]. В ходе обсуждений вопрос о введении разных размеров обеспечения был отклонен, а вопрос о возможном уменьшении или даже отмене обеспечения для казачьих офицеров, находящихся на льготе, комиссия оставила открытым, предоставив его обсуждение в дальнейшем Главному управлению Казачьих войск. Такое положение дел объясняло появление фиктивных обеспечений, представляемых офицерами, не достигшими 28-летнего возраста.

Ранние браки офицеров обычно встречали неодобрение начальства. Распространенным оставалось мнение о том, что «войсковые части, где в офицерской среде преобладает холостой элемент, живут обыкновенно очень дружно, и составляют как бы одну полковую семью. Не то замечается в частях, где имеется значительное число семейных офицеров; в таких частях почти постоянный разлад, общности интересов не существует и воспитательное значение полковой среды постепенно утрачивается» [4]. С 1885 года, офицеры вступившие в брак без разрешения начальства до достижения 23-летнего возраста, или не представившие реверс, должны были зачисляться в запас. Остальные офицеры, вступившие в брак без разрешения предавались суду, по приговору которого им объявлялся выговор. На деле, большинство прошений молодых казачьих офицеров с просьбой о

вступлении в брак до наступления означенного законом возраста удовлетворялись начальством, а случаи, когда офицер вступал в брак без разрешения, наказывались не столь строго: «Рассмотрев препровожденное Вашим Превосходительством дело о поступках Хорунжего Катернича, о вступлении в законный брак без разрешения начальства, я, принимая во внимание молодость этого офицера, на основании 10 ст. Дисц. Ус., полагаю ограничиться высшим в моей власти дисциплинарным взысканием с Хорунжего Катернича – подвергнуть его аресту на гауптвахте до одного месяца» [5]. Причины, побуждавшие молодых людей торопиться с созданием семьи, мало отличались от тех, что беспокоят сегодняшних офицеров. В зависимости от сложившихся обстоятельств решение молодого офицера могло быть одобрено и даже поддержано полковым командиром и другим начальством.

Чтобы получить разрешительное свидетельство на вступление в брак, офицер должен был обратиться с рапортом к командиру части, предоставив при этом свидетельство о рождении будущей невесты, подписку девицы о желании вступить в брак и подписку обоих ее родителей о согласии на брак. Обязательно учитывалась пристойность будущего брака. Понятие «пристойность» требовало, чтобы невеста офицера была «доброй нравственности и благовоспитанна», а, кроме того, «должно быть принимаемо во внимание и общественное положение невесты». При подаче офицером соответствующего заявления командир полка обязан был решить вопрос о пристойности брака и, если не видел к тому препятствий, представлял свое заключение начальнику дивизии, который и имел право дать окончательное разрешение [6]. Офицер Кубанского казачьего войска, после одобрения пристойности брака командиром части, Атаманом отдела и Наказным Атаманом, получал свидетельство и представлял документы священнику, который должен был совершить обряд бракосочетания. По правилам, венчание военнослужащих должно было совершаться в полках полковыми священниками.

Сословная принадлежность невесты редко становилась серьезным препятствием к браку, и имела решающее значение в основном для офицеров гвардии: «Офицерские жены составляли как бы часть полка, и потому в их среду не могли допускаться не только еврейки, но даже дамы, происходящие из самых богатых и культурных русских, однако не дворянских семейств. Моему товарищу, князу Урусову, женившемуся на дочери купца Харитоненко, пришлось уйти из полка; ему запретили явиться на свадьбу в кавалергардском мундире» [7]. Офицер гвардии мог жениться лишь по достижении определенного возраста и только на девице дворянского происхождения, причем не занятой какой-либо службой [8]. В иных случаях женой офицера могла стать и девушка не дворянского происхождения. Например, Помощник Наказного Атамана генерал-майор И.Г.Лебедев был женат на дочери ейского купца Вере Ивановне Евтушенко, которая окончила в Екатеринодаре женское училище войскового старшины Александра Посполитаки [9]. Особенностью, оказывающей влияние на выбор офицера, а точнее на складывание хороших семейных взаимоотношений в будущем, можно считать желательность и даже предпочтение происхождения невесты из казачьей среды. Такое мнение неоднократно подчеркивалось, например, в мемуарах М.И.Недбаевского: «Женитьба П.П. Бурсака на неказачке, порвала связь его семьи с казачьими семьями. Полковник П.И.Голуб, бывший командир полка моего отца, у которого отец постоянно бывал, всегда провожал отца только до ворот усадьбы П.П.Бурсака... Шафер на свадьбе П.П.Бурсака генерал А.В.Савицкий был при мне всего два или три раза» [10]. Косвенным подтверждением такого предположения могут служить также многочисленные положительные примеры удачных браков офицеров именно на казачках, описанные другими мемуаристами. Часто казачьи офицеры выбирали себе жен из офицерских семей – дочерей или сестер офицеров, о чем свидетельствуют сведения о родителях невест в ходатайствах офицеров о вступлении в брак.

Принимая предложение руки и сердца, невеста офицера соглашалась принять и определенный образ жизни будущего супруга. Чин мужа и статус полковой дамы определяли теперь ее положение в обществе. Служба и полковая жизнь становилась ее собственной жизнью. Жены офицеров, как правило, полностью разделяли судьбу своих мужей, – им приходилось жить в далеких, богом забытых гарнизонах, часто переезжать с места на место и переносить все тяготы походной жизни и неустроенного быта. Некоторые дамы с годами так и не привыкали к такой жизни, разочаровывались и надеялись только на удачные перемены в карьере мужа, которые смогли бы изменить и их судьбу: «Остаться здесь – это значит опуститься, стать полковой дамой, ходить на ваши дикие вечера, сплетничать, интриговать и злиться по поводу разных суточных и прогонных... каких-то грошей!.. устраивать поочередно с приятельницами это пошлые «балки», играть в винт... Пусть он только пройдет в генеральный штаб, и – клянусь – я ему сделаю блестящую карьеру... Неужели я уж так неинтересна как человек и некрасива как женщина, чтобы мне всю жизнь киснуть в этой трущобе, в этом гадком местечке, которого нет ни на одной географической карте!» [11].

Мирясь со всеми неудобствами полковой жизни, порой дамы считали вполне оправданным свое вмешательство в служебные дела супруга, также позволяя себе и публичные замечания его сослуживцам, что приводило к самым неприятным разбирательствам. Так, в январе 1910 г. в Асхабадском окружном суде Мервского уезда в открытом заседании рассматривалось дело по обвинению Елизаветы Михайловны Чаун. Обиженной стороной оказался генерал А.И. Кияшко, поверенный которого сообщил суду следующее: «15 декабря 1909 г. генерал Андрей Кияшко получил телеграфное уведомление от полковника Чауна о высылке животных, на что в этот же день телеграммой ответил: «весьма признателен за исполнение моей просьбы». На следующий день генерал Кияшко получил телеграмму от Елизаветы Михайловны Чаун, жены полковника Чауна, следующего содержания: «не признателен», а «благодарен», писать не умеете, видна сова по полету.

«Мадам Чаун», причем слово благодарен поставлено в кавычках» [12]. Генерал Кияшко просил привлечь Е.М. Чаун за «умышленное и беспричинное оскорбление его на письме» и наказать ее «арестом, а не денежным взысканием».

Отношение офицеров воинской части к полковым дамам определялось в значительной степени профессиональными и человеческими качествами их мужей. Непопулярность офицера в полковой среде часто приводила к неприязненному отношению сослуживцев и к его супруге. Самое серьезное влияние на продвижении карьеры офицера могло оказать легкомысленное поведение его жены. Романтические увлечения полковых дам быстро становились известны в полку. Несмотря на то, что законы чести, казалось бы, не позволяли офицерам заводить романы с женами сослуживцев, такие романы трудно назвать редким исключением. Нарушение супружеской верности дамы очень по-женски оправдывали и даже объясняли самыми лучшими побуждениями: «Началось это так: на Р.Х. 912 г. в собрании были частые вечера, на которых я подолгу беседовала с подьесаулом Буткевичем и узнала его печально сложившуюся семейную жизнь. Так как мне он казался симпатичным и недюженным человеком я приняла в нем участие, уговаривала бросить кутежи, заняться науками и держать экзамен в академию. На вечерах кроме танцев, у нас были разговоры о литературе, была даже попытка устроить спектакль, начались репетиции, - все это сблизило подьесаула Буткевича с некоторыми семьями, где он стал бывать и где я с ним часто встречалась. Симпатия наша друг к другу с каждым разом проявлялась все больше и больше. Держала я себя всегда с подобающим достоинством и гордостью. И так, встреча за встречей, его полное ко мне уважение, предупредительность и любовь вскружили мне голову; его клятвы, целование креста и обещание хранить свято мое имя привели к печальному концу историю мою с подьесаулом Буткевичем... Может я и виновата, что приняла в нем участие, что хотела исправить кутилу и безнравственного человека и наставить на путь истинный, но – сама сбилась с него... Находясь

в связи с подьесаулом Буткевичем я переживала ужасные нравственные муки обманывая мужа, но он все время утешал меня, что ни я первая, ни я последняя, все так живут. При этом рассказывал такие ужасные вещи про своих батальонных дам, что я узнала теперь что он за человек, удивляюсь, почему общество офицеров батальона до сих пор терпит его в своей семье? Если потребуется, то я даже могу назвать фамилию тех дам батальона, про которых говорил гадости подьесаул Буткевич» [13]. Открытая публичность романа обычно приводила к разбирательству в офицерском суде чести, в зависимости от решения которого, офицерам могло быть предложено подать в отставку. Развод даже в случае очевидной неверности супругов был все же исключением. Вообще, разводы в среде кубанских офицеров случались редко. Причинами почти полного отсутствия таковых можно считать и отрицательное отношение к разводам православной церкви, и традиционное общественное неодобрение. Наиболее распространенной формой неофициального развода был разъезд супругов и раздельное проживание.

Особенности семейной жизни казачьего офицера были предопределены спецификой военной профессии. Семейное положение офицера теснейшим образом было связано с условиями его службы и быта. Походная жизнь, служба в малоприспособленных к жизни условиях и местностях, частые переводы воинских частей из города в город не способствовали устройству семейного быта и не располагали к женитьбе [15]. На складывание благоприятных внутрисемейных отношений влияние оказывали такие факторы, как материальное благосостояние семьи, ее положение в офицерском сообществе, взаимные привязанности супругов. Тем не менее, независимо от совпадения всех желаемых составляющих, успешность офицерского брака, как и любого другого, была совершенно непредсказуема.

Примечания

1. Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2004. С.204.
2. ГАКК (Государственный архив Краснодарского края). Ф.396. Оп.1. Д.7435. Л.9.

3. Там же. Л. 8.
4. Там же.
5. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.3238. Л.2.
6. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С.280.
7. Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С.57.
8. Фомин С.В. Золотой клинок империи // Граф Келлер. М., 2007. С.238.
9. Бардадым В.П. Замечательные кубанцы. Краснодар, 2002. С.55.
10. ГАКК. Ф.670. Оп.2. Д.67. Л.57.
11. Куприн А.И. Избранные сочинения. М., 1985. С.280.
12. Кубанские областные ведомости. 1910. №40. С.2.
13. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.10634. Л.6.
14. Волков С.В. Указ. соч. С.274.

И.В. Крючков (г. Ставрополь)

Славяне Австро-Венгрии на страницах альманаха «Современный мир» (1906-1914 гг.)

Ведущую роль в интеллектуальном пространстве России начала XX в. играли общественно-политические и литературные альманахи, которые имели разнообразную рубрикацию и проявляли интерес ко всем сферам жизни российского и зарубежного общества (экономика, политика, культура, международные отношения, рецензии и критика). Этот феномен наиболее ярко реализовался именно в России. В странах Европы журналы, как правило, имели узкую специализацию и были рассчитаны на определенный круг читателя.

К числу ведущих изданий такого рода принадлежал журнал «Мир Божий», издававшийся с 1892 г. «Мир Божий» традиционно придерживался оппозиционных взглядов, что не раз приводило к его конфликтам с властями. В результате очередного такого конфликта в августе 1906 г. журнал был закрыт. После этого его учредители и редакция принимают решение создать новый журнал, правопреемник «Мира Божьего», который получил название «Современный мир». В октябре 1906 г. новое издание начало свою деятельность. Главным редактором «Современного мира» стал А.И. Богданович, после его смерти на должность главного редактора приходит В.П. Кранихфельд, а затем Н.И. Иорданский [1]. Как и его предшественник

«Современный мир» симпатизировал идеям марксизма, но не в большевистской интерпретации.

«Современный мир» продолжил традиции «Мира Божьего» в освещении основных событий из жизни зарубежных стран, в том числе Австро-Венгрии. Однако, по сравнению, с «Миром Божьим» публикации «Современного мира» были не столь обширны, и тематика их была значительно уже, они затрагивали только основные политические события из жизни империи Габсбургов. «Мир Божий» в этом плане был на порядок выше по уровню аналитики и спектра освещаемых проблем. В данной связи можно отметить уникальный цикл статей Л.Василевского, опубликованный на страницах «Мира Божьего» в 90-гг. XIX в., и посвященный жизни основных национальных меньшинств Австро-Венгрии.

Тем не менее «Современный мир» оставил заметный след в освещении австро-венгерской проблематики в России. Это определяется той оригинальной позицией, которую избрало издание при анализе новостей, приходящих из Дунайской империи. «Современный мир» стремился отказаться от жупела «тюрьмы народов», доминировавшего в России при восприятии Австро-Венгрии и дать более объективную картину событий. Следует отметить, что, несмотря на многие прорехи, изданию это в целом удалось. Хотя журнал так же постоянно отмечал очередные перипетии межнациональных противоречий в империи Габсбургов. В Австрии на лицо были противоречия между славянами и австро-нецами. Но и внутри самого славянского лагеря все было не просто, поляки конфликтовали с украинцами, сербы с хорватами. Славяне Дунайской империи были не в состоянии выработать единую славянскую общеимперскую политику, они были погружены, по мнению издания, в решение собственных эгоистических задач.

Анализируя события, происходящие в Австро-Венгрии, «Современный мир» четко разделял противоположность политических процессов наблюдавшихся в австрийской и венгерской половинах империи Габсбургов.

Конечно, в силу своих политических пристрастий издание симпатизировало и сочувствовало тем явлениям, которые происходили в Австрии. С 1867 г. Австрия и Венгрия вступили на путь построения либерального общества, и особенно значительных успехов на данном поприще достигла Австрия. Большое воодушевление в российских оппозиционных кругах вызвало введение в Австрии в 1907 г. всеобщего избирательного права. Эта акция рассматривалась как возможный сценарий развития событий в России. Поэтому «Современный мир» посвятил данной реформе ряд материала.

Среди причин введения в Австрии всеобщего избирательного права журнал с большим удовольствием отмечал влияние последствий первой русской революции, так как правящие круги Вены были обеспокоены возможным повторением русских событий в Австрии [2]. Издание подробно анализировало все нюансы избирательного закона 1907 г. Полностью поддерживая его появления, журнал в тоже время выделял и некоторые прорехи, и недостатки в законе 1907 г. Журнал не устраивал годичный ценз оседлости, который, прежде всего, затрагивал рабочих, но самый главный недостаток закона заключался в диспропорциях создания избирательных округов среди представителей отдельных национальностей Австрии. Так, у немцев один депутатский мандат приходился на 39 тыс. жителей, у чехов на 55 тыс. жителей, у поляков на 51 тыс. жителей, у русин (украинцев) на 102 тыс. жителей [3]. Но, несмотря на эти обстоятельства закон 1907 г. не терял своей общей прогрессивной направленности.

Первые парламентские выборы в Австрии по новой избирательной системе вызвали большой резонанс в странах Европы и Северной Америки. Практически все ведущие российские периодические издания уделили этому событию первостепенное внимание. «Современный мир» правильно выделил главную особенность выборов 1907 г., они на политическую арену страны выводят новую мощную политическую силу в лице социал-демократической партии. В то время, когда консервативные и либеральные партии

раскололись по национальному признаку, социал-демократы выступили единым фронтом, что обеспечило им в конечном итоге успех.

«Современный мир» обратил внимание на специфику выборов 1907 г. в славянских землях Австрии. В Богемии против социал-демократов ополчились все остальные чешские национальные партии, вне зависимости от их политической направленности. Однако это им не помогло, Прага, которая всегда поддерживала националистов проголосовала за социал-демократов, даже чешское село активно поддержало СДПА. В первом туре выборов из 58 депутатских мандатов СДПА, 34 было получено в немецких землях и 22 в чешских, а до этого от чешских земель социал-демократы имели всего 2 места в рейхсрате [4]. Самая популярная до этого чешская партия младочехов потерпела сокрушительное поражение, получив в первом туре всего 5 мандатов, а в предыдущем парламенте она имела 45 мандатов. После второго тура младочехи получили 20 мандатов, а остальные чешские национальные партии 9 мандатов. Это было связано с тем, что, по мнению издания, за социал-демократов голосовали не только чешские рабочие и крестьяне, но и значительная часть среднего класса.

Социал-демократы проиграли выборы в Галиции, поэтому «Современный мир» проанализировала причины этого явления. Они заключались в тактике грубого давления на украинских избирателей со сторону польской элиты, которая, по сути, бесконтрольно управляла Галицией. Нигде произвол на выборах 1907 г. не имел такого развития как в Галиции. Чуть позже поэтому поводу журнал писал: «Что касается поляков, то они чувствуют себя прекрасно среди привилегированных групп населения в Австрии. За преобладание в Галиции и за возможность эксплуатации русинов они готовы поддерживать реакционные мероприятия немцев...» [5]. По сути, поляки расценивались как «пятая колонна» в славянском и общедемократическом движении Австрии.

После второго тура выборов СДПА имела 87 депутатских мест (50 немецких депутатов, 24 чешских, 6 польских, 5 итальянских и 2 русинских

(украинских). Первое место, получив 96 мандатов заняли христианские социалисты. В чем был успех последних? «Современный мир» выделял несколько причин этого. Первая – это административный ресурс, который заключался в том, что вся государственная машина была задействована в пользу христианских социалистов. Вторая причина – это поддержка христианских социалистов со стороны католической церкви. По мнению издания, индустриализация Австрии была не доведена до конца, поэтому в ее социальной структуре большое место занимала мелкая буржуазия и крестьянство, которые еще находились под сильным влиянием церкви и имперской идеологии.

«Современный мир» верно, оценил итоги выборов 1907 г. Они символизировали поражение националистических партий и победу двух общеимперских, наднациональных партий, хотя и таких разных по идеологической направленности. Для издания это означало, что на смену межнациональной вражды в Австрии идет борьба классовая и на смену национализма идет классовое самосознание, что в конечном итоге укрепляло единство империи.

Предметом пристального внимания стали и следующие парламентские выборы 1911 г. Выборы привели к крупному поражению христианских социалистов, их представительство в парламенте сокращается с 96 до 76 мест. Причина этого заключалась на взгляд издания в разочаровании «среднего класса» в христианских социалистах, которые не оправдали их надежды и средний класса начинает голосовать за социал-демократов и либералов. Удар по христианским социалистам нанесла смерть их харизматического лидера К. Люэгера. Кстати либералы увеличили представительство с 79 до 104. Удача либералов заключалась в том, что австро-немецкая буржуазия по мере развития промышленности становилась менее националистичной и это вызывало поддержку населения [6]. В отличие от традиционных либералов, «новые либералы» не выступали против социальных реформ в стране. В стане реакции, по мнению журнала,

оказалось «Польское коло» с 76 депутатскими местами. Однако социал-демократы тоже потеряли места с 87 до 80 (численность немецких депутатов СДПА сократилась с 50 до 44, число чешских депутатов, наоборот увеличилось с 22 до 24, поляки сохранили тоже представительство, по русинам издание не имело сведений). Причина поражения заключалась в уходе части немецких избирателей от СДПА к либералам. Однако это обстоятельство не тревожило издание, так как успех социал-демократов и либералов «...лучший залог того, что дальнейшее развитие в Австрии может и будет происходить только в демократическом направлении» [7]. Этот процесс способствовал и укреплению единства Австрии.

События в Венгрии «Современный мир» оценивал совсем иначе. В отличие от промышленной Австрии, Венгрия принадлежала к числу аграрных стран, что наложило отпечаток на ее развитии. Более трети земельных ресурсов страны находилось в руках крупной аристократии. Поэтому «Венгерский парламент, венгерское правительство – всегда до сих пор принадлежало феодальным элементам» [8]. Аристократия отстранила от управления страной практически все остальные классы, в том числе рабочих. Политика правящих кругов Венгрии имела ярко выраженную националистическую окраску, так как национальные меньшинства, в отличие от Австрии были полностью устранены от управления страной. Отсюда правящий класс Венгрии провалил все планы по введению в Венгрии всеобщего избирательного права [9].

Единственная сила в Венгрии, которая способна была бороться за демократизацию Венгрии, по мнению издания, это рабочий класс. Но позиции рабочего класса страны ослаблялись отсутствием поддержки со стороны национальных меньшинств, в том числе славян (словаки, сербы, русины, хорваты). Славяне и румыны Венгрии в восприятии «Современного мира» - это малообразованная и отсталая масса, находящаяся под полным контролем венгерской и национальной олигархии [10]. Это шло в разрез с политической активностью славян Австрии. Еще одна беда Венгрии

заклучалась в том, что она не смогла сформировать собственную мощную буржуазию. Венгрия стала страной сильной еврейской эмиграции из России, Галиции, Румынии. Евреи довольно быстро мадьяризировались, составив костяк буржуазии Венгрии [11]. Они не выступали против правящего класса страны и не поддерживали идею демократизации Венгрии. Предлагаемый в 1913 г. вариант реформы избирательной системы Венгрии «Современный мир» называл тактической уловкой, которая ничего не меняла по существу, сохраняя незыблемыми права венгерской олигархии. В этой ситуации спасением Венгрии являлась ее индустриализация и увеличение численности рабочего класса, что в будущем могла стать залогом ее демократизации.

После оккупации 1878 г. и аннексии 1908 г. к империи Габсбургов присоединяется Босния и Герцеговина, формально не вошедшая ни в состав Австрии, ни в состав Венгрии. Провинция находилась в совместном управлении. Факт аннексии Боснии и Герцеговины в 1908 г. издание не драматизировало, так как провинции и до этого находились под полным контролем империи Габсбургов. Аннексия стала закономерным результатом борьбы Австро-Венгрии наряду с другими ведущими государствами за рынки сбыта и сырья [12].

«Современный мир» в отличии от многих российских изданий не идеализировал положение дел в провинциях накануне их оккупации. До «австро-венгерский период» развития Боснии и Герцеговины, для журнала, это состояние дикости, отсталости и варварства [13]. Издание признавало огромную культурную работу, которую проводила империя Габсбургов в Боснии и Герцеговине (строительство железных дорог и шоссе, индустриализация, развитие системы образования и медицины и т.д.). Все это вело к росту уровня жизни населения и его культурного уровня. «Страна (Босния и Герцеговина – прим. И.К.) становится все богаче и богаче. Таким образом, результаты австрийской культуры несомненны», - заключал «Современный мир» [14]. Правда при этом издание допускало некоторые

неточности, так оно удельный вес сербов оценивало в 88%, что не соответствовало действительности.

Однако возникал вопрос, почему при таких результатах в провинциях сложилась сложная политическая ситуация, что способствовало распространению «великосербской идеи»? По мнению издания причин, было три. Первая – это перевод всех налоговых платежей местных крестьян с натуральной на денежную основу, к чему они оказались абсолютно неготовыми. К тому же сумма налогов не всегда учитывал местные сложные климатические условия и сильную зависимость крестьянского хозяйства от погодных факторов. Вторая причина – это недостаточное внимание имперской администрации к нуждам и запросам православной церкви и православного населения. Третья причина – «Как ни благодетельна была принесена австрийцами культура, славяне не могли сразу стать на более высокую ступень цивилизации» [15].

В России и в других европейских странах, особенно в Германии было распространено мнение, что Австро-Венгрия обречена на развал после смерти Франца Иосифа I. «Современный мир» был в корне не согласен с такой постановкой проблемы: «И нашим культурным западным соседям не пришлось даже затруднить себя элементарным дедуктивным соображением о том, что так долго существующее государство держится историческим принципом, а не личностью его монарха. В настоящее время Австро-Венгрия обнаружила свою жизнеспособность, несмотря на кошачий концерт своей внутренней политики» [16]. Залогом ее единства выступали демократизация политической системы, индустриализация, рост численности пролетариата, которому было присуще интернациональное, а не националистическое сознание. Славяне в данной ситуации гармонично интегрировались в новую и демократическую Австро-Венгрию.

Примечания

1. Скворцов Л.А. «Мир Божий» / Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX вв. 1890-1904: Социал-демократические и общедемократические издания. М., 1981. С.198-199.

2. Результаты выборов в австрийский рейхстаг // Современный мир. 1907. №7-8. С.89.
3. Там же. С.90.
4. Там же. С.94.
5. Вейдемюллер К. За рубежом. Австрийские выборы// Современный мир. 1911. №6. С.319.
6. Там же. С. 324.
7. Там же. С.330.
8. Вейдемюллер К. За рубежом. Внешняя и внутренняя политика Австро-Венгрии // Современный мир. 1909. №3. С.99.
9. Капелюш Ф. Борьба за всеобщее избирательное право в Венгрии // Современный мир. 1910. №7. С.30-31.
10. Капелюш Ф. События в Венгрии // Современный мир. 1913. №12. С.284.
11. Там же. С.285.
12. Вейдемюллер К. За рубежом // Современный мир. 1908. №5. С.60-61.
13. Вейдемюллер К. За рубежом // Современный мир. 1908. №10. С.120.
14. Там же. С.121.
15. Там же. С.122.
16. Вейдемюллер К. За рубежом. Внешняя и внутренняя политика Австро-Венгрии // Современный мир. 1909. №3. С.101.

А.Н. Птицын (г. Ставрополь)

Чешские переселенцы в культурной жизни дореволюционной России

Чешская диаспора являлась одной из крупнейших среди славянских диаспор в Российской империи. Массовое переселение чехов из Австрийской монархии в нашу страну развернулось с начала 1860-х гг. По данным всеобщей переписи 1897 г., в России проживало уже 50.385 чехов [1]. Чешская миграция на восток активно продолжалась и в начале XX в. Так, только в 1911 г. российское консульство в Праге завизировало 2.020 паспортов на въезд в нашу страну, в 1912 г. их число составило уже 3.303 [2].

Чешское население было размещено по территории России неравномерно. Главным центром расселения чехов являлись юго-западные губернии Европейской России, где было сосредоточено свыше двух третей от их общего количества. При этом свыше половины российских чехов проживало в Волынской губернии, где были многочисленные чешские колонии – 27.670 человек в 1897 г. Значительное количество чехов насчитывалось также в Киевской (3.294), Таврической (1.962) и Херсонской

(1.351) губерниях (в двух последних губерниях также были чешские колонии). Крупными центрами расселения чехов являлись Царство Польское и Северный Кавказ. В губерниях российской Польши в 1897 г. было зарегистрировано 6.450 чехов, подавляющее большинство из которых проживало в промышленно развитом Лодзинском уезде Петроковской губернии – 4.979 человек. На Кавказе, по данным переписи 1897 г., насчитывалось 3.360 чехов. Они были сосредоточены, главным образом, в Черноморской губернии (1.290) и Кубанской области (1.213), где находились чешские колонии. Небольшое количество чехов проживало также в Сибири и Средней Азии [3].

Большинство среди чешских переселенцев составляли крестьяне-колонисты, в силу чего чешская диаспора имела достаточно ярко выраженный «сельский» характер. По данным всероссийской переписи 1897 г., в городах проживало всего 10,7 % российских чехов. Наибольшее количество чехов перепись зафиксировала в Киеве (954), Одессе (616), Москве (604), Варшаве (543) и Петербурге (414) [4].

Социальный состав чешских переселенцев в России был весьма неоднородным. Большинство среди них составляли крестьяне-колонисты. В нашу страну также активно переселялись ремесленники, торговцы, предприниматели, квалифицированные рабочие, инженеры и технические специалисты, сельскохозяйственные рабочие и т.д. Заметное место среди переселенцев занимали представители интеллектуальных и творческих профессий: учителя, университетские преподаватели, ученые, журналисты, музыканты, художники, скульпторы, артисты [5].

Чешские переселенцы были представлены в различных сферах экономики, что говорит об их успешной адаптации. При этом ведущим занятием чехов, как и жителей России в целом, являлось земледелие. В то же время, чешские иммигранты активно были представлены в промышленности, ремесле, торговле, сфере услуг, образовании и культурной сфере. Они смогли, в своем большинстве, найти подходящие социальные и

профессиональные ниши. В новой стране пребывания им удалось достичь достаточно высокого по тем временам жизненного уровня и повысить свой социальный статус.

Отличительной особенностью чешской диаспоры являлась очень высокая, сравнительно с другими народами, проживающими в России, доля людей, занятых в сферах образования, культуры и науки (около 3 % от общего количества переселенцев). Всего, по данным переписи 1897 г., учебной и воспитательной деятельностью были заняты 259 чехов, наукой, литературой и искусством – 409 чехов (без членов семей) [6].

Как известно, в императорской России в связи с нехваткой собственных кадров была широко распространена практика приглашения иностранных учителей, ученых, музыкантов, артистов, художников, архитекторов, инженеров и т.д. Между тем, в Габсбургской монархии в результате реформ, проведенных в конце XVIII в., была создана передовая по тем временам система образования. В чешских землях, поэтому, появилось много высокообразованных специалистов, причем далеко не все из них могли найти себе работу на родине. В связи с этим чешские специалисты охотно приезжали в Россию. Кроме того, их переезду способствовали и другие факторы. Во-первых, их охотно приглашали российские власти, не забывая создавать нужным специалистам благоприятные условия. Во-вторых, для чехов, как и для других славян, языковой барьер при переселении в Россию не играл столь существенной роли, как для других иностранцев. В-третьих, определенное значение играли также и свойственные многим чехам «славянские симпатии» к России.

Приглашением специалистов различного профиля из Австро-Венгрию в нашу страну занимались, прежде всего, различные государственные структуры. Это российские консульства в этой стране, различные министерства (особенно велика была роль министерства просвещения), попечители учебных округов и т.д. Определенную роль играли общественные организации – славянские благотворительные комитеты, а

также частные лица. Так, приглашением специалистов в области просвещения в Россию активно занимался протоиерей русской посольской церкви в Вене М.Ф. Раевский, обладавший обширными связями в славянских землях Австро-Венгрии. Множество материалов на эту тему содержат материалы его личного архива [7].

С начала 1870-х гг. в российские гимназии стали активно приглашать учителей-чехов, большинство из которых являлось преподавателями классических языков. Чешские учителя много сделали для развития российского гимназического образования. Они были знающими и весьма требовательными педагогами. Так, являвшийся в конце XIX в. попечителем Московского учебного округа граф П.А. Капнист утверждал, что по уровню ученических знаний в области латинского и греческого языков можно было безошибочно определить, работает ли в той или иной школе учитель-чех, или же нет. Многие из чешских педагогов сделали успешную карьеру – так, в начале XX в. целый ряд российских гимназий возглавляли директора – чехи (в Петербурге, Варшаве, Тифлисе, Тамбове, Новочеркасске и других городах) [8].

В России также успешно трудился целый ряд чешских ученых и вузовских преподавателей, внесших весомый вклад в развитие различных отраслей науки. Научную школу в области славяноведения основал в Варшавском университете историк И. Первольф. Й. Шембор после окончания гимназии на своей родине учился и работал в Петербургском университете, став там профессором классической филологии. Сыном чешского переселенца был один из известных российских философов начала XX в. Э. Радлов. В семье чешских переселенцев родился также Л. Николаи, основатель знаменитой российской школы инженеров-мостостроителей, ставший профессором, а затем и директором Института путей сообщения в Петербурге. Более 40 лет Анатомическим институтом Медико-хирургической академии Санкт-Петербурга заведовал чех В. Грубер, написавший около 500 научных работ в области анатомии. Профессором

медицины в Харьковском университете был Д. Ламбл. Всемирную известность приобрел петербургский отоларинголог В. Воячек, сын переселившегося в Россию чешского композитора [9]. Чешский геолог И. Кучера открыл залежи мергеля в районе Новороссийска и разработал технологию переработки его в цемент. Деятельность агрономов Ф. и Я. Гейдуков имела огромное значение для развития сельского хозяйства на Черноморском побережье Кавказа. Так, в частности, Ф. Гейдуком были заложены знаменитые виноградники в Абрау-Дюрсо и получено первое местное вино [10].

Многие литераторы Австро-Венгрии посещали Россию, где находили новые темы для своего творчества. Так, интересные романы «из русской жизни» в конце XIX в. опубликовали два чешских писателя, прошедшие несколько лет в Петербурге – Ю. Зейер и С. Геллер. Двухтомник «Поездка на Русь» выпустил в те же годы чешский писатель Й. Голечек. Жизнь чешских колонистов на Кавказе отразили в своих стихах известные чешские поэты А. Гейдук и С. Чех, посетившие в 1870-80-е гг. своих соотечественников [11].

Во второй половине XIX – начале XX в. в России работала замечательная плеяда чешских музыкантов, композиторов, певцов и музыкальных педагогов, сыгравших огромную роль в развитии российской музыкальной культуры. Самый известный из них – композитор Э. Направник, в течение 47 лет являвшийся главным дирижером прославленного Мариинского театра. Также в дореволюционном Петербурге работали такие известные чешские музыканты, как В. Главач, О. Гюнке, И. Сейферт, И. Воячек, Ф. Лешетицкий, А. Дрейшок, Й. Палечек, К. Кучера, В. Сук [12], в Москве – Ф. Лауб, Я. Гржимали и др. [13] История музыкального образования в г. Армавире берет начало от действовавших в начале XX в. «Музыкальных курсов Скала». Их организаторами и руководителями были чешские музыканты, принадлежавшие к семье Скала – сестры Мария и Анетта, а также их брат Карл [14].

В дореволюционной России плодотворно трудились чешские художники К. Брож, К. Хрестинец, Ф. Шафаржович, Г. Франк, Я. Рыпота, а также скульпторы В. Кафка, В. Аморт и др. [15]. По проектам чешского архитектора А. Томишко, много лет прожившего в Петербурге, были построены Нижний дворец в Петергофе для царской семьи, великокняжеская усыпальница в Петропавловской крепости, храм-памятник на Шипке в Болгарии в честь воинов, погибших в русско-турецкой войне, а также ряд жилых домов и других зданий в северной столице. Много лет А. Томишко отдал преподавательской деятельности в Петербургской академии художеств, воспитав целую плеяду русских архитекторов [16].

Чешскими переселенцами были открыты первые кинотеатры в Ставрополе и Геленджике. Замечательные парковые ландшафты дореволюционного Ставрополя были созданы чешским садовником Б. Новаком [17].

Таким образом, сформировавшаяся в дореволюционной России многочисленная чешская диаспора сумела удачно адаптироваться и успешно проявить себя в различных сферах. Чешские переселенцы внесли свой вклад в культурную жизнь своей новой родины, способствовали культурному развитию, как столичных городов, так и российской провинции. Они участвовали в формировании многонациональной культуры Российской империи и способствовали культурному взлету нашей страны в период «серебряного века».

Примечания

1. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 29 января 1897 г. Т. II. СПб., 1905. С. XI.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 155. II Департамент. Оп. 408. Д. 1352. Л. 37.
3. Общий свод по империи... Т. II. С. XI.
4. Там же. С. 21, 39.
5. Серапионова Е.П. «Лица чешской национальности» // Родина. 2006. № 4. С. 108.
6. Общий свод по империи... Т. II. С. 327.
7. Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40-80-е гг. XIX в. М., 1975.
8. Порочкина И.М., Инов И.В. Чехи в Санкт-Петербурге. СПб., 2003. С. 113-115.
9. Там же. С. 97-100, 102, 120-122.

10. Герчикова И.А. Чехи в России: история продолжается // Славяноведение. 2002. № 5. С.68-69.
11. Порочкина И.М., Инов И.В. Указ. Соч. С. 64-69.
12. Там же. С. 15-32.
13. Кишкин Л.С. Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты. Разыскания, исследования, сообщения. М., 1983. С. 20.
14. Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного населения). Книга историко-культурных регионоведческих очерков. Армавир. 1995.
15. Кишкин Л.С. Указ. Соч. С. 21.
16. Виноградова Е.К. Чешские и словацкие художники в России XIX в. // Studia bohemia. К 70-летию С.В. Никольского. М., 1992. С. 55.
17. Беликов Г.А. Ставрополь – врата Кавказа. Ставрополь, 1997. С. 300, 314.

Н.Д. Крючкова (г. Ставрополь)

«Украинский вопрос» в Австро-Венгрии на страницах периодики Дона и Северного Кавказа в начале XX в.

В России и за рубежом пресса в XIX – начале XX вв. в условиях отсутствия других общедоступных средств массовой информации являлась, с одной стороны, важнейшим инструментом формирования общественного мнения, а с другой стороны, впитывала в себя идеи и настроения, доминировавшие в коллективном сознании; особенно это было характерно для российской провинции, где периодика играла существенную роль в общественно-политической и интеллектуальной жизни региона. Губернская пресса, как правило, объединяла вокруг себя интеллектуальную элиту провинции, которая, будучи тесно связанная с запросами и интересами масс, стремилась учитывать их при формировании редакционной политики периодических изданий. При этом, учитывая низкий уровень политической культуры широких слоев населения, газеты стремились просвещать и учить читателя с помощью передачи ему своего «прогрессивного мнения».

Украинская проблематика Австро-Венгрии в первые годы XX в. занимала относительно других новостных выпусков из Дунайской империи незначительное место. Она представлялась в тесной взаимосвязи с куда более интересным для периодики Юга России польским вопросом. Здесь, сказывалось несколько обстоятельств: 1) пассивность самого украинского

национального движения в Австро-Венгрии в конце XIX в. – начале XX вв.; 2) незнание журналистами Юга России специфики украинского вопроса в Австро-Венгрии; 3) отождествление поляков с правящей элитой Австро-Венгрии; 4) действиями цензуры России и стереотипов коллективного сознания при освещении положения украинцев в империи Габсбургов. Периодика Дона и Северного Кавказа отмечала, что поляки пошли в 60-е гг. XIX в. на компромисс с Венной, получив для себя ряд существенных уступок, включая полное доминирование в Галиции. Украинцы в этой области стали гражданами второго сорта, которые не имели ни политических, ни социальных прав. Это не могло не привести к обострению украино-польских взаимоотношений, тем более по мере роста украинского национального движения [1]. Очень часто борьба украинцев за свои национальные интересы перерастала в социальное движение, направленное против крупных польских землевладельцев [2]. Данная борьба украинцев выливалась в открытые бунты и другие неорганизованные выступления против польской элиты в Галиции.

Внимание «Приазовского края» привлекло принятие украинцами-униатами Галиции, в частности деревни Залучья православия, что вызвало большой переполох среди представителей австрийской бюрократии и униатского духовенства [3]. Правда, в отличие от многих центральных газет, и, прежде всего, славянофильского толка, «Приазовский край» не придавал этому событию особого политического значения и не расценивал его как проявления русофильства. Данный факт газета связывала, прежде всего, с духовными поиском украинцев, присущих всем народам, они также могли принять протестантизм или католицизм. Кроме этого издание ассоциировала переход украинцев в православие с одной из форм социального и политического протеста. Поляки – это католики, униатское духовенство, не достаточно защищает права крестьян-украинцев, поэтому переход в православие стал своего рода актом протеста против, сложившейся в Галиции ситуации.

«Северный Кавказ» посвятил несколько публикаций развитию образования в Австрии в целом и в отдельных коронных землях в частности. По мнению газеты, наибольших успехов в деле образования населения достигла Богемия, причем это было присуще как немецким, так и чешским округам, хотя уровень грамотности у немцев был несколько выше [4]. Вообще газета полагала, что в системе образования Австрии не все было ладно. По мнению издания, самая неблагоприятная ситуация в данном плане сложилась в Галиции, где школы не посещало около 50% детей школьного возраста, а у многих учителей было небольшое жалование [5]. Эти проблемы были присущи, главным образом, украинской части Галиции. Периодика Юга России всегда отмечала низкий уровень образования украинцев в Дунайской империи, видя в этом одно из проявлений низкого уровня политической культуры украинцев и пренебрежительного отношения к ним со стороны польской элиты провинции и правящих кругов Австро-Венгрии.

Венгерская тематика на страницах прессы Дона и Северного Кавказа была значительно скромнее по сравнению с австрийской проблематикой. Несмотря на это, основные события из внутривнутриполитической жизни Венгрии находили свое отражение в публикациях газет. У «Северного Кавказа», как и у других изданий региона, вызывала возмущение политика наступления венгерского правительства на права немадьярских народов и, в частности, введение преподавания закона божьего в славянских школах с 3 класса на венгерском языке. Действия венгерских властей газета сравнивала с действиями германского правительства в Познани против польской части населения [6]. Одним из объектов мадьяризации национальной школы стали русины (украинцы) Подкарпатской Руси. В данном регионе венгерские власти особо не церемонились в своих действиях, допуская крайности мадьяризаторской политики, не опасаясь сопротивления, неграмотного, неорганизованного и преданного своей элитой русинского населения.

Симпатизируя русификаторской политике российского правительства, в том числе по отношению к украинцам, «Кубанские ведомости» в качестве

оправдания этих действий Санкт-Петербурга приводили венгерский опыт и в частности слова министра народного просвещения Венгрии о том, что повсеместное введение в стране венгерского языка будет способствовать решению в Венгрии национального вопроса [7].

Начиная с 1907-1908 гг. пресса Юга России, при рассмотрении национального вопроса в Австро-Венгрии, в отличие от предыдущих лет, уже не ставит на первое место в сообщениях из Австрии ни конфликт между чехами и немцами в Богемии и Моравии, ни противостояние славян с Венной. В это время важную роль играет информация о конфликте между украинцами и поляками в Галиции. Этот конфликт привлекал внимание по нескольким причинам. Первая – это непосредственная близость Галиции к России, поэтому в случае войны России с Австро-Венгрией, Галиция становилась театром боевых действий. Вторая – решение или не решение «украинского вопроса» в рамках Австро-Венгрии могло существенно повлиять на внутривосточное развитие Российской империи, так как в ней «украинский вопрос» также требовал своего разрешения, Россия ревностно относилась ко всем успехам в украинской политике своего соседа. В-третья причина столь пристального интереса заключалась в том, что нахождение компромисса между украинцами и поляками Галиции могло стать моделью для решения национального вопроса в других землях Австрии. И, в-четвертых, это активизация политической борьбы украинцев и развитие украинского национального движения в Дунайской империи. Здесь следует добавить, что и в самой России национальное движение украинцев стало активизироваться, что не могло не привлечь внимание к украинской проблематике в российской общественно-политической мысли, в том числе на Дону и Северном Кавказе.

В 1910 – 1912 гг. на страницах газет в сообщениях из Галиции и Буковины доминировала информация о преследовании властями русофильских организаций украинцев и притеснения ими православной церкви [8]. В частности в №108 «Северокавказской газеты» за 1910 г.

говорилось о закрытии в этих провинциях по подозрению в русофильстве «Русско-православного народного дома», «Общества русских женщин в Буковине», студенческих обществ «Карпат» и «Галичина» [9]. Газета полагала, что подозрения властей не вполне обоснованны и во многом являются превентивной мерой, так как Вена явно преувеличивала симпатии украинцев к России. Это был лишь предлог для разгрома украинского движения в угоду поляков. Одновременно постоянно публикуются материалы о конфликтах между польской и украинской частями населения Галиции. В этом конфликте большинство изданий региона, вне зависимости от их политической направленности в основном симпатизировало украинцам.

В 1912 – 1913 гг. журналисты Юга России подробно освещают польско-украинские переговоры о политическом переустройстве Галиции. Во время этих переговоров украинские лидеры потребовали увеличения числа депутатских мест в сейме Галиции, закрепленных за украинцами и предоставления им «портфелей» в областном правительстве [10]. Переговоры шли очень тяжело. Они часто прерывались, а вслед за этим следовали беспорядки в городах Галиции и столкновения между украинцами и поляками, которые скрупулезно описывали издания Юга России. Некоторое недоумение у журналистов газеты вызывали протесты польской части населения Галиции против открытия в Львове украинского университета, что было вполне логичным решением, не ущемляющим права поляков. В течение 1912 – 1913 гг. «Северокавказский край» постоянно давал довольно объемную информацию о спорах по поводу перспектив открытия украинского университета, доводя до сведения читателей польскую и украинскую точки зрения по проблеме, а также позицию австрийского правительства в этом вопросе [11]. Вслед за львовскими газетами, «Северокавказский край» допускал мысль, что большинство украинских лидеров Галиции мечтало об окончательном решении украинского вопроса в рамках Австро-Венгрии, что явно шло вразрез с мнением большинства

российских политиков и журналистов, не сомневавшихся в «природном» русофильстве украинцев Галиции [12].

«Кубанские ведомости», вслед за польской газетой «Слово» усматривали в «новой украинской политике» Австрии следствие австро-германского соглашения 1908 г., открывавшее перед Австро-Венгрией возможность аннексии в будущем Малороссии и Царства Польского, входивших в состав России [13]. Газета обрушилась с резкой критикой на украинские национальные круги, группировавшиеся вокруг газеты «Дело», называя их проводниками идей Австро-Венгрии и Германии и предателями идеи славянской взаимности. Кстати, сами «Кубанские ведомости» постоянно клеймили «украинский сепаратизм» в России, отрицая существование отдельного украинского народа. Издание называло «сепаратистов» шарлатанами и предателями. По мнению газеты «украинскими сепаратистами» с этой целью «...создается никогда не существовавший, непонятный народу... малорусский язык» [14]. Данный пример показывает как проблема «разделенных народов» влияла на взаимоотношения двух соседних империй. И Австро-Венгрия, и Россия всегда ревниво следили за украинской и польской политикой друг друга.

Журналисты газеты «Кавказ», исследуя ситуацию в Галиции, полагали, что в 1914 г. в Австро-Венгрии наметилась позитивная тенденция, основанная на поиске компромисса между различными народами империи и желании части политической элиты Австро-Венгрии пойти на смягчение политического курса в отношении национальных требований отдельных народов. Самым крупным проявлением данной тенденции, по мнению газеты, стало польско-украинское соглашение 1914 г., расширявшее украинское представительство в сейм и других органах власти Галиции, а также приказ министерства просвещения Венгрии, разрешавший преподавание закона Божьего в начальных и средних школах на родном языке, что стало началом отхода от политики мадьяризации конца XIX – начала XX вв. [15]. Эти и другие факты открывали перед Австро-Венгрией

возможность решения национального вопроса реформистским путем без революционных потрясений. Газета, правда, не решалась ответить на вопрос, победит ли окончательно данная тенденция в Австро-Венгрии.

В 1908 – 1914 гг. пресса Юга России начинает уделять больше внимания событиям, происходящим в Венгрии. Это было связано с тем, что российские журналисты осознали важность Венгрии в развитии Дунайской империи в целом. Традиционно в России было принято считать, что истинными вершителями судеб в Австро-Венгрии являются Австрия и немцы, а Венгрия занимает второстепенные позиции, поэтому переворот во взгляде на Венгрию в последние предвоенные годы стал революционным для периодики Юга России.

Разумеется, практически все газеты Дона и Северного Кавказа довольно подробно освещали процесс в Марамарош Сегете, особенно «Северокавказский край», который постоянно публиковал протоколы судебных заседаний, причем в отличие от ряда российских изданий, газета отражала не только точку зрения защиты русин, но и позицию обвинения. При этом газета подходила беспристрастно к освещению процесса. Она давала только «голые факты», избегая своих комментариев и оценок событий [16]. В то же время, говоря о положении славян в Венгрии накануне первой мировой войны, издание признавало положение русин в Подкарпатской Руси как самое тяжелое, по сравнению с представителями других национальных меньшинств Венгрии, так как здесь национальное угнетение русин переплеталось с глубоким экономическим кризисом региона [17]. Эти же подходы отстаивал «Кавказ». Сама газета практически не сомневалась в политической подоплеке данного судебного процесса. Одновременно она осуждала действия графа Бобринского и панславистов в Подкарпатской Руси, расценивая их акции, как вмешательство во внутренние дела Австро-Венгрии, за которые теперь приходилось расплачиваться украинцам [18].

Таким образом, в начале XX в. интерес периодики Дона и Северного Кавказа к положению украинцев на территории Австро-Венгрии постоянно

возрастал, особенно с 1907-1908 гг. Это было связано с активизацией политической деятельности украинского национального движения в Австро-Венгрии и в России. Рост внимания периодики к данной проблематике подогревался нарастанием противоречий между двумя империями после аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговине и осложнением ситуации на Балканском полуострове. Положение дел, и, прежде всего, проблемы у потенциального противника России очень заинтересовали журналистов и читателей Юга России. «Украинский вопрос», наряду с «польским» мог стать важным фактором в противостоянии России и Австро-Венгрии. Данное обстоятельство также стимулировало интерес изданий Дона и Северного Кавказа к украинской тематике в новостных выпусках из Дунайской империи. Следует подчеркнуть, что многие политики, общественные деятели, представители интеллектуальной элиты страны видели Галицию, Буковину и Подкарпатскую Русь в составе России. Среди факторов, стимулирующих интерес периодики Дона и Северного Кавказа к украинской тематике, следует выделить и наличие в регионе значительного числа украинских колонистов, осевших на Дону и Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв.

При освещении событий, происходивших в Галиции журналисты Юга России, главный упор делали на описании угнетения украинцев поляками, взявшими под полный контроль данную коронную область. Однако поляки не смогли отстоять свою монополию на власть в начале XX в., что было связано с ростом национального движения украинцев и к которому периодика Дона и Северного Кавказа в целом симпатизировала. Менее известна читателям была жизнь украинцев в Буковине. Здесь не происходили такие политические баталий как в Галиции, поэтому периодика региона и не проявляла к Буковине такого интереса как к Галиции. Подкарпатская Русь журналистами относилась к числу национальных окраин, где положение национального меньшинства расценивалось как самое тяжелое по сравнению с другими регионами империи Габсбургов, где национальный гнет по

отношению к русинам пересекался с экономической депрессией и нищетой местного русинского населения. В целом, положение украинцев в империи Габсбургов периодикой Дона и Северного Кавказа представлялось в довольно мрачных тонах. Будущее украинцев газетами расценивалось по-разному в зависимости от их политической принадлежности. Либеральные издание полагали, что украинцы смогут постепенно реализовать свои политические устремления в рамках Австро-Венгрии, наиболее реальным шагом для этого могла стать федерализация империи. Консервативная пресса, отказываясь признавать существование украинского народа, выдвигая свой тезис об объединении всех русских (русских, белорусов и украинцев – прим. автор.) под скипетром Романовых, что положит конец национальному гнету русских (украинцев) в составе Австро-Венгрии.

Примечания

- 1.Кубанские ведомости. 1906. №247. С. 2; Кубанские ведомости. 1907. №107. С.2. Приазовский край. 1902. №192. С.2.
- 2.Приазовский край. 1902. №192.С.2; Приазовский край. 1902. №180. С.1.
- 3.Приазовский край. 1904. №123. С.1.
- 4.Северный Кавказ. 1902. №94. С. 1.
- 5.Северный Кавказ. 1902. №48. С. 3.
- 6.Северный Кавказ. 1902. №69. С.1.
- 7.Кубанские ведомости. 1907. №75. С.2.
- 8.Кубанские ведомости. 1912. №5. С.3; Терские ведомости. 1914. №54. С.2.
- 9.Северокавказская газета. 1910. №108. С.3.
- 10.Кубанские ведомости. 1912. №245. С.3.
- 11.Северокавказский край. 1912. №310. С.3; Северокавказский край. 1912. №320. С.3; Северокавказский край. 1912. №326. С.3; Северокавказский край. 1912. №330. С.3.
- 12.Северокавказский край. 1912. №361. С.2.
- 13.Кубанские ведомости. 1912. №131. С.3.
- 14.Кубанские ведомости. 1912. №40. С.1.
- 15.Кавказ. 1914. №22. С.2; Кавказ. 1914. №30. С.2; Кавказ. 1914. №89. С.3.
- 16.Северокавказский край. 1913. №300. С.3; Северокавказский край. 1913. №794. Приложение; Северокавказский край. 1913. №796. С.2.
- 17.Северокавказский край. 1912. №432. С.2.
- 18.Кавказ. 1914. №35. С.2.

**Кубанская школа в период украинизации
(начало 1920-х–1932 гг.)**

После окончательного установления на Кубани советской власти её представители сразу же проявили интерес к украинской проблематике. Новая власть остро нуждалась в союзниках среди различных национальных групп. Союзников искали среди тех, у кого были какие либо трения с царским, впоследствии с белым режимом. «Громадные УССР и БССР на месте исторической России были гарантией того, что русский патриотизм, в той или иной степени, русская и польская антикоммунистическая традиция не будут представлять опасности для дела всемирной революции в силу того, что белорусская, украинская и все другие нации СССР формировались почти с нуля, и в их культуру и идентичность можно было заложить коммунистический культурный код» — считали советские лидеры [1].

В процессе поднятия статуса национальных меньшинств огромное значение играло создания системы этнического образования. Уже 22 апреля 1920 г. было принято решение о создании национальных школ для этнических меньшинств [2]. На Кубани особый упор был сделан на развитие украинской школы. В начале 1921 г. была возобновлена работа украинизированного ещё во время Гражданской войны Полтавского педагогического техникума, который был реорганизован из учительской семинарии. А к середине 1920-х гг. был взят курс на массовое превращение кубанской школы в украинскую. Изменение языка школьного обучения стало важнейшим звеном в проведении на Кубани развернувшейся тогда и набравшей обороты к рубежу 20 – 30 гг. тотальной «украинизации».

Было признано, что украинизация образования без украинизации РИКов, стансоветов, суда, милиции, кооперации нецелесообразна. Кубанский говор был признан ещё более украинским, чем говоры на территории Украины. И поэтому (!) было предложено усиленно подгонять его под стандарты украинского литературного языка. Особый упор делался на слова и

выражения канцелярского обихода [3]. Украинская школа должна была стать и школой украиноязычного делопроизводства. Именно на украинском языке велась школьная документация [4]. Особенно этот процесс усилился после съезда украинских учителей, который прошёл в мае 1926 г. Особое внимание было решено уделить профессиональному образованию на украинском языке, созданию украинских школ семилеток и девятилеток. Педагоги сочли необходимым начать украинизацию политического просвещения, а так же соцвеса и профобра. Так же планировалось полностью украинизировать начальную школу. На Кубани этот процесс планировали завершить в 4 года (что сделано не было). Но при этом были открыты украинские отделения при педагогическом, кооперативном и сельскохозяйственном техникумах. Славянская школа крестьянской молодёжи была перепрофилирована в специальный украинский сельхозтехникум [5].

Вместе с тем в конце 20-х гг. XX в. на Кубани имело место обучение детей кубанской литературе на родном диалекте. Программа обучения включала в себя таких классиков, как Я. Кухаренко и В. Мова. Дети знакомились с творчеством и более молодых авторов, таких как В. Потапенко [6]. При этом постепенно набирало силу инспирированная властями компания по вытеснению из обихода дореволюционной украинской литературы [7]. С 1927 г. в Краснодаре под редакцией М.И. Лолы выходил украиноязычный педагогический журнал «Ленинским Шляхом» [8]. При нём в 1932 г. выпускался литературный раздел [9]. По поручению парткома профессор Краснодарского педагогического института Шаль и доцент Гребенюк заключили с краснодарским книжным издательством договор о выпуске украинских учеников (для 4, 5, 6, 7 годов обучения в школе). Для более быстрого написания этих учебников в помощь перечисленным лицам была назначена бригада ещё из шести преподавателей пединститута. Крайним сроком написания учебников был назначен июнь-июль 1932 г. Компания получила освещение в прессе [10].

Принимались директивы о создании украинских школ повышенного типа, организации профессионального образования на украинском языке [11]. В станице Северской на украинском языке стало вестись преподавание в одной из школ. На нём же проводится большая часть культурных мероприятий, концертов и спектаклей [12].

Уже в 1925 г. в станице Староминской было 5 украинских школ [13]. Были украинизированы школы в станице Гривенской [14]. 19 апреля 1926 г. минимальное количество учащихся старших классов, необходимое для открытия национальной школы, было снижено до 15 человек. Закрытие и перепрофилирование украинских школ было признано недопустимым [15]. К 1927 г. было открыто 2 украинских семилетних школы и четыре пятилетних [16]. С 1924 г. Полтавский педтехникум регулярно выпускал учителей украинских школ [17]. Его сотрудники занимались разработкой украинского букваря, адаптированного для условий Кубани [18]. В июне 1929 г. было подготовлено 13 новых учителей для украинских национальных школ [19]. В 1926 г. действовало уже 150 украинских начальных школ. Был открыт украинский техникум в станице Уманской [20]. Принимались меры по «приближению» учебных заведений нацменьшинств к местам из компактного расселения. Так, украинская школа-девятилетка г. Краснодара была переведена в 1928 г. на Дубинку [21]. К осени 1929 г. в Приморско-Ахтарском районе планировалось украинизировать 12 начальных школ. А в 1930 – 1931 учебном году – уже все школы [22]. Всего к концу кампании украинизации на Кубани, по официальным данным было 746 украинских школ [23]. Если школы были русские, и не было возможности открыть отдельные украинские школы, то в них набирались украинские группы. Такая практика существовала в Краснодарском районе (г. Краснодар, станицы Елизаветинская, Пашковская, село Калинино и т.д.) [24]. Необходимо отметить, что в 1927 г. в школах г. Краснодара обучалось 16516 учеников. Из них – 12394 русских, украинцев – 1471 ученик [25].

Украинская школа в станице Вышестеблиевской укрепилась только к 1931 – 1932 учебному году. К её открытию и переводу на русский язык в 1933 г. население отнеслось достаточно равнодушно. При этом бывший ученик школы утверждает, что украинский язык отличался от «балачки» и был не вполне понятен [26].

Украинизация школы проводилась и в рамках программы первоочередного развития школ нацменьшинств как таковых. В 1931 г. Совнаркомом РСФСР было предложено провести дополнительный набор в школы детей в возрасте от 8 до 10 лет. Особенно это касалось национальных школ [27].

В продолжении 20-х гг. большая часть учителей украинских школ была представлена наспех переквалифицированными русскоязычными преподавателями русской школы [28]. Они по разрядке сверху обучались на особых украинских педагогических курсах. В Армавирском округе к 1925 г. было 20 таких учителей [29]. В 20-е гг. уровень квалификации учителей на Кубани в целом оставлял желать лучшего [30]. Поэтому преподавание на недостаточно знакомом для учителей языке только усугубляло проблему.

Контраст с ними представляли из себя учителя некоторых украинских школ, организованных ещё в первой половине 20-х гг. Это были люди, в основном осознававшие себя украинцами. Они происходили с Кубани или из восточных и центральных регионов Украины. Часть из них уже имело опыт преподавания на украинском языке [31]. Знаковым представителем этой категории учителей можно назвать З.Ф. Макаренко, учителя рисования школы №12. Его отец был кубанский хлебороб – любитель украинского языка и обычаев (его прадед переселился на Кубань с Украины), мать – украинско-польского происхождения. З.Ф. Макаренко был первым учеником местного училища Щербиновской слободки. Курс гимназии сдал экстерном. Позже сдал экзамен на учителя второй категории. Состоял членом «Украинской робитничей просвиты». Незадолго до поступления на работу в школу №12 учился в Кубанском государственно университете и

педагогическом техникуме. З.Ф. Макаренко всегда увлекался всем украинским, особенно живописными зарисовками традиционного быта [32].

Школа №12 долгое время была единственной в регионе. Её директором была вдова известного дореволюционного украинского деятеля Ротаря. Одним из учителей школы был известный филолог и литературовед М.А. Садиленко. В школе действовал драматический кружок, внеклассная работа велась самым активным образом. Школа была подлинным центром украинской культуры. Среди её выпускников можно назвать будущего выдающегося кавказоведа Л.И. Лаврова [33].

Однако в целом самому населению было присуще пренебрежительное отношение к украинскому языку как простонародному и примитивному [34] (что было характерно и для крестьян Украины [35]). Поэтому даже в некоторых бывших черноморских станицах число сторонников русскоязычной школы превышало число сторонников украинской. Например, в станице Пашковской в 1926 г. их было 64 против 51, в Старокорсунской – 76 против 56 [36].

Уже в 1925 г. из 1-ой украинской школы II ступени №12 г. Краснодара в течение года выбыло 25 учеников, когда как поступило только 12. Имело место непосещение учениками школы [37]. По желанию населения в 1926 г. часть украинских школ было восстановлено преподавание на русском языке [38]. Из некоторых украинских школ, таких, как школа № 29, стали уходить ученики [39]. На хуторе Прикубанском местное население выступило за закрытие украинской школы ещё в 1925 г [40]. Жители хутора Лебеди заявили, что они русские и отказались украинизировать свою школу в 1926 г [41]. В 1927 г. было принято решение «учитывая категорические требования родителей учащихся Калниболотской украинской школы считать, как исключение, необходимым удовлетворить их просьбу и преподавание в украинской школе перевести на русский язык» [42]. В том же году по настоянию жителей была организована русская группа в давно украинизированной школе станицы Варениковской [43]. В 1927 году только

20% школьников, числящихся украинцами, посещали украинские школы [44]. В 1928 г. украинские чекисты подготовили справку по украинизации школ в Кубанском и Донском округах. «Украинизация школы не встречает широкого сочувственного отношения среди местного населения. В большинстве случаев преподавание на украинском языке вызывает явное недовольство, как среди иногородних, так и среди казачества» – говорилось в справке. В станице Пашковской в 1927/1928 учебных гг. в украинскую школу поступило 14, а в русскую 144 ребёнка; в станице Корсунской в украинскую школу записалось 10 человек, в русскую – 120. То же самое имело место в станицах Гривенской, Поповичевской, Северской, Холмской и других. В станице Марьянской украинская школа существовала уже с дореволюционных времен. К 1928 г. в ней состоялся только один выпуск. В 1927 г. уже все школы станицы в приказном порядке были украинизированы. Станичники пытались добиться, чтобы при них были открыты русские группы. «Наши дети портятся в украинских школах по приказу советской власти», «советская власть навязывает нам украинизацию помимо нашей воли» – говорили кубанцы [45]. Имели место и такие высказывания: «Такой украинизации нэ трэба, нащо ломать дытыну, хай им бис, хай учат по-русски». «В украинской школе детей портят, готовят из них украинских китайцев». «Где по-украински говорят? Не наш это язык!»[46].

В 1930 г., чтобы на бумаге улучшить ситуацию, одних и тех же детей одновременно записывали наряду с русскими и в украинские школы, не считаясь с желанием родителей [47].

Украинизация кубанской школы на всех этапах проведения сталкивалась со значительными трудностями и на заключительном этапе. Уже в 1932 г. её продолжала сдерживать нехватка учителей, знающих украинский язык, и украиноязычных учебников. Такая проблема, к примеру, существовала в Приморско-Ахтарском районе. Продолжал ощущаться недостаток школ повышенного типа [48].

Многие учителя украинских школ были выходцами с Украины и были не знакомы с традиционной культурой Кубани, языком её жителей. Поэтому они не могли эффективно работать с ними. В 20 – 30-е гг. XX в. в официальных источниках не раз отмечалось плохое знание кубанскими украинцами (или теми, кто под ними подразумевался) украинского литературного языка и необходимость разработки учебных пособий на кубанском диалекте [49]. На языковую ситуацию влияли и такие факторы, как военная служба казаков. Огромное значение имела длительная традиция официального делопроизводства на русском языке, русскоязычная школа. Последняя была весьма развита уже в конце XIX в. и вполне устраивала большинство населения.

Эти факторы сыграли свою роль во время официального свёртывания украинизации на Кубани в конце 1932 г. Все школы планировалось вновь русифицировать к осени 1933 г. «В тридцать третьем в школу пошел. Украинский язык был кругом на Кубани. Занимались в школе на украинском языке. С полгода. А с полгода на русский перевели», – вспоминает житель станицы Бакинской А.Д. Петько [50]. В целом процесс перевода кубанских школ на русский язык прошел спокойно. Хотя в отдельных случаях имели место репрессии. Так, в станице Новодеревянковской были арестованы учителя украинских школ Е.Н. Фоменко, С.Р. Бреславец, М.М. Полтавец [51].

В целом украинизация школ на Кубани была длительной, продолжавшейся больше десятилетия, инспирированной сверху государственной программой. Она долгое время навязывалась населению Кубани помимо их желания. Украинизация школы была неразрывно связана со стремлением провести в регионе общую украинизацию, планами по превращению его населения в этнических украинцев. Центральная власть была осведомлена об искусственности языковой реформы в школе, но признала это только в момент свёртывания общей украинизации.

Примечания

1. Белый А. Переосмысливая Голодомор // www.apn.ru
2. Государственный архив Краснодарского края (далее - ГАКК.) Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 92. Л. 14.
3. Совещание по вопросу украинизации // Красное знамя. 1928. №167. С. 5.
4. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.
5. А.К. Перспективы украинского просвещения на Северном Кавказе // Красное знамя. 1926. №123. С. 3.
6. Чумаченко В.К. «Сердце тихо плачет...» // Родная Кубань. 2006. №1. С. 136.
7. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее - ЦДНИКК.) Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 2.
8. Белый Д.Д. Указ. соч. С. 93.
9. Розумиеко Е.Д. Указ. соч. С. 224.
10. Иванцов И.Г. Указ. соч. С. 188.
11. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 410. Л. 17, 29.
12. Харченко В. Мы начинали на хохлацком и первый трактор был «Фордзон» // Зори. 2008. 1 мая. С. 3
13. Белый Д.Д. Указ. соч. С. 92.
14. Кубанская фольклорно-этнографическая экспедиция (далее – КФЭЭ) – 1995. А/к – 687. Краснодарский край, Калининский р-н, ст. Гривенская, инф. – Калугин С.И. иссл. – Самовтор С.В.
15. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 303. Л. 1.
16. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 408. Л. 5.
17. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 410. Л. 9.
18. Там же. Л. 13.
19. Екатеринодар – Краснодар. Два века в датах, событиях, воспоминаниях. Краснодар, 1993. С. 529.
20. Иванцов И.Г. Указ. соч. С. 187.
21. Школа – на Дубинку // Красное знамя. 1928. №56. С. 5.
22. Ахтарец. Проводим украинизацию // Красное знамя. 1929. №159. С. 1.
23. Белый Д.Д. Указ. соч. С. 92 - 93.
24. Иванцов И.Г. Указ. соч. С. 188.
25. Национальная статистика учащихся // Красное знамя. 1927. №172. С.7.
26. КФЭЭ – 2004. А/к. – 3124. Краснодарский край, Темрюкский р-н, ст. Вышестеблиевская, инф. - Черненко М.Я., иссл. – Матвеев О.В.
27. Дополнительный приём в школу // Пролетарий Черноморья. 1931. №80. С. 4.
28. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 408. Л. 9.
29. ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 77.
30. За повышение качества учёбы // Красное знамя. 1927. №40. С. 7.
31. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 15. Л. 17 – 188.
32. Там же. Л. 53.
33. Ангор. Украинскую школу нужно укрепить // Красное знамя. 1926. №123. С. 3.; Лавров Л.И. Биографические записки // Археология и этнография Северного Кавказа. Краснодар, 1998. С. 156.
34. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 408. Л. 10.
35. Борисёнок Е.Ю. Феномен советской украинизации. М., 2006. С.140.
36. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 408. Л. 34.
37. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 11. Л. 20, 25.
38. Там же. Л. 23.
39. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 405. Л. 1.
40. ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 31.
41. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 410. Л. 4.

42. Цит. по: Харченко В. Мы начинали на хохлацком и первый трактор был «Фордзон» // Зори. 2008. 1 мая. С. 3.
43. Учитель Бардин. В начале учебного года // Красное знамя. 1927. №228. С. 6.
44. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 408. Л. 5.
45. Цит. по: Борисёнок Е.Ю. Феномен советской украинизации. М., 2006. С. 143 – 145.
46. Цит. по: Миронин С.С. «Голодомор» на Руси. М., 2008. С. 51.
47. Иванцов И.Г. Указ. соч. С. 188.
48. На краевом совещании по вопросам работы среди нацменьшинств // Молот. 1932. №3164. С. 4.
49. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 410. Л. 11.
50. КФЭЭ – 2008. А/к. – 3904. Краснодарский край, Горяческлучевской район, ст. Бакинская, инф - Петько А.Д., иссл. – Матвеев О.В.
51. Дейневич А.В. Указ. соч. С. 123.

В. И. Косик (г. Москва)

Русские артисты в Болгарии в 1920–1930-е гг.

Из русских артистов и режиссеров назову сначала Юрия Яковлева. Он приезжает в Болгарию в начале 1920 г. с труппой Елены Александровны Полевицкой. Его актерский талант, «особая красота жестов и мимики» сразу привлекли внимание как публики, так и организаторов театрального дела. В том же году Яковлев начинает работать главным режиссером театра «Ренессанс», где господствовал легкий жанр. Его деятельность впечатляла, и вскоре он принимает предложение стать главным режиссером Народного театра. Однако работа прервалась вследствие случившегося в 1923 г. пожара в театре. Яковлев уехал в Ригу и вернулся в Болгарию только в 1933 г. Тогда же он вновь начинает с музыкально-опереточного жанра. И наконец, он опять приглашается в Народный театр, где ставит около десятка пьес. Он мог и больше, но болело сердце... Он умер в Бургасе, куда он приехал на премьеру своей постановки [1. С. 568, 569].

Популярным у русских был и театр русской драмы, Его создала в 1922 г. русская провинциальная актриса Екатерина Николаевна Базилевич.

В 1910–1915 гг. ставила пьесы в Киеве и Харькове, в ее спектаклях играют Качалов и Станиславский. В Болгарии ставит «Бурю» В. Шекспира, «На всякого мудреца довольно простоты» А. Н. Островского, «Власть тьмы»

Л. Н. Толстого, «Мещан» М. Горького, «Синюю птицу» М. Метерлинка и др. [2. С. 254, 255].

Она была и режиссером, и исполнительницей множества главных ролей. Этот театр даже можно назвать семейным уже потому, что в нем играли муж, сын и дочь основательницы. К участию привлекались и актеры-любители и профессионалы. Ставили они спектакли один или два раза в месяц в зале общества «Славянская беседа» [3. С. 520–521].

И тем не менее, театр, не обращая особого внимания на зубоскальство молодежи, прозвавшей его «Драмой русского театра», работал.

В годы войны театр оказался под угрозой закрытия «вследствие систематического представления советских пьес». Только благодаря заступничеству друзей он не был совсем закрыт и работал до октября—ноября 1944 г. [2. С. 254].

В октябре 1921 г. прибыл в Софию театровед, поэт, драматург, эстет с внешностью средневекового рыцаря Петр Михайлович Ярцев.

В 1922 г. он ставит такие спектакли в «Объединенном театре», как «Самсон» А. Бернштейна, «Дина Гланк» С. Юшкевича, «Материнская скорбь» Я. Гордина и др. [4. С. 14].

В 1923 г. он уже был главным режиссером в театре Пловдива. Но там Ярцев не задержался: его первая премьера — «Сестра» Беатриса Метерлинка — была встречена рукоплесканиями, а вторая — «Жизнь Человека» Андреева — провалилась. Исследовательница его творчества Г. Петкова пишет, что тогда его называли «главным дефектом» театра, так как «иностранец» не может руководить болгарскими артистами [5].

Потом — с декабря 1923 г. — была непродолжительная работа в Камерном театре, постановки Диккенса, Пшибышевского, Гауптмана, Ибсена. Но весной 1924 г. он закрылся вследствие финансовых трудностей [5].

Лишенный возможности самостоятельной режиссерской работы, Ярцев все же участвует в постановке ряда спектаклей, много пишет в русские

театральные журналы, в болгарский модернистский журнал «Златорог», выступает с лекциями о русском искусстве и его религиозных истоках, переводит творения болгарских писателей. В 1928 г. в софийском «Голосе», публикует «Эмигрантские очерки», а в 1929 г. – «Театральные очерки».

Искатель нового в театре, защитник старого в искусстве, он много писал на тему, связанную с православной Россией. Последней книгой, которую он заказал в библиотеке, носила название «Слова и речи митрополита Филарета». Это было 4 ноября 1930 г., а 30 ноября Ярцев ушел из жизни [5].

Из балетного мира назову два имени.

Балерина Анна Митрофановна Воробьева, прибывшая в 1927 г. в Болгарию.

Ее искусство позволило ей войти в состав балетной труппы Софийского оперного театра, где стала прима-балериной. Она танцевала центральную партию в балете «Коппелия», премьера которого 28 февраля 1928 г. считается днем рождения болгарского балета. В 1934 г. она была уволена «как иностранка» и больше не возвращалась на сцену. Но без балета она не осталась, открыв в том же году свою балетную школу.

Более того, ее имя связано с созданием балета в народных оперных театрах в Стара Загоре (1946–1952 гг.) и Пловдиве (1953–1961 гг.) [6. С. 95–96].

Балерина Валя (Валентина Петровна) Вербева, заслуженная артистка Народной Республики Болгарии (1966 г.). Ее отец был болгарин, мать — русской. Россия вошла в ее кровь не только с молоком русской матери, но и с культурой, образованием, учителями.

Искусство Терпсихоры она постигала у русских балерин Веры Лукашевич-Александровой и Анны Воробьевой-Занковой, ученицы Нижинской. В 1945 г. Валя Вербева, после ее первого выступления в «Коппелии», была назначена прима-балериной [6. С. 95–96].

Валя танцует в таких спектаклях, как «Лебединое озеро», «Жизель», «Гаянэ», «Бахчисарайский фонтан», «Дон Кихот», «Спящая красавица»,

«Раймонда», «Жар-птица», «Карнавал», «Соперницы», «Красный мак», исполняет балетные партии в ряде оперных спектаклей, например, в «Фаусте», «Иване Сусанине», «Аиде», выступает в разнообразных миниатюрах – «Весенняя встреча» (П. Владигеров), «Детская игра» (Дебюсси), «Куклы» (Лядов), «Армянский танец» (Хачатурян) и других [7. С. 47].

В 1969 г. она была отправлена на пенсию, когда была в расцвете творческих сил. Ей даже не дали доработать трех месяцев, чтобы пенсия была чуть побольше!. В сущности, она была выброшена на улицу. Там она и стала работать. Вряд ли кто-нибудь мог предугадать, что звезда болгарского балета станет чернорабочей на стройке, чтобы были деньги не только на еду, но и на учебу сына. Из строительного грохота, грязи и пыли ее вытащила ее ученица Груева-Маринова, узнавшая о судьбе своей учительницы. Вследствие ее вмешательства Валя Вербева стала работать педагогом в новооткрытом полу-высшем Институте по подготовке музыкальных и хореографических кадров в Софии [7. С. 47].

Ее талант и мастерство были востребованы и гимнастическим тренером Нешкой Робевой. Для ее знаменитых воспитанниц — «золотых девушек» — она вела курс пластики.

А теперь — опера, необходимый компонент цивилизованности.

Назову два имени.

Евгений Ждановский.

Еще в юности (род. В 1892 г.), с 15 лет, он был солистом в церковном хоре Одесской семинарии. Потом была учеба в Московской консерватории (класс В. Зарудной), приглашение в 1916 г. в знаменитую московскую оперную труппу С. Зимина, где дебютировал в партии Мефистофеля («Фауст»), с 1917 г. по 1924 г. пел в Большом театре. В том же году покинул Россию, пел в мадридском «Реале», миланском «Ла Скала». С 1927 г. стал выступать в Софии, приняв в 1929 г. болгарское подданство [8].

Его выступления (басовый репертуар) запомнились болгарским ценителям. Можно назвать такие партии, как князя Ивана Хованского, Бориса Годунова, Варлаама, Ивана Сусанина.

После прихода Красной армии в Софию, был вывезен в СССР. Вся его вина, по мнению хорошо знавшего его Глинского, заключалась в знакомстве с жившими в Софии братьями Солоневичами, известными своими антисоветскими выступлениями. Ему было разрешено жительство в Йошкар-Ола, где он 8 августа 1949 г. умер на сцене [9. С. 190].

Константин Иванович Каренин (1897 — 1966, Чехия). Он известен как исполнитель главных партий в «Борисе Годунове», «Хованщине», «Князе Игоре», «Евгении Онегине». Десять лет, с 1930 г. по 1939 г. пел заглавные партии в Народной опере. С 1950 г. профессор Пражской консерватории Его учеником был знаменитый в славянском мире эстрадный певец Карел Готт [3. С. 519; 10. С. 199; 11. С. 150].

Закончить свой экскурс я хочу закончить четверостишием Михаила Садовского из его очерка о Кирилле Молчанове:

Не умирает — и реально,
Лишь то, что нематериально,
А все — и доброе, и злое —
Найдут потом в культурном слое

Примечания

1. *Ратиев А.* кн. То, что сохранила мне память. Мемуары. София, 1999.
2. *Матвеева И. В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах 2004, М., 2005.
3. *Даскалова Е.* Руските театрални дейци в България // Бялата емиграция в България.
4. Театър и изкуство. 1922. № 1. Пловдив.
5. *Петкова Г. П. М.* Ярцев – забытый театральный деятель // Новый мир, Нью-Йорк, 1999, № 216 // <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1185861>
6. Дертлиева А. Творческа и жизненна съдба на Анна Митрофановна Воробьева. По документи от личния и архив // Българо-руски отношения през XX век. София, 2000.
7. *Балканска Р.* Живот в движение и красота Балерината Валя Вербева // Музикални хоризонти, 1999. №4/5.
8. http://www.biografia.ru/show_bio.aspx?id=42283
9. Глинский Н. Моя жизнь – весь XX век // Волга, 1997, № 7/8.

10. Незабываемые могилы Российское зарубежье: некрологи 1917—1999. В 6 т. Сост. В. Н. Чуваков. Т. 3. М., 2001.
11. Бикс Р. На опера в старая София. София, 2000.

Н.И. Литвинов (г. Краснодар)

Болгария в период Второй мировой войны

Более 65 лет минуло с тех пор, как человечество оказалось ввергнутым во Вторую мировую войну, но и сегодня события тех лет остаются актуальными и привлекают пристальное внимание широкой общественности. По своему размаху и ожесточенности, людским и материальным потерям Вторая мировая война не имела себе равных. В войну были втянуты 64 государства. Потери, понесенные в результате войны, поражают своими масштабами. Погибло более 50 млн. человек.

Предыстория войны, ее ход и истоки нашли как у нас в России, так и за рубежом отражение в сотнях книг, брошюр и статей. Однако далеко не все события минувшей войны в силу известных причин находились в центре внимания исследователей. Положение стало меняться в последние годы. Исследователям стали доступны ранее засекреченные архивные документы. Происходит переоценка и переосмысление прежних трактовок в интересах создания подлинной картины минувшего. Появление значительного числа ранее недоступных документов позволило усилить исследовательский интерес к истории войны, сделало возможным обогащение концепции ее изучения на региональных примерах.

Балканский регион на протяжении столетий входил в сферу интересов Российской империи, а после ее падения – в сферу интересов СССР. Балканы называют «пороховым погребом» Европы. Болгарский вопрос всегда находился и будет находиться в сфере интересов России.

Современная историческая наука России старается подойти к изучению проблематики Болгарии в период Второй мировой войны объективно,

беспристрастно, отбрасывая идеологические догмы предшествующего периода. В научный оборот вводятся новые документы и материалы архивов.

Перед Второй мировой войной происходит усиление экономического и идеологического проникновения Германии на Балканы. Этот регион становится объектом ожесточенной борьбы между Германией, Великобританией, Францией, Италией и Советским Союзом за установление там преобладающего влияния.

1 сентября 1939г. фашистская Германия напала на Польшу. Началась Вторая мировая война. С этого времени начинается усиленное дипломатическое давление ряда государств, прежде всего Германии и СССР на Болгарию. Каждая из стран стремится привлечь ее на свою сторону. Болгарский царь Борис III и болгарское правительство не спешило примкнуть к одной из сторон и занимали выжидательную позицию. В напряженной международной обстановке они понимали что цена маленькой Болгарии будет возрастать. В тоже время правящие круги Болгарии четко понимали, что геополитическое положение страны и ее экономические связи не позволят ей долго оставаться в стороне от разгоревшегося международного конфликта. В начавшейся мировой войне правительство Георгия Кьосеиванова выступило с заявлением о нейтралитете Болгарии. Для Болгарии сложилась сложная международная обстановка. Во-первых, Болгария была совершенно не подготовлена к войне. Ей угрожала Турция. Болгарская дипломатия за рубежом демонстрировала свое миролюбие. Маневрируя между великими державами, прежде всего между Германией, Великобританией и Советским Союзом Болгария доказывала, что для этих стран выгоден нейтралитет Болгарии. Одновременно Болгария начинает активно сближаться с Германией, в то же время делает все возможное для улучшения советско-болгарских отношений.

Болгария ожидала от нацистской Германии помощи в возвращении Южной Добруджи Румынией. Дело в том, что после Первой мировой войны Болгария, являясь союзником Германии, потеряла часть исконной

территории. Южная Добруджа была передана Румынии. Германия решила сыграть на этом. В центре внешней политики Болгарии данного периода, опиравшейся на противоречия интересов ведущих держав, находились добруджанский и фракийский вопросы. Последний воспринимался с точки зрения необходимости обеспечения Болгарии выхода к Эгейскому морю. Македонская проблема, не теряя своей значимости, оказалась в первые годы войны отодвинутой силой обстоятельств на второй план [1].

Чтобы решить свои территориальные проблемы Болгария стремилась искать договоренность с Германией и Советским Союзом. Большие надежды царь Борис возлагал на заключение 23 августа 1939 г. советско-германского пакта о Ненападении. В нем болгарское правительство видело весьма благоприятное решение сближения и сотрудничества с Германией и Советским Союзом [2].

Развитие международной ситуации, в частности присоединение Советским Союзом Бессарабии и Северной Буковины благоприятствовало выдвижению Болгарской претензии к Румынии. Переговоры между двумя странами начались 19 августа 1940г. Они касались передачи Южной Добруджи Болгарии. После ожесточенных споров 7 сентября 1940 г. подписали договор именуемый «Крайовским». Территория Южной Добруджи с населением около 400 тыс. человек перешла к Болгарии [3].

Болгария начинает сближение с Советским Союзом. В августе 1939 г. болгарская делегация прибыла официально для посещения Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

На самом деле центральным вопросом на встрече стала внешнеполитическая ориентация Болгарии, как на текущий момент, так и на будущее. Нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов задал на встрече вопрос, не взяла ли Болгария на себя какие-либо внешнеполитические обязательства. Председатель комиссии по иностранным делам Народного собрания Болгарии Г. Говедаров дал категорический ответ: «Болгария внешнеполитически ни с кем не связана и строго следует линии лояльного,

эффективного и исчерпывающего нейтралитета». Одновременно болгарская делегация в Берлине возглавляемая правительством Кьосеивановым не приняла никаких обязательств, ни военных, ни политических [4].

В.М. Молотов от имени советской делегации в Москве выражал мнение, что Советский Союз окажет Болгарии экономическое и политическое содействие. СССР предложил Болгарии заключить торговое соглашение «по чисто политическим, а совсем не по экономическим соображениям» [5].

Осенью 1939г. советское правительство выразило желание придать отношениям между Болгарией и СССР договорную базу. Болгарский посланник Антонов Н. пообещал запросить свое правительство и дать ответ. Однако подобное развитие не входило в планы болгарских властей. Ответа не последовало [6].

СССР предложил Болгарии установить воздушное сообщение между Москвой и Софией и о закупке Болгарией советских самолетов. Советский Союз высказал возможность создания советской воздушной базы на болгарской территории в случае возможного конфликта с Турцией. Только в декабре 1939 года об установлении регулярного воздушного сообщения между СССР и Болгарией. Начинаются переговоры в конце декабря 1939 г. о торговом договоре между двумя странами. В начале января 1940 г. договор о торговле и мореплавании и соглашение о товарообороте и платежах между двумя странами были подписаны.

После начала войны Болгария несмотря на соблюдение нейтралитета согласовала с Германией важнейшие свои внешнеполитические действия. В то же время Германия закупила большую часть продуктов болгарского земледелия, но и очень глубоко проникла в экономику страны [7].

В обстановке острой политической борьбы внутри страны и международной нестабильности царь Борис III решил монополизировать все решения вопросов внешней политики [8]. В феврале 1940 г. после отставки «по состоянию здоровья» Г. Кьосеиванова был образован кабинет во главе с

Богданом Филовым. Однако единства в правящих кругах не существовало [9].

После поражения в конце июня 1940 г. Франции фашистская Германия главные усилия направила на подготовку к войне против СССР. Германия направила свои усилия на укрепление военно-политического сотрудничества со своими союзниками – Италией и Японией и стремилась вовлечь в агрессивный блок новые государства – прежде всего европейские. Германо-японские и Германо-итальянские переговоры завершились соглашением пакта трех держав – Германии, Японии и Италии – о политическом и военно-экономическом союзе (тройственный пакт). Пакт был подписан 27 сентября 1940 г. [10].

Большую активность проявила гитлеровская дипломатия и в отношении Болгарии, имевшая для Болгарии военное, экономическое и стратегическое значение. 17 ноября 1940 г. Гитлер пригласил в Германию болгарскую делегацию царя Бориса III и министра иностранных дел Попова. В ходе бесед царь Борис согласился на присоединение Болгарии к Тройственному пакту, но договорился с Гитлером, что по внешнеполитическим и военным соображениям будет лучше, если Болгария примкнет к пакту позднее. Правящая Болгарская клика боялась своего народа и готовила этот сговор с Гитлером в глубокой тайне. Сообщение о присоединении Болгарии к Тройственному пакту было опубликовано только 1 марта 1941 г. и в тот же день немецко-фашистские войска вступили в страну. С этого времени германское военное командование фактически стало полноправным хозяином в Болгарии [11].

При подписании Тройственного пакта Болгария поставила условие, что ее армия не примет непосредственное участие в военных действиях и что партнеры по пакту поддержат ее стремление получить выход к Эгейскому морю [12].

Вместе с тем правительство отказалось вступить в войну с Советским Союзом. Дипломатические отношения между двумя странами были

сохранены, тогда как с декабря 1941 г. Болгария находилась в состоянии войны с США и Великобританией. Оказанное болгарской стороной содействие Германии в ее операциях на восточном фронте ограничилось участием в компании зимней помощи германским солдатам и продовольствием одного санитарного поезда, укомплектованного болгарским медицинским персоналом [13].

Примечания

1. История южных и западных славян: в 2т. Т.2. Новейшее время. Под. Ред. Т. Ф. Матвеева и З. С. Ненашевой. – 2 издание. – М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 39.
2. Валева Е. Л. Советско-германский пакт о ненападении 1939 и реакция на его заключение в Болгарии. М., 1989. С. 80.
3. История южных и западных славян. Указ. Соч. Т. 2. С.39.
4. Валева Л. Б. Болгарский народ против фашизма. М., 1964. С. 164.
5. Там же. С. 167.
6. Советско-болгарские отношения и связи: Документы и материалы. 1917-1944. Т. 1. М., 1976. С. 468-469.
7. Валева Л. Б. Об экономической экспансии Германии в Болгарии. М., 1964. С. 189-201.
8. Димитров И. Иван Багрянов. Царедворец и политик. София, 1995. С. 51.
9. История южных и западных славян. Т. 2. Указ. Соч. С.39.
10. История Второй мировой войны 1939-1945. Под ред. А.А. Гречко. В двенадцати томах. Т. 3. С. 244-245.
11. История дипломатии. В 5 т. Т. 4. Под ред. А. А. Громько. Дипломатия в годы Второй мировой войны. М., 1975. С. 105.
12. Тошкова В. Болгария и Третий Рейх. София. 1975. С. 42.
13. История южных и западных славян. Т. 2. Указ. Соч. С.41.

С.В. Рогалева (г. Краснодар)

Депортация Крымских болгар. Спецэшелоны в пути (1944–1956 гг.)

После насильственной высылки с территории Крымского полуострова татар настала очередь других национальных групп. 29 мая 1944 г. народный комиссар внутренних дел Л.П. Берия докладывал И.В. Сталину: «После крымских татар в Крыму продолжается работа по выявлению и изъятию органами НКВД СССР антисоветского элемента, проческа и пр. На территории Крыма учтено проживающих в настоящее время болгар – 12 075, греков – 14 300, армян – 9 919» (в 1939г. среди жителей полуострова насчитывалось: болгар 15 353 – 1,4% ко всему населению, греков 20 652 –

1,8%, армян 12 873 – 1,1%) [1]. При этом указывалось, что болгарское население проживает большей частью в населенных пунктах района между Симферополем и Феодосией, а также в районе Джанкоя. Имеется до 10 сельсоветов с населением в каждом от 80 до 100 жителей болгар [2]. Далее следовало обвинительное заключение, в котором отмечалось: «В период немецкой оккупации значительная часть болгарского населения активно участвовала в проводимых немцами мероприятиях по заготовке хлеба и продуктов питания для германской армии, содействовала германским военным властям в выявлении и задержании военнослужащих Красной Армии и советских партизан, получала «охранные свидетельства» от германского командования.

Немцами организовывались полицейские отряды из болгар, а также проводилась среди болгарского населения вербовка для посылки на работу в Германию» [3]. Стоит заметить, что подобная вербовка проводилась среди всего населения полуострова, невзирая на национальность.

Вывод Л.П. Берии был следующим: «НКВД считает целесообразным провести выселение с территории Крыма всех болгар»[4].

2 июля 1944 г. И.В. Сталин подписывает постановление Государственного комитета обороны № 5984, согласно которому НКВД обязывалось «дополнительно к выселению по постановлению ГКО № 5859сс от 11 мая 1944 г. крымских татар выселить с территории Крымской АССР 37 тыс. человек немецких пособников из числа болгар, греков и армян», которых «направить для расселения в сельском хозяйстве, в подсобных хозяйствах и на промышленных предприятиях следующих областей и республик: Гурьевская обл. Казахской ССР – 7 000 чел., Свердловская и Молотовская обл., – 10 000 чел., Кемеровская обл. – 6 000 чел., Башкирская АССР – 4 000 чел.» [5].

В принятом постановлении, в частности, говорилось: «4. Обязать НКПС (тов. Кагановича) организовывать перевозки спецпереселенцев из

Крыма специально сформированными эшелонами по графику, составленному совместно с НКВД СССР.

Количество эшелонов, станции погрузки и станции назначения по заявке НКВД СССР.

Расчеты за перевозку произвести по тарифу перевозок заключенных.

5. Обязать Наркомторг СССР (тов. Любимова) обеспечить питанием в пути эшелонов со спецпереселенцами из Крыма в количестве 37 000 человек, в соответствии с графиком движения эшелонов, установленных НКПС и НКВД СССР.

Выделить Наркомторгу для этой цели продовольствие согласно приложению № 1. В котором регламентировался полный список продуктов питания выделяемый спецпереселенцам в пути следования. Расчет был следующим: муки – 166,5 т., крупы – 33,3 т., мяса – 19,4 т., рыбы – 19,4 т., жиров – 5,5 т. Суточной нормой на человека было определено: хлеба – 500 г., мясо-рыбы – 76 г., крупы – 60 г. и жиров – 10 г. Помимо этого Наркомздрав СССР (тов. Митяева) должен был обеспечить эшелоны со спецпереселенцами из Крыма, по заявке НКВД СССР, медицинским составом, медикаментами и медико-санитарным обслуживанием в пути» [6].

На практике никакие предписания в ходе выселения, которое происходило 27 июня 1944 г. и движения эшелонов в пути не выполнялись. Людям не только не давали никаких объяснений, но и имущество, даже разрешенное к отправке мог взять не каждый. Если транспортные средства, поданные для перевозки людей к эшелонам, находились далеко, то население физически могло взять с собой 10–15 кг. вещей и продуктов. У кого были на руках грудные и малые дети, больные и немощные старики - и того меньше.

Жительница г. Приморско-Ахтарска, болгарка Каражова Мария Афанасьевна так вспоминает этот страшный момент: «Во вторник 27 июня 1944 г. в 4 утра к нам постучали. Зашли военные и прочитали указ о том, что нас, как мелкую нацию, выселяют в другие районы страны. Сказали, что брать ничего не надо, когда приедем, нам все дадут. Только хлеба на два

дня... Вся дорога была устлана вещами, люди выбрасывали их, так как нести до машин не было сил. Стоял стон и крик...»[7].

Что касается того отрезка пути, что лежал между порогом родного дома и местом назначения депортацией, то все опрашиваемые единодушно называют самым трагичным насильственным разрыв семьи. Посадка в вагоны происходила хаотично, поэтому жители одного и того же города или села, могли оказаться и на Урале, и в Сибири. И это было далеко не случайно, что подтверждается частотой таких случаев.

«Наше выселение было заранее тщательно подготовлено таким образом, чтобы даже соседи не попадали в одно место назначения. Так, при посадке на грузовики и на железнодорожной станции в вагоны всех тщательно перемешивали с разными деревнями. Даже нашу родную бабушку разместили в другой вагон, сказав, что на месте встретитесь. Это уже было начало геноцида, чтобы близкие не могли оказывать друг другу помощь»[8].

Между тем, размещение в ином, даже соседнем вагоне, могло практически означать разлуку с близким навсегда: эшелоны в пути переформировывались, а по прибытию вагоны отцеплялись по одному на различных станциях вдоль маршрута следования, поэтому семьи делились на две – три части.

Помимо этого за день до депортации некоторые были в отъезде, одни на базаре, другие ушли навестить родных и близких в соседних селах. И участь тех, кто не ночевал дома была решена, люди автоматически теряли любую связь со своей семьей и лишь изредка находили ее спустя годы.

Та же судьба ожидала командировочных, или отлучившихся по делам службы. О таком случае в своей семье рассказала болгарка г. Краснодара Каражова В.Г.: «Мой отец Георгий Маркович Каражов, бригадир тракторной бригады колхоза имени Желябова, согласно распоряжению НКЗ СССР был командирован в Красноярский край на уборку зерновых. Оставив жену с двумя детьми и пожилую мать, в течении месяца он добирался до места назначения. До середины октября убирал хлеб, молотил его тут же в поле. А

в 1944 г. вместе с известием об освобождении Крыма на сердце отца камнем легла весть о гибели жены от рук румынского солдата и выселении с полуострова всех болгар. После 15-минутных сборов мать Георгия Марковича вместе с внуками покинула Крымский полуостров.

В 1946 г. отец был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и продолжал трудиться на благо своей Родине еще долгие годы, однако мало кто догадывался какую боль он переживал из-за расставания со своей семьей» [9].

Процесс погрузки и отправления эшелонов стал еще одним испытанием для депортированных болгар. Товарные составы из так называемых телячьих вагонов, в которых обычно возили скот на бойню без окон, без дверей, набивали сверх всяких санитарных норм, многим приходилось стоять, а потом в пути сидеть по очереди.

Болгарка г. Феодосии Людмила Станкова так вспоминала этот день: «Я была маленькой, но все это до сих пор перед глазами. В один товарный вагон набивали до 70–80 человек и везли хуже скотины. Ни воды, ни питания людям не давали. Десятками люди умирали в пути. Иногда удавалось их закопать, но большую часть просто оставляли у железной дороги»[10].

Болгарка из г. Коктебель Шапошникова Тамара Ивановна добавляет такую запомнившуюся ей деталь: «Загрузили нас в товарные вагоны, задвинули двери и повезли. Смерть наступала в каждом вагоне. Страх был везде. Грязь, смешенная с конским пометом и соломой, повсюду вши. Июнь–июль 1944 г. были жаркими, поэтому к середине первого дня температура воздуха в вагоне поднималась примерно до 50 градусов, туалетов не было. От духоты теряли сознания старики и дети. А вскоре именно от жары и спертого воздуха стали умирать не только они, но и вполне здоровые люди. Вагоны могли стоять сутками, но двери нам не открывали для того чтобы мы не хоронили наших родных и близких. Запах в вагонах стоял скверный. Взрослые вынуждены были срывать доски и выбрасывать тела по ходу движения поезда»[11].

Первыми и основными причинами смертей в пути стали духота, голод и жажда. Второй – самые разные болезни, которые среди ослабленных в период оккупации людей распространялись особенно быстро. Одной из причин можно считать и душевное потрясение, предельно стрессовое состояние. Ужас отрыва от родных мест, насильственный разрыв семей, тотальное ограбление, вероятность скорой и неизбежной смерти от голода самых близких и родных, полная неизвестность будущего – всего этого многие просто не выдерживали, теряли рассудок, умирали.

Но в вагонах не только умирали, там еще и рождались дети. С момента появления нового человека на свет, возникало сразу несколько проблем, как правило, не разрешимых: полная антисанитария в вагонах, а также отсутствие молока у голодавших матерей. Иногда беременным женщинам, как и другим спецпереселенцам, приходилось прыгать с вагонов, а потом карабкаться назад. Эти резкие толчки и необычное напряжение почти неизбежно приводили к выкидышам. Спускаться на остановках было необходимо, это была единственная возможность приготовления пищи для детей, у которых от сырой мучной «болтушки» пухли животы, они не могли спать от боли. Сама готовка пищи тоже была не шуточной проблемой.

Болгарка г. Феодосии Людмила Станкова так вспоминает об этом: «Наш состав остановился на маленькой станции, мама набрала там из единственного чана несвежей воды. Мы, как могли, развели костер, чтобы сварить из кукурузной крупы кашу. Но поскольку уже почти неделю жили впроголодь, стали есть ее, не дождавшись пока она сварится. Так хотелось кушать, что не замечали странного вкуса и пузырей изо рта. Лишь доев до дна, обнаружили кусочек обмылка. Какими же надо было быть голодными, чтобы съесть вместе с кашей мыло»[12].

Многие коменданты эшелонов категорически не разрешали готовить на остановках пищу, в их глазах эта была вредная самодеятельность, непредусмотренная инструкцией. Поэтому солдатам давался приказ топтать костры и переворачивать котелки.

4 июля 1944 г. Л.П. Берия доложил И.В. Сталину, что выселение из Крыма татар, болгар, греков и армян закончено. Всего выселено 225 009 чел., в том числе татар – 183 155, болгар – 12 422, греков – 15 040, армян – 9 621. При этом докладывалось, что «при проведении операции по выселению на местах и в пути происшествий не было»[13].

Для большинства депортированных эти два месяца в пути «без происшествий» оказались самыми большими жизненными испытаниями. Боль потери родных и близких, непонимание ситуации, страх будущего – все это и многое другое стало реальностью для многих поколений болгар. Впереди их ждал 12-летний период депортации, который сломит многие судьбы, нарушит культурно-этнографические устои и подарит долгожданную свободу.

Примечания

1. Крым многонациональный / Сост. Н.Г. Степанова. Симферополь. 1998. (Вопросы-ответы; Вып.1) С.72.
2. Депортовані кримськ татари, болгари, вірмени, грекі, німці. Документи. Факти. Свідчення (1917-1991гг.) / Упоряд.: Ю. Білуха, О. Власенко. Київ: Муз. Україна, 2004. Арк.141.
3. Там же. Арк.142.
4. Там же. Арк.143.
5. Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». Документы, факты, комментарии. М., 1992. С.141–142.
6. Депортовані кримськ татари, болгари, вірмени, грекі, німці. Документи. Факти. Свідчення (1917-1991гг.) Арк.144.
7. Беседа с Каражовой (Лефановой) Марией Афанасьевной // Личный архив автора. Дело № 12. С.1.
8. Altin Vesik. Специальный выпуск к слушаниям в Верховной Раде Украины № 6/1. Коренные народы: ситуация в Крыму и международный опыт. Симферополь 2000. С.64.
9. Беседа с Каражовой Валентиной Георгиевной // Личный архив автора. Дело № 11. С.1–2.
10. «Нас везут на расстрел!» // Извор № 4, 2001. С.6.
11. Беседа с Шапашниковой Тамарой Ивановой // Личный архив автора. Дело № 13. С.2-3.
12. «Нас везут на расстрел!» С.6-7.
13. Зарубин В.Г. Депортация из Крыма армян, болгар, греков и граждан других национальностей (1944г.) // Историческое наследие Крыма, 2004 № 5. С.28.

Болгарская православная церковь и формирование биполярного мира

Сотрудничество союзников по антигитлеровской коалиции сыграло важную роль в борьбе с фашизмом. К сожалению, на завершающем этапе Второй мировой войны среди союзников проявляются разногласия. Они были обусловлены разным видением послевоенного мира и стремлением расширить своё влияние в этом мире. С этого момента можно говорить о начале формирования биполярного мира, определившего развитие многих стран во второй половине XX в.

Формирование биполярного мира напрямую повлияло на жизнь Болгарской православной церкви (БПЦ). С момента вступления советских войск в Болгарию в сентябре 1944 г. руководство Советского Союза прилагает активные усилия для прихода к власти в стране просоветского правительства и установления своего влияния над Болгарией. Важный момент в данном вопросе имела идеологическая составляющая. В Болгарии начинается пропаганда советского строя, социалистического устройства общества, активного сотрудничества с Советским Союзом. Однако не все в Болгарии поддерживали сотрудничество со страной-освободителем и не все стремились строить в Болгарии социализм. Одним из идейных противников социализма в Болгарии стала БПЦ, обладавшая большим влиянием на болгарское общество. Этот факт осознавало и руководство Отечественного Фронта (ОФ) Болгарии, пришедшего к власти в сентябре 1944 г. Правительство ОФ взяло курс на постепенное подчинение БПЦ и ограничение её влияния на жителей страны. Эта задача стала одной из важнейших во внутренней политике болгарского правительства, а давление на церковь всё более нагнеталось по мере усиления позиций коммунистов в болгарском руководстве. Церковь была мировоззренческим антиподом

коммунистов, который пронизывал все слои общества сверху донизу, что было очень опасно для партии, исповедовавшей атеизм [1].

Конечно, правительство ОФ не в силах было сразу нейтрализовать влияние церкви: слишком сильны были позиции болгарского духовенства и столь непрочно положение нового правительства. Поэтому на первом этапе использовалась своеобразная тактика «кнута и пряника»: сотрудничая с духовенством, правительство постепенно ограничивало возможности церкви. Руководство ОФ использовало то обстоятельство, что БПЦ скомпрометировала себя сотрудничеством с предшествующим профашистским режимом в Болгарии. Это сотрудничество духовенства с правительством-союзником фашистской Германии было обусловлено многими факторами, но определяющими были угроза расправы и стремление монархического правительства расширить границы государства до пределов Сан-Стефанской Болгарии. БПЦ была напрямую заинтересована во включении части Одринской Фракии и Македонии в состав Болгарии, т.к. считала эти территории часть своего диоцеза (территория юрисдикции церкви) и вела спор за них со Вселенской патриархией. Этот спор стал одной из причин схизмы, наложенной на БПЦ Вселенским патриархом [2].

Спор церковей за Одринскую Фракию и Македонию стал фактором, через который формирующаяся биполярная система повлияла на болгарскую церковь. Развитие процесса холодной войны и раздел территорий на зоны влияния толкали противоборствующие стороны к быстрому решению вопроса о схизме. Согласно договоренности глав стран антигитлеровской коалиции, Болгария находилась в сфере влияния СССР, а Греция и Турция – западных стран. При нерешенном вопросе о схизме могли возникнуть проблемы, т.к. диоцез БПЦ распространялся на территории стран, находящихся в сфере влияния западных стран. Следовательно, как эти страны вместе с Константинополем могли влиять на Болгарию через приходы БПЦ на своей территории, так и болгарское правительство и БПЦ вместе с Москвой могли влиять через эти же приходы на соседние страны.

Болгарская сторона не хотела вмешательства в свои внутренние дела по церковной линии Вселенской патриархии, которая все больше попадала под влияние западных стран. Во избежание подобных перспектив обе стороны были заинтересованы в быстром решении вопроса о болгарской схизме [3].

Данное обстоятельство определяло заинтересованность в решении греко-болгарского спора и советского руководства. Со стороны болгарского и советского правительств были предприняты меры для сближения конфликтующих сторон. Болгарское духовенство также было заинтересовано в примирении с Константинопольской патриархией, что открывало дорогу к снятию схизмы, длившейся с 1872 г. Предстоятель БПЦ Софийский митрополит Стефан понимал, что для успешных переговоров с греческим духовенством необходим влиятельный посредник. На роль такового прекрасно подходила Русская православная церковь (РПЦ), действия которой контролировались правительством Советского Союза. Митрополит Стефан и его окружение понимали, что РПЦ способна повлиять на решение Вселенского патриарха о снятии схизмы. Еще 30 октября 1944 г. митрополит Стефан в своем письме просил патриаршего местоблюстителя митрополита Ленинградского Алексея «взять на себя инициативу в разрешении вопроса о снятии с нас схизмы, дабы был положен конец этому печальному явлению в православном мире» [4]. В своем ответном письме Ленинградский митрополит Алексей по вопросу о схизме написал вполне обнадеживающие слова. Он заметил, что в православном мире Вселенский патриарх является первым среди остальных предстоятелей православных церквей, и только он может снять схизму с БПЦ. При таком положении дел нежелательно вмешательство в этот вопрос других церквей во избежание раздоров и недоразумений. Митрополит Алексей советовал напрямую обратиться к Вселенскому патриарху с просьбой о снятии схизмы. Такой шаг продемонстрировал верность БПЦ церковным канонам и лояльность по отношению к Вселенскому патриарху. Ленинградский митрополит указывал на благосклонное отношение Константинопольского патриарха к БПЦ и его

готовность положительно решить вопрос о снятии схизмы. Со своей стороны митрополит Алексей обещал содействовать решению важной для БПЦ проблемы, но только после официального обращения БПЦ к Константинопольскому патриарху с просьбой о снятии с нее схизмы. Причем наместник патриаршего престола говорил о ходатайстве непосредственно перед Константинопольским патриархом [5]. Однако ещё на Поместном Соборе РПЦ, проходившем 31 января – 2 февраля 1945 г. в Москве, состоялись встречи высшего русского духовенства с представителями других православных церквей. На Поместном Соборе присутствовал представитель Константинопольской патриархии митрополит Фиатирский Германос. Во время этой встречи обсуждался «болгарский церковный вопрос» [6].

Как мы видим, еще до того, как БПЦ обратилась к Вселенскому патриарху с просьбой о снятии схизмы, РПЦ предприняла посреднические шаги перед Константинопольской патриархией, пытаясь помочь БПЦ решить ее проблему. Поместный Собор был благоприятным событием, т.к. там собрались представители практически всех православных церквей, с которыми можно было обсудить «болгарский церковный вопрос», но в первую очередь важно было присутствие Вселенской патриархии, от которой непосредственно зависело решение вопроса о схизме. На Соборе можно было спокойно обсудить этот вопрос, определив основные условия снятия схизмы. Что, скорее всего, и произошло. В пользу этого говорят дальнейшие действия болгарского духовенства. 21 января 1945 г. Св. Синод БПЦ обратился к Вселенскому патриарху Вениамину с просьбой снять схизму. В письме, содержащем обращение, болгарское духовенство сообщало патриарху Вениамину, что БПЦ провела выборы экзарха, и что им стал митрополит Стефан. В письме также сообщалось, что Св. Синод БПЦ принял решение о переносе резиденции болгарского экзархата из Константинополя в Софию.

В этом же письме сообщалось, что БПЦ согласна принять условия, выдвинутые Вселенской патриархией в 1934 г. Тогда главным препятствием, как упоминалось выше, было несогласие болгарского духовенства

переносить резиденцию экзархата из Константинополя. Теперь, десять лет спустя, БПЦ была согласна на прежние условия, заранее перенеся резиденцию, устранив тем самым главное препятствие на пути примирения с Вселенской патриархией. Таким образом, не осталось никаких формальных причин, не позволяющих патриарху Вениамину снять схизму с болгарской церкви. Решение о переносе резиденции было принято Синодом на заседании сразу после избрания Софийского митрополита Стефана Болгарским экзархом [7].

В феврале 1945 г. в Константинополе начались переговоры между болгарской и греческой делегациями. Одним из наиболее острых вопросов был вопрос о разграничении диоцезов двух церквей. Однако болгарская делегация вынуждена была пойти на уступки. 22 февраля 1945 г. был издан томос, снимавший схизму с БПЦ [8]. Таким образом, схизма с БПЦ была снята. Соглашение было достигнуто на базе условий, выработанных в предыдущем десятилетии. Согласно этим условиям диоцез БПЦ ограничивался государственными границами Болгарии. Болгарский экзархат потерял возможность объединить все свои заграничные епархии (Охридская Фракия и Македония). БПЦ окончательно утратила роль объединителя всех православных болгар [9]. Как мы видим, условия решения спора не в полной мере соответствовали не только интересам БПЦ, но и всего болгарского народа. Быстрое решение вопроса о схизме со всеми последствиями было обусловлено международной обстановкой. Фактически болгарская сторона действовала не сколько в своих национальных интересах, сколько в интересах политического строя, установившегося в Болгарии.

Вопрос о схизме стал не единственным эпизодом влияния международной обстановки на БПЦ. Наиболее ярко это проявилось при обсуждении экуменического вопроса. БПЦ на протяжении нескольких десятилетий активно участвовала в этом движении. Глава БПЦ экзарх Стефан был активным сторонником участия в экуменическом движении [10]. Но во второй половине 1940-х гг. это движение из религиозного фактически

превратилось в политическое. Деятельность экуменических организаций стала направляться спецслужбами западных стран. В связи с такими изменениями советское руководство взяло курс на обструкцию экуменического движения и его мероприятий. В странах Восточной Европы был взят курс на отстранение христианских церквей от участия в экуменическом движении. Для БПЦ сложившаяся ситуация оказалась весьма сложной. Значительная часть духовенства, особенно среди руководства БПЦ, выступала за сохранение членства в экуменическом движении. Но с 1947 г., после консультаций с советским правительством, правительство ОФ стало оказывать давление на Священный Синод БПЦ, вынуждая отказать от участия в экуменическом движении. От болгарского духовенства пытались добиться официального осуждения экуменизма. Открыто болгарское духовенство уже не могло сопротивляться укрепившемуся у власти ОФ. Противодействие священнослужителей стало носить скрытый характер. Борьба советского и болгарского правительств с экуменизмом были не беспочвенны. В Болгарию приезжали резиденты экуменических организаций. Они пытались использовать антиправительственную позицию руководства БПЦ для борьбы с просоветским правительством с целью усиления влияния западных стран. Для этого вёлся фактический подкуп болгарских владык [11].

Моментом истины стало лето 1948 г. Советское руководство запланировало провести совещание глав православных церквей в Москве, которое должно было принять резолюцию, осуждающую экуменическое движение. Резолюцию необходимо было подписать всем главам церквей, входивших в сферу влияния СССР. Но экзарх Стефан стал вести двойную игру – он не хотел рвать с экуменизмом. Болгарскому правительству он заявлял о разрыве с ним, представителям экуменических организаций – что будет в них состоять. Во время Московского совещания экзарх Стефан даже планировал вместо оговорённой поддержки осуждающей резолюции открыто выступить в поддержку экуменического движения [12]. Данное

обстоятельство стало известно советским спецслужбам, в экстренном порядке были проведены личные беседы с экзархом Стефаном, в ходе которых удалось склонить его к подписанию резолюции, осуждающей экуменизм. В конечном итоге Московским совещанием была принята резолюция, в которой говорилось об отказе от участия в экуменическом движении [13], но экзарх Стефан уже не пользовался доверием ни Московской патриархии, ни советского, ни болгарского правительств. Чтобы в дальнейшем обезопасить себя от неожиданных антиправительственных действий со стороны руководства БПЦ, правительство ОФ спровоцировало раскол между болгарскими владыками и вынудило экзарха Стефана отказаться от своей должности. Пользуясь растерянностью и дезорганизованностью духовенства, правительство ОФ вынудило БПЦ принять новый Устав, поставивший БПЦ под контроль болгарского руководства. Как мы видим, в данном случае формирование биполярного мира тяжелым ударом отразилось на судьбе БПЦ. В угоду международным задачам болгарского и советского правительств БПЦ вынуждена была изменить своей сущности. Попытки её руководства идти своим путём были пресечены, а данный инцидент был использован для подчинения церкви правительству.

Примечания

1. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949-1953. М., 2002. С. 427.
2. Верюжский В. М. Происхождение греко-болгарского вопроса и болгарской схизмы // Журнал Московской патриархии. 1948. № 7, 10, 11, 12.
3. Калканджиева Д. Указ. соч. С.42.
4. Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 20.
5. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 23-24.
6. Православная энциклопедия. Т. 5. М., 2005. С. 635.
7. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 36-40.
8. Калканджиева Д. Българската православна църква и държавата. 1944-1953. София, 1997. С. 51; Темелски Х. Житие и страдание на последния Екзарх // Церковен вестник, бр. 2, 2005 // <http://pravoslavie.bg/content/view/6010/58/>
9. Православная энциклопедия. С. 635.
10. Волокитина Т. В. Советское руководство, Русская православная церковь и экуменическое движение (40-50-е гг. XX в.) // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939-1958. М., 2003. С. 232-233.
11. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 290. Л. 67, Д. 412. Л. 58-60, Д. 418. Л. 59.

12. Там же. Л. 49, 149-150.

13. Резолюция по вопросу «Экуменическое движение и православные церкви» // ЖМП. 1948, № 7. С. 26-27.

Илияна Марчева (Республика Болгария)

Отношения между Болгарией и СССР/ Россией в 1944 –2008 гг.

Отношения между Болгарией и Россией (советской и постсоветской) во второй половине XX – начале XXI вв. проходят через различные этапы и зачастую зависят от геополитической обстановки в Европе и в мире. В период 1944–1989 гг. Болгария и Советский Союз являются союзниками, ведут единую политику и разделяют одинаковые идеологические ценности, определяющие, в значительной степени, отношения между ними. Разумеется, СССР в Восточном блоке является центром, а остальные страны – сателлитами. После 1989 г. все коренным образом меняется. Болгария стремится вписаться в новые структуры – Евросоюз и НАТО, которые в принципе враждебно настроены не только к СССР, но и к постсоветской России, независимо от деклараций и дипломатической куртуазности. Центр меняется – теперь это уже США – вокруг которого Болгария продолжает свое вращение в качестве сателлита.

До подписания мирного договора 10 февраля 1947 г. политические силы в Болгарии очень хорошо понимают значение СССР в международной сфере и все: и ОФ – партии и оппозиция декларируют добрые чувства и стремление к поддержанию добрых отношений с СССР. За эту лояльность – predeterminedенную не только пресловутым процентным соотношением Сталин – Черчилль с октября 1944 г., но и наличием сильного и влиятельного советского контрагента в Болгарии – коммунистической партии – наша страна оказывается единственной союзницей гитлеровской Германии, которая не теряет территорий.

Заклучение болгаро-советского союзнического договора – договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи 1948 г. – на двадцатилетний период окончательно определяет включение Болгарии в Восточный блок. Значение Болгарии возрастает с созданием в 1949 г. НАТО, поскольку она оказывается на южном фланге границы между двумя блоками. Перевооружение армии, советские советники в силовых министерствах дополняются советниками в таких экономических структурах, как Министерство финансов и Государственная плановая комиссия и др. Доходит буквально до копирования советской образовательной системы с введением пятибалльной системы, обязательного изучения русского языка и др. В 1948 г. в СССР направляются на обучение первые болгарские студенты: инженеры, агрономы, военные.

В 1940-е–50-е гг. наблюдается быстрая переориентация болгарской внешней торговли на нового союзника – СССР, при сохранении старой структуры экспорта с преобладанием аграрных товаров, а также товаров пищевой промышленности взамен машин и промышленного сырья. Болгаро-советские экономические отношения расширяются благодаря выделению инвестиционных кредитов для электрификации и индустриализации страны с учетом первого пятилетнего плана 1949-1953г. в размере 40 млн. долларов со сроком погашения 10 лет и при ставке 3% годовых. Из-за выгодных экономических условий такие инвестиционные кредиты станут традиционными для болгаро-советских экономических отношений и в последующие десятилетия. Но их следствием будут рецидивы сталинизма в отношениях между двумя странами. В качестве примера можно назвать передачу бывших германских предприятий и имущества в советские руки, на базе которых создаются существующие до 1955 совместные болгаро-советские предприятия, такие как “Горубсо”, „Табсо” и др. Их можно рассматривать как компенсации победителю за счет немецких репараций по договору о капитуляции, хотя в современной болгарской историографии они служат доказательством эксплуатации со стороны СССР. Другим проявлением сталинизма является процесс против Трайчо Костова и его

сотрудников из экономических и внешнеторговых структур, сопровождающийся грубым вмешательством Сталина и обвинениями в адрес Т. Костова как мелкого ”жулика”, а также публичной пощечиной – что должно было показать, кто является подлинным хозяином в этих отношениях. Несдержанность Сталина рассматривается и как проявление его страха в том, чтобы Болгария не пошла по стопам Броза Тито.

После этих политических катаклизмов следуют экономические, связанные с объявленным после смерти Сталина новым продовольственным курсом 1953 г., в результате которого доля СССР в болгарском внешнеторговом обмене впервые с середины 40-х годов падает под 50%. После 1956 г. новый болгарский лидер Тодор Живков позаботится о том, чтобы не допускать подобного срыва. Подлинная индустриализация страны с 1962 г. требует поиска кредитов, а также обеспечения рынков сбыта для будущей промышленности. Это одно из основных объяснений по поводу эксцентричного предложения в 1963 г. по поводу того, чтобы Болгария стала, условно говоря ”16-й советской республикой”. Болгарское руководство учитывает экономические выгоды, но понимает, что это предложение будет иметь и отрицательные политические последствия для СССР, так что оно не выполнимо. Однако эта демонстрация лояльности, граничащей с отказом от суверенитета, положительно отражается на развитии двусторонних экономических связей. Создается межправительственная комиссия экономического и научно-технического сотрудничества, гарантирующая участие болгарских производителей в разделении труда в СЭВ, а также длительное присутствие на советских рынках. Вовсе не случайно в 1964 г. выдаётся долгосрочный кредит в 300 млн. рублей при очень благоприятных условиях, благодаря которому возводятся МК “Кремиковцы”, химкомбинаты в Бургасе и Димитровграде, завод азотных удобрений в Стара-Загоре, а также ряд машиностроительных заводов, в числе которых заводы вычислительной техники и электроники в Ловече и Пловдиве. Благодаря импорту дешевой нефти, черных металлов и сплавов, а также высококачественной хвойной

древесины из Коми АССР, болгарская экономика развивается поступательно. Это позволяет постепенно изменить структуру импорта и особенно экспорта страны в торговле с СССР и другими восточно-европейскими странами. Наряду с экспортом сигарет, ранних овощей и одежды, Болгария специализируется также и в экспорте электроники, транспортного машиностроения (электрокары) и др. Переход на взаиморасчеты в СЭВ на основе инвалютных рублей в 1965 г. дополнительно увеличивает зависимость страны от советской экономики.

Большое значение имеет подновление двустороннего союзнического договора в 1967 г., который вновь предусматривает 20-летний период дружбы, сотрудничества и взаимопомощи. Он закладывает юридические основы для дальнейшего развития отношений между двумя странами. В 70-е гг. проводится политика все большей интеграции между хозяйствами двух стран, вместе с опытом установления и углубления экономических взаимоотношений в рамках СЭВ, где осуществляются 80% болгарского экспорта и проходят 75% болгарского импорта, причем доля СССР в общем болгарском импорте и экспорте составляет 54%. Тогда на передний план выходит тесное сотрудничество между Болгарией и СССР в развитии сырьевой и энергетической базы, машиностроения и инфраструктуры. Особенно чувствительным является советское участие в создании энергетической базы страны, ее расширения и модернизации – припомню лишь строительство Козлодуйской АЭС, магистрального газопровода «СССР-Болгария», разработку Оренбургского газового месторождения, реконструкцию таких крупных ТЭЦ, как Варненская. Участие в этих международных проектах в рамках СЭВ обеспечивает стране возможности не только расширить и модернизировать свою энергетическую отрасль, но и модернизировать сырьевую базу химической промышленности [1]. Одновременно с этим советское руководство соглашается напрямую дотировать болгарский сельскохозяйственный экспорт на советские рынки на сумму 400 млн. переводных рублей, чем поддерживает болгарский

государственный бюджет и взаимную торговлю, таким образом не переходя на международные цены.

Тот факт, что и в 1970-е гг. Болгария продолжает быть оазисом стабильности, получает от СССР большой объем кредитов и научно-технической помощи, своим существованием обязан "эре Брежнева" в болгаро-советских отношениях. Так что очередной болгарский ход 1973 г. о повторном сближении, а в перспективе слиянии с СССР не является странным. Хотя решения пленумов 1973 г. хранятся в глубокой секретности, их исполнение усиливает сближение в культурной и идеологической сфере между Болгарией и Россией, поскольку вводится изучение русского языка, начиная с первого класса, расширяется система олимпиад по русскому языку – они уже проводятся не только для учащихся, но и для работающих. Не говоря уже о выходящих в свет переводах русских книг, доступных в специализированных книжных магазинах любого областного города русских изданий, засилье советских фильмов в кинотеатрах. Можно отметить, что развитие культуры других народов СССР остается менее известно болгарам и не так популярно, вопреки тому, что в документах БКП говорится о «советской культуре», «о воспитании любви и преданности к советскому народу» [2].

Благодаря этому тесному сближению в политической, идеологической и культурной сферах, Болгария получает единственный шанс в своей истории эксплуатировать внешний ресурс, и это помогает её выдвигению вперед в ряду окружающих европейских стран. В условиях мирового нефтяного кризиса, благодаря особенно сердечным отношениям с СССР, Болгария не только удовлетворяет свои собственные потребности через импорт из СССР, но осуществляет реэкспортные операции советской нефти, в определенные годы, достигающие сотен миллионов долларов. Динамичное и масштабное развитие получает и военная промышленность на базе технологического сотрудничества преимущественно с СССР. В отдельные годы экспорт этой продукции составляет одну треть валютных поступлений страны.

Экономические отношения включают также сотрудничество в научной и технической деятельности, создание совместных предприятий. Благодаря совместным научно-техническим мероприятиям, Болгария специализируется в производстве пищи и аппаратуры для космических полетов, а также посылает двух космонавтов в составе совместных болгаро-советских экспедиций: 10 апреля 1979 г. и 1 июля 1988 г.

По существу болгарская индустриализация проводится благодаря советским кредитам, но они ставят болгарское развитие в зависимость от советской технологической и технической базы, которая в 80-е гг., когда отставание в области новых информационных технологий становится резким, негативно отражается и на Болгарии. Но в условиях холодной войны в Болгарии нет политических сил, способных обратить вспять политическую, а отсюда и экономическую зависимость страны, чтобы избежать данного технологического отставания. В условиях разрядки 1975–1980 гг. страна ищет и другие пути для добычи достижений западной индустриализации и модернизации, расширяя торгово-экономические, разведывательные и научные связи с западным миром. Именно на это рассчитывает советская сторона, когда поддерживает сотрудничество и близкую интеграцию с Болгарией в экономической сфере. Разумеется, так она платит за политическую лояльность страны: дешевой нефтью и своими огромными рынками. Глава болгарского государства даже хвастается, что в лице СССР Болгария имеет своеобразную колонию, потому что оттуда вносится сырье, а туда продаются машины и оборудование [3].

Именно это положение пытается изменить новый советский лидер М. Горбачев в экономической политике и отношениях со странами СЭВ, в т.ч. и с Болгарией. Падение цен на нефть создает большой внешний долг и заставляет советское руководство искать другие пути развития советской экономики. Сам Горбачев высказывает давно зреющее среди советских экспертов недовольство, что даже небольшая Болгария предлагает машины СССР, а он вынужден быть сырьевым снабженцем сообщества. Именно

падение цен на нефть в середине 80-х гг. является одной из причин начала возрастания советского внешнего долга к странам СЭВ, включительно и к Болгарии, достигшего, в целом, свыше 15 млрд. рублей. Он увеличивается и за счет неоплаченного болгарского строительства на территории СССР и из-за пересчета переводных рублей к доллару 1:1 с 1988 г., когда по предложению СССР и Венгрии решено в рамках СЭВ перейти на конвертируемую валюту. Однако Болгарии это невыгодно, поскольку болгарская электроника теряет высокие цены, по которым продается в СЭВ, а они намного выше международных. Вместе с тем страна не может рассчитывать как ранее на кредиты для обновления экономики, и вынуждена покупать технологии и сырье из западных стран в твердой валюте, таким образом, с 1987 г. начинает расти внешний долг Болгарии. Центробежные силы в СЭВ набирают скорость, поскольку все страны пытаются максимально использовать свой экономический потенциал для получения твердой валюты. Болгария и СССР не являются в этом отношении исключением.

Конфликт между ними созревает и отражается на экономических и торговых связях, и на межличностных отношениях двух лидеров, причем доходит до обвинений со стороны Горбачева в том, что Болгария пытается стать второй Японией и мини ФРГ, имея в виду усиленные торгово-экономические связи с этими странами во второй половине 80-х гг. [4]. Поскольку эти обвинения делаются на фоне провозглашенного Кремлем отказа от „Брежневской доктрины” и объявления поддержки самостоятельного курса социалистических стран, то недоверие и постепенная стагнация в отношениях между Болгарией и СССР продолжается.

После 1989 г. следует длительный период спада в политических, экономических и культурных связях между Болгарией и Россией. Это связано с переходом на капиталистический путь развития, который осуществляется в обеих странах и имеет различные для них последствия. В то время как СССР прекращает свое существование и Российская Федерация,

как его наследница в международных отношениях пытается играть роль мировой силы, хотя и безуспешно, путь для Болгарии предначертан новым мировым порядком после окончания холодной войны: в НАТО и ЕС. В 90-е гг. болгарская внешняя политика направлена в основных чертах именно на это.

Но пока дойдет дело до данного разграничения – на исходных позициях обе страны в 1990-2000 гг., проходят через различные фазы. После отказа Великого Народного собрания Республики Болгария обновить 4 августа 1991 г. союзный договор между Болгарией и СССР (поддержанный и президентом Желевым с объяснением, что в нем имеются положения о военном сотрудничестве) и последовавшем роспуске Союза в декабре 1991 г., имеются все основания для перехода к добрососедским отношениям. Тем более что Желю Желев первым подставляет «международное плечо» Борису Ельцину во время т. наз. “августовского путча”, выражая 21 августа 1991 г. свою поддержку по телефону – жест, подсказанный ему, как считается, извне. В октябре 1991 г. во время рабочего визита в Москву Желев и Ельцин подписывают важные документы: совместную политическую декларацию, протокол об установлении дипломатических отношений между Болгарией и Россией на уровне посольств, соглашение о торговом и научно-техническом сотрудничестве, межправительственное соглашение о расчетах между Болгарией и Россией до конца 1991 г. Демонстративная поддержка Желева российскому руководству на фоне его категоричной оппозиции против прежнего болгаро-советского союзного договора, оценивается как малый, но видимый вклад в более крупные усилия для распада советского государства [5]. Из этого примера видно, что отношения между Болгарией и Россией превращаются в функцию отношений западных союзников к ней и Болгария стремится попасть в среду этих союзников. С другой стороны, во внешней политике в России также протекают процессы, в общем характеризующиеся стремлением новой политической элиты найти место под солнцем Г-7, отступив от Восточной и Юго-Восточной Европы, Афганистана, третьего

мира. Запад исключительно заинтересован в таком сценарии, потому что кроме геополитической инициативы, расширения позиций, и т.п. становится местом, где российские олигархи, советская бывшая номенклатура и др. власть имущие прячут присвоенные, до недавнего времени бывшие советскими, капиталы.

Внутри Болгарии отношение за и против хороших болгаро-российских отношений становится объектом внутривластной борьбы. Правые политические силы – Союз демократических сил /СДС/ – проявляется как антироссийская политическая сила, в то время как Болгарская социалистическая партия /БСП/ – бывшие коммунисты – как пророссийская. Но на поверку этот имидж оказывается лишь для демонстрации перед СМИ. Так левое правительство БСП, возглавляемое Ж. Виденовым в 1995–1996 гг. было свергнуто не без участия российского Газпрома, поскольку болгарский премьер возражал против требований о повышении цен на газ, а также потому, что не соглашался передать в российскую собственность трубы газопровода через болгарскую территорию. Однако служебное правительство С. Софийского – до недавнего времени представляющего правые политические силы, затем объявившего себя независимым мэром Софии, подписало в 1997 г. с Газпромом требуемое увеличение цен на газ. С другой стороны, второе правое правительство И. Костова поддержало США и НАТО в бомбардировках Сербии в 1999 г. и отказало в подобном воздушном коридоре для российских военно-воздушных сил. Более того, это и последующие правительства привели страну к вступлению в НАТО в 2001 г. и в ЕС в 2007 г.

Россия не могла рассчитывать на БСП как на традиционную пророссийскую партию, потому что после своего 44-го конгресса 6–7 мая 2000 г. БСП также стала поддерживать пророссийскую позицию, хотя до того момента защищала идею о внешнеполитическом и военном нейтралитете.

Это отчуждение в 1990-е гг. во внешнеполитическом плане отражается и на культурных, научных и экономических связях между Болгарией и

Россией. Отменяется обязательное изучение русского языка в болгарских школах, несмотря на желание родителей. Прекращается приток русских книг, фильмов, закрываются специализирующиеся на русской литературе книжные магазины. Культурные и научные деятели, подобно политикам, устремляются на поиск связей со своими западными коллегами, отказываясь от недавнего сотрудничества с коллегами из России. Одной из причин этого является и то, что в начале 90-х гг., в отличие от активизировавших свою работу культурных центров западных стран, таких как Гете-институт, Австрийский институт, Открытое общество и др., именно в этот момент из-за финансовых проблем как будто прекращается столь масштабная деятельность Российского культурного центра, не говоря уже о российском правительстве. Оно также со своей научной и культурной элитой устремляется на Запад. Это отчуждение и сворачивание болгаро-российских политических и культурных связей наиболее остро отражается на экономических связях и отношениях. Болгария теряет свои позиции на российском рынке, вытесненная западными фирмами или их китайскими подобиями. Затевадается спор о невыплаченном внешнем долге Болгарии со стороны СССР с середины 1980-х гг., но вместе с тем начинает расти болгарский дефицит в торговле между двумя странами.

Новый этап в отношениях между Республикой Болгарией и Российской Федерацией начинается с приходом к власти в РБ правительства Национального Движения „Симеон Второй” /НДСВ/ и турецкой этнической партии „Движение за права и свободы” /ДСП/ в 2001–2005 гг. Он совпадает с изменившейся обстановкой и в России – с приходом к власти президента В. Путина, а в мире – США объявляет войну терроризму и ищет союзников. Так что в 2003 г. становится возможным подписание „Совместной декларации президентов двух стран о дальнейшем углублении дружественных отношений и партнерстве между Республикой Болгарией и Российской Федерацией” во время визита В. Путина в Болгарию по поводу чествования 125-летия установления дипломатических отношений между двумя

странами. Во второй раз президент Путин посещает Болгарию в 2008 г., когда празднуется 130-летие Освобождения Болгарии. Этот год объявлен годом России в Болгарии, а 2009 – Годом Болгарии в России. Во время последнего визита Путина подписаны очень важные для обеих стран договоры: о включении Болгарии в российско-итальянский проект по газопроводу «Южный поток», о строительстве АЭС «Белене» российскими фирмами, среди которых и «Атомстройпроект», совместно с германо-французским консорциумом «CARSIBA», о нефтепроводе Бургас – Александруполис. Ожидаемые прямые российские инвестиции в болгарскую экономику составят свыше 5,5 млрд. евро [6].

Другой сферой интереса русского капитала в Болгарии является недвижимость, особенно на Черноморском побережье. Оно остается одним из предпочитаемых мест отдыха российских туристов, вопреки введенному с 2007 г. визовому режиму. В значительной степени это связано с продолжающимися и расширяющимися культурными связями между двумя странами. Регулярные майские спектакли «Звезд российского балета», различных российских ансамблей. В 2009 г. в Москве фурор вызвала «Чайка» Театра армии в постановке К. Азаряна. Отношение обыкновенных людей в Болгарии, включая молодежь, также оказывается фактором отсутствия открытых русофобских настроений, характерных для других бывших советских или восточно-европейских союзников России. Большой популярностью пользуется российская рок-группа ЛЮБЭ. Продолжает сохраняться интерес, особенно среди юных болгар к изучению русского языка (он остаётся одним из изучаемых иностранных языков хотя и соревнуется с более популярными английским и немецким). Так, согласно данным Министерства образования, из 900 тыс. учащихся во всей стране 600 тыс. изучают английский, 200 тыс. – русский, 160 тыс. – немецкий, 90 тыс. – французский языки. Русский язык изучается чаще в провинции и в приморских населенных пунктах, с учетом потока туристов из России.

История българо-советских и българо-росийских отношений второй половины XX – начала XXI вв. показываает, что выигрывают прагматизм и уважение к партнеру, особенно когда две страны находятся по разную сторону геополитической линии конфронтации.

Примечания

1. *Саввов М.* Развитие на външната търговия между НРБ и СССР в условията на интеграцията. Варна, 1977. С. 102–103; Стопанска история на България 681–1981. С., 1981. С. 584, 594; *Баева И.* «Сближението» между България и Съветския съюз (1964–1973) // България и Източна Европа. София, 2001. С.120–121; *Марчева Ил.* Стопанска история 50-80-те години на XX век // История на българите. София, 2009. Т. 3.
2. Централен държавен архив, ф.1б, оп.58, а.е. 69, л.92–93.
3. *Баева И.* Българо-съветските отношения в годините на „перестройката“ // България в сферата на съветските интереси (Българо-руски научни дискусии). София, 1998. С. 118-127; *Марчева Ил.* Българската икономика през 80-те години на XX век между Изтока и Запада // Проблемът Изток-Запад. Историческа перспектива София, 2003, С. 685–692.
4. *Марчева Ил.* Конфликтът Михаил Горбачов – Тодор Живков (Или още веднъж за българо-съветските отношения в контекста на перестройката през втората половина на 80-те години на XX век) // Историята – професия и съдба. В чест на член-кор.д.и.н. Георги Марков. София, 2008. С. 577-593.
5. *Баева И. и др.* Външната политика на България след 10 ноември 1989. София, 1997 С. 68–69.
6. *Баева И.* България и Съветския съюз /Руската федерация пред предизвикателствата на новия световен ред след 1989 г. // България и Русия между признателността и прагматизма, Сб. От международна конференция. София, 2008. С.728-729; *Ревякина Л.* Русия и България (1991–2007) // България и Русия между признателността и прагматизма, Сб. От международна конференция. София, 2008. С. 772-775.

Сашка Миланова (Република България)

Българската пропаганда за чужбина (1950–1952 гг.)

Предложената тема обхваща хронологично само няколко години, но те носят обобщаваща характеристика за настъпилите следдеветосептемврийски промени в Дирекция на печата [1]. Обект на настоящето изследване е Българската телеграфна агенция (БТА), която е главният осведомителен източник на изпълнителната власт, на средствата за масова информация и на обществото за събитията по света, както и на българските легации и на чуждото обществено мнение с новини от България [2]. За начало на БТА се приема 1898 г., тогава излиза нейният първи бюлетин и в течение на своята

полувековна практика в международната информационна кореспонденция тя успява да получи влияние и авторитет. Новата и нетипична за телеграфна агенция пропагандна функция, с която отечественофронтовската власт я задължава да изпълнява, в голяма степен деформира самостоятелното ѝ предназначение. Известно е, че пропаганда и информация като публични дейности са различни по съдържание, насоченост и динамика, защото за първата е важен обхватът на разпространение на политическите идеи, докато за втората пъростепенна е бързината и точността. Тяхното обединяване върху плоскостта на идеология, която представлява система от постулати, развита от марксистката теория в ленинизъм и сталинизъм, става емблематично за страните от Източна Европа. Идеино-политическата пропаганда овладява информационната сфера, която получава схематична форма и съдържание. За това външната представа, която се изгражда по институционален път пред чуждата общественост не носи положителен знак. Тя е силно идеологизирана и поради това нереалистична. Така образът пред света, който се оформя с информациите за България, е наситен със сивота, еднообразие, без да предизвиква интерес. Незадоволителното състояние на българската пропаганда за чужбина е очевиден факт. В доклади на представители от управлението се споменава за причините, които водят до отрицателните резултати. На някои от тях ще се спрем по-подробно.

Директорът на печата Е. Стайков в обширно изложение от май 1951 г. разглежда ръководената от него държавната институция Дирекция на печата [3]. С правителствено постановление от 23 февруари 1950 г. тя се отделя от Министерство на външните работи и преминава към Министерския съвет. Въз основа на приетия акт започва вътрешно преустройство на ведомството. Водещият мотив в него е следствие от политиката на властта за цялостна съветизация, с която се въвежда в институцията модела на ТАСС и на Совинформбюро. Промените обхващат ръководството, организацията, методите на работа и кадрите. В резултат са обособени следните отдели в Дирекцията на печата: БТА, Вътрешна информация, Пресбюро и Българско

информационно бюро(БИБ).Задълженията са разпределени по редакции, които са общо петнадесет. Тенденцията е да се засили плановата и отчетната дейност, да се активизират редакционните колегии. Същевременно се формират авторски активи от външни сътрудници, привличат се нови кадри и се обръща внимание на тяхната идеологическа и професионална подготовка.

Е. Стайков изнася данни за продукцията на Дирекцията на печата, която се изразява в издаване на 22 бюлетина. От значение за нейната оценка са и чуждите позовавания на съобщенията. Така през второто тримесечие на 1951 г. телеграмите за чужбина на БТА са цитирани 234 пъти от различни телеграфни агенции, а само от ТАСС – 55 пъти. През 1950 г. БТА разширява обсега на приемането от чужбина. Редовно се следят телеграфните агенции на СССР и на страните с народна демокрация. При това ТАСС се прослушва от три приемника на различни вълни и езици, за да няма пропуски в текста. Нейните информации вече се превеждат от руски език, а не от английски език, както е била практиката. Въвежда се и контролна редакция т.е. сверяване на превода с оригинала, което по-рано не съществува [4].

Започва да се ползват информации и на други агенции: Sin Hua - Китай, The Associated Press - САЩ, ADN -Източна Германия, DPA - Западна Германия и др.

Българското информационно бюро има за цел да проследява материалите с антибългарската пропаганда в чужбина и аргументирано да ги отхвърля. В тази насока работи и редакция „Група коментатори” като нейните сътрудници пишат коментарии и статии с опровержение на враждебна кампания срещу България. През 1950 г. числото на публикациите е 162 , в които се включват и други въпроси.

Редакция „Информационни материали за чужбина” използва преди всичко външни сътрудници на брой 150 души. Тя подготвя за чужбина статии за социалистическото строителство, за помощта от Съветския съюз, за миролюбивата външна политика на правителството. Материалите на

редакцията, които се издават на български, френски, английски, руски и немски езици се изпращат до всички български легации и консулства в чужбина, на българските вестници, издавани в Америка, до редица агенции като Prague Press, Union Francaise и др.

За външния читател са предназначени издаваните от Българското информационно бюро на чужди езици вестници и списания „Свободна България”, „Free Bulgaria”, „La Bulgarie Novel”, които излизат на 15 дни и илюстрираното списание „България”. Многобройните писма, които се получават от капиталистическите страни, от Америка, Индия, Китай и др., както и препечатването на много материали от тях в прогресивните чужди вестници и списания свидетелства за интереса към тези издания. Неблагоприятно е, че са с ограничен тираж, само 4 000 екземпляра.

С цел да съдейства на българската пропаганда в чужбина и да опонира на антибългарската пропаганда работи и редакция „Информация за чужбина” при БТА. Преди същата редакция е водила само една емисия на френски език от 2 часа. През 1950 г се открива и руска емисия от 2 часа. Около 50% от продукцията на „Информация за чужбина” са разобличителни материали срещу управляващите в Югославия, Гърция и Турция [5].

В доклада си Е. Стайков отделя внимание на слабостите, които се допускат и имат негативно отражение. Журналистичестите, които работят в Дирекцията на печата в голямата си част са неподготвени в професионално отношение, защото преди назначението си те никога не са упражнявали журналистическа дейност. Не толкова липсата на практиката е съществено, колкото е важно да са добри специалисти по отделни проблеми и страни при анализа на различни международни въпроси. Голяма част от редакторите не могат да направят правилен подбор на материалите и да ги редактират. Болшинството от тях не са запознати с темите, по които работят. Преводачите не владеят достатъчно добре чуждите езици и често дават механични и буквални преводи.

Критика има и за бавния темп в работата на Дирекцията на печата, която трябва да осигури възможно най-бързо съобщение на текущите ежедневни външно-политически и вътрешно-политическите събития. Пропуски се забелязват и в точността на предаваните материали при цитати, имена и дати.

БТА не разполага с кадрови потенциал, за да създаде по-широко проследяване на емисиите на чужди езици от различни радиостанции. Прослушването на емисиите на английски, френски и немски езици почти е изоставено за сметка на прослушването на техните емисии на български, руски, сърбо-хърватски, гръцки и турски езици. Поради липса на достатъчно щатни места се намалява броят на английските и френските радиослушатели и преводачи, като се увеличава числото на сърбо-хърватските, гръцките и турските радиослушатели и преводачи, считайки, че балканският регион е особено важен за страната. Повечето от специалистите с чужди езици не знаят съответната чужда стенография, което им пречи в работата.

Директорът на БТА Илия Кюльовски прави подробен анализ на състоянието на телеграфната агенция, като отбелязва и негативите [6]. Сред тях е отсъствието на преки и редовни връзки със средите, на които тя изпраща своите издания в чужбина. Българските дипломатически представители бездействат и почти не информират агенцията за това как се приемат изпратените пропагандни материали по места и какви отзиви има за тях. Липсата на обратна връзка за получаване на сведения и препоръки извънредно затруднява изводите за провежданата пропагандна дейност.

Закъсненията в информацията за събития са постоянна практика, същите се съобщават на следния ден вече остарели. Техническата база за предаванията на емисиите на БТА за чужбина е ограничена. Те зависят изключително от телеграфо-пощенските станции и радиостанции в Костинброд, който е в околностите на столицата, но поради аварии често се провалят цели емисии [7].

Съдържанието на пропагандните материали е на ниско ниво, което се обяснява с неучастието на най-добрите кадри на българските журналисти,

публицисти, обществени и културни деятели. Друга слабост е липсата на диференцираност. Материалите се изготвят в един и същи вид и се размножават на различни езици за изпращане във всички страни. Недопустимо е изданията на БТА за чужбина да закъсняват с месеци. Причините са в полиграфическа база при държавната печатница, в която не е отделено специално място за тяхното отпечатване.

В доклад на външния министър Вл. Поптомов от 1 април 1952 г. обстоятелствено се разглежда българската пропаганда в чужбина, тъй като Министерството на външните работи е активен участник в реализирането ѝ [8]. Той отбелязва постигнатите успехи, но и недостатъците и слабостите, които са сериозни. Негативите се забелязват не само при разпространението, тесният обхват на осъществяваната пропаганда в чужбина, но и в съдържанието. При сравнение с другите народнодемократични страни България заема едно от последните места. Най-острият въпрос, който налага съответно преобразуване в тази област е централизирано ръководство на чуждата пропаганда. Външният министър счита за необходимо да се определи идейно-политически център, който да планира, до поставя задачи, да координира работата на всички организации, които се занимават с пропаганда в чужбина и да им дава конкретна насока във всяко време. Така може да се премахне стихийността в българската пропаганда за чужбина.

По сведения на БТА през 1951 г. са поместени 74 нейни информации в румънския печат, в полския 12, в унгарския 5, в чехословашкия 5. От издадените през годината от БИБ 560 статии, репортажи и други са публикувани само 140. По данни на отдел „Печат” при Министерство на външните работи, събрани от докладите на аташетата по печата при българските дипломатически мисии в чужбина, около 4-5% от тях са намерили място в чуждия печат [9].

Материалите, които подготвя БТА не са добри. Основният им недостатък се състои в това, че същите представляват еднотипен шаблон, въпреки че са предназначени за различни страни. Една статия се превежда на

съответните езици и се изпраща без оглед на особените условия, изисквания и вкусове на публиката. Служителите в БТА разбират, че еднаквостта на публикациите ги обезличава, а отсъствието на многообразие съобразно националната специфика е сред причините за лошото им разпространение зад граница. Журналистът Сл. Васев, културен съветник в българската дипломатическа мисия в Москва, отговаря на въпроса защо толкова малко от материалите на БТА намират място в съветския печат, като използва мнението на съветските редакции, че подобни циркулярни писма не представляват интерес за тях [10].

Липсата на сътрудничество между двете институции - БТА и Министерство на външните работи затруднява пропагандната дейност на БТА. Тя изпраща голямо количество материали и издания за чужбина, но отзвукът от тях остава неизвестен, не се знаят оценките от редакциите, от обществеността на съответната страна, какви са впечатленията за изданията на БТА, за нейните информации и съобщения. Наложително е връзката между легациите, Министерство на външните работи и БТА да бъде постоянна, ежедневна. За съжаление координация няма, в резултат на което БТА работи „в тъмнина”. Затова в публикациите преобладават общи фрази, нямат конкретност, която ги прави безцветни и скучни за чуждите читатели.

От съществено значение е да се определят ясно задачите, които трябва да изпълнява всяка организация, занимаваща се в една или друга форма с пропаганда в чужбина. Важно е общо съгласуване на работата, за да има целенасоченост, за да може усилията на националната пропаганда да са резултатни. Вл. Поптомов изразява мнение, че идейно-политическият център, който трябва да дава единна насока е само ЦК на БКП. Висшият партийен орган чрез своя Агитационно-пропаганден отдел осъществява ръководството и направлява с инструкции.

Външният министър предлага за водещ на българската пропаганда в чужбина да се определи една институция за централна, която да подготвя основната част от пропагандните материали. По своето публично положение

БТА е сред най-добре информирани за потребностите и изискванията на пропаганда в чужбина. В нейния състав трябва да се включат най-добрите кадри, които да съдействат за подготовка и издаване на сериозни и актуални публикации. В задълженията ѝ влиза да поддържа контакти с другите пропагандни организации, да информира ЦК на БКП и по-специално Агитпропа за състоянието на българската пропаганда в странство.

Практиката на политически близките на България държави в общи линии е следната. С пропагандата в чужбина в Съветския съюз се занимава ТАСС и по специално Совинформбюро, което подготвя материали, необходими за изпълнение на поставените цели. Совинформбюро има свои представители във всички важни страни, които участват в разпространение на пропагандни публикации. Тези квалифицирани кореспонденти информират постоянно ръководството на Совинформбюро за потребностите и изискванията на съветската пропаганда в дадена страна. По този начин се избягва всякакъв шаблон, което и осигурява успеха на пропагандата. В другите народнодемократични страни работата по задграничната пропаганда е съсредоточена и се направлява до голяма степен от Министерство на външните работи.

В България ролята на Совинформбюро играе БТА и по-специално БИБ. БИБ обаче няма свои представители в чужбина, което възпрепятства успеха на неговата работа. Оттук произтичат и причините за шаблонността в материалите на БИБ и непознаване на конкретните условия за пропаганда в дадена държава. Министерство на външните работи чрез дипломатическите мисии в странство, респективно чрез аташетата по печата могат да изпълняват и тези функции. Те обаче остават пасивни. В действителност се получава парадокс. Учреждението, което поема голяма част от пропагандата за чужбина, а именно БТА няма кореспонденти, а Министерство на външните работи, отдел „Печат”, което заема много малък дял в подготвянето на материали за външна пропаганда, има свои представители. БТА разполага само с двама кореспонденти – в Москва и Берлин.

Българската пропаганда в чужбина в началото на 50-те години на XX век изпитва сериозни затруднения, които произтичат от радикалната смяна на политическата система след 9 септември 1944 г.

Бележки

1. Чичовска В. Държавни културни институции в България (1944-1948). В: България 1300. Институции и държавна традиция. С., 1981. С. 460-461.
2. Марков Ст. Българските държавни институции в областта на печата (1898-1992) // В: Българско медиазнание, т. II, 1998. С. 126-130; Пак там, Денев П. 100 години БТА. С. 852-863.
3. Централен Държавен архив (ЦДА), ф. 214Б, оп.1, а.е.449, л. 7-17.
4. Пак там.
5. Пак там.
6. Пак там, ф. 214Б, оп. 1, а.е.168, л. 12-18.
7. Пак там.
8. Пак там, л. 1-12.
9. Пак там.
10. Пак там.

Румяна Тодорова (Република България)

Началото на дипломатическата кариера на Карло Луканов

Дипломатическата кариера на Карло Луканов започва през пролетта на 1954 г., когато след получаване на агреман от съветското правителство той е назначен за извънреден и пълномощен посланик на Народна република България в СССР и на 24 март връчва в Кремъл акредитивните си писма на председателя на Президиума на Върховния съвет на СССР Климент Ворошилов [1].

57-годишният К.Луканов е син на видния комунистически деец, съратник на Васил Коларов и Георги Димитров Тодор Луканов. Завършил право в Софийския университет през 1921 г., К.Луканов емигрира от България през 1927 г. и до 1944 г. живее в Съветския съюз с едногодишно прекъсване 1936-1937 г., когато участва в гражданската война в Испания. Член на БКП от 1917 г., в Москва Луканов работи в Задграничното бюро на

партията и в Коминтерна. Както се съобщава в представеното в МИД СУ, след 9 септември 1944 г. той заема редица важни държавни постове – директор на Радио София, председател на Държавната планова комисия, подпредседател на Министерския съвет. В момента на издигането на кандидатурата му за посланик Луканов е кандидат-член на ЦК на БКП [2].

Продължителното пребиваване в Москва и работата в партийните структури обуславят близостта на новия български посланик с представителите на висшето съветско партийно и държавно ръководство. Това обяснява “извънредната топлина”, с която В.Молотов и К.Ворошилов са посрещнали българския представител, както и думите на съветския външен министър, че Луканов може да се обръща към него и към неговите сътрудници “като комунист към комунист”, за което Луканов пише в доклада си до външния министър [3].

Като акредитиран пълномощен министър и във Финландия и посланик в Монголската народна република (и двата поста със седалище в Москва), на 3 юни 1954 г. Луканов връчва в Хелзинки акредитивните си писма на финландския президент, а на 8 юли в Улан Батор и на председателя на Президиума на Великия народен хурал на Монголия. Луканов подробно информира Министерството на външните работи за състоялите се срещи и разговори с представителите на съответните правителства. Във връзка с показанията от финландска страна интерес от засилване на дипломатическите връзки с България, Луканов отправя препоръка в Хелзинки да бъде открита българска дипломатическа мисия. При разговорите в Улан Батор пък се изяснява, че МНР не е в състояние да сключи в близко време исканото от България споразумение за стокообмен, тъй като целият ѝ експорт е насочен към СССР и Китай [4].

Задачите, които изпълняват дипломатическите представители най-общо са следните: да информират българското правителство за външната и вътрешна политика на страната, в която са акредитирани; да съдействат за осъществяване на двустранните отношения във всички области и да

защитават интересите на българската държава и нейните граждани на територията на страната домакин. По нареждане на Министерството на външните работи, дипломатите осъществяват контакти с дипломатическите представителства на други държави в съответната страна за разрешаване на въпроси от български интерес. Връзките с колеги от другите дипломатически мисии дават възможност да се поддържа и информираността на българското правителство по различни проблеми.

В духа на времето, работата в българското посолство в Москва през петдесетте години на миналия век (както и във всички български дипломатически мисии в чужбина) се извършва по план. Приемат се годишни, тримесечни и месечни планове на съответната мисия, на всяка служба и на всеки служител и се отчита изпълнението на тези планове. В изпратените до Министерството на външните работи месечни и годишни доклади се разкрива подробно извършената от посолството дейност в различните области.

Посолството в Москва информира за всички важни стъпки на съветското правителство във вътрешната и външна политика, подпомага осъществяването на икономическите връзки и усвояването на съветския опит, съдейства за реализирането на културния и научен обмен между България и Съветския съюз. Подобни са задълженията на Карло Луканов (макар и в по-малка степен) и във връзка с акредитацията му като представител на България във Финландия и в Монголската народна република.

Посолството съдейства активно при търговски преговори, особено когато те се водят в Москва. Така например, то интервенира пред МИД за улесняване на българо-съветските преговори през 1955 г. Преговорите за сключване на договора за стокообмен с Финландия в края на 1954 г. се провеждат в посолството, като посланик Луканов сам ръководи българската делегация. Финализирането на търговските преговори с Финландия през следващата година отново се извършва чрез българското посолство. Чрез

индийското посолство в Москва българското посолство договаря в края на декември 1954 г. продължение с една година на търговското съглашение между България и Индия, чийто срок изтича на 31 декември 1954 г. [5].

По поръчение на българското правителство, посланик К.Луканов продължава започнатите от предшественика му Стела Благоева сондажи чрез индийския посланик в Москва за установяване на редовни дипломатически отношения между България и Индия [6].

Работата с огромния контингент български студенти и аспиранти в СССР е важна част от дейността на българската дипломатическа мисия в Москва. На Министерството на културата (което се занимава със студентите в чужбина) редовно се изпращат сведения за успеха на студентите и аспирантите и за работата на техните землячества в различните градове. Отправя се критика на практиката Министерството на културата да иска от съветското Министерство на висшето образование промяна на специалностите на български студенти през месец октомври и дори декември, т.е. когато учебната година във ВУЗ-овете е вече започнала. Прави се предложение срокът на аспирантурата на българските аспиранти да се удължи с три месеца и да бъде месец декември вместо септември, тъй като през летните месеци е трудно да се организират защитите и на практика непрекъснато се правят постъпки за продължаване на срока [7].

Посолството подпомага реализирането на мащабния културен и научен обмен между България и СССР. Така например, по инициатива на посолството през 1955 г. се осъществява визита на съветски учени българисти от Института по славяноведение в България. Оказано е съдействие на делегацията български историци участващи в проведеното в Москва обсъждане със съветски учени на т. II на История на България, на делегацията от професори медици, гостуваща в съветската столица и др. [8].

Българското дипломатическо представителство в Москва подпомага организирането на гостуванията в съветската страна на видни български оперни певци и инструменталисти, на артисти и театрални деятели. Службата

по културните въпроси изпраща редовно доклади и информации за всички по-значителни събития в културния живот на СССР [9].

За осведомяване на съветската общественост по български въпроси посолството издава Информационен бюлетин, чийто тираж нараства от 450 екземпляра през 1954 г. на 600 през 1955 г. [10].

Документацията от посолството в Москва разкрива един интересен факт- липсват сведения за проведени неформални срещи и разговори на посланика със съветски политици, дипломати, партийни функционери и др. Тези неформални разговори са обичайна дипломатическа практика и са източник на ценни сведения, които допълват официалната информация. Карло Луканов признава, че посолството не извършва такава дипломатическа дейност свързана с правителството на СССР и неговите органи, поради което той не е в състояние да съобщи информация от съветски източник, която да съдържа непубликувани в печата сведения.

Луканов посочва, че все още не е изживяна изолационистката политика на дипломатите от народнодемократичните страни и че българските дипломати от посолството в Москва не осъществяват неформални контакти с дипломатите на капиталистическите държави в съветската столица. Българският посланик изтъква, че посолството не разполага и със средства за такава дипломатическа дейност. Луканов критикува външно министерство, че не информира своевременно посолството по актуалните въпроси на българската външна политика, което създава рискове при евентуални разговори с представители на капиталистическите съседи на България [11].

По инициатива на К.Луканов той е извикан на доклад във външно министерство в началото на 1956 г., за да бъде обсъдена работата на посолството и въпросът за възможностите за дипломатическа дейност и за начините, по които тя трябва да се води [12].

Партийните и правителствени промени в България след Априлския пленум на БКП през 1956 г. “изстрелват” Карло Луканов на поста министър на външните работи и той се разделя с посолството в Москва и с

дипломатическите акредитации в Хелзинки и Улан Батор. В продължение на шест години – от април 1956 г. до ноември 1962 г. Карло Луканов оглавява българското външнополитическо ведомство. Предвид ролята на СССР във външната политика на България, стажът на Луканов в посолството в Москва несъмнено се е оказал от голяма полза при последвалата кариера на външен министър.

Бележки

- ¹ Архив на Министерството на външните работи (АМВНР), оп. 6 п, а.е.1049, л.1-2.
- ² Пак там, оп. 2 ш, а.е.451, л.4.
- ³ Пак там, оп. 8 п, а.е.237, л.1.4.
- 4 Пак там, оп.6 п, а.е.942, л.4-11, 24-33; а.е. 1052, л.1; оп.7 п, а.е 382, л.1-2..
5. АМВНР, оп. 6 п, а.е. 944, л.54; оп. 7п, а.е. 708, л. 5; а.е. 712, л.1
6. Пак там, оп. 6 п, а.е. 944, л.54.
7. Пак там, оп. 7 п, а.е. 712, л.5-7.
8. Пак там, оп. 8 п, а.е. 754, л.10-12.
9. Пак там, оп. 7п, а.е. 712, л. 10-11.
10. Пак там, оп. 8 п, а.е. 754, л.16.
11. Пак там, оп. 8 п, а.е. 747, л.3-4.
- 12.Пак там, оп. 8 , а.е. 753, л. 1.

В.А. Круглов (г. Владикавказ)

Культурное сотрудничество между Северной Осетией и Болгарией в 60-е–70-е гг. XX в.

Связи Северной Осетии с Болгарией начались еще в 1950-е гг., прежде всего по производственной линии. Затем они расширились, охватив не только производственную, но и культурную сферу.

В начале 1960-х гг. получили развитие и организационные формы двусторонних связей. В сентябре 1962 г. было создано Ордженикидзенское городское, а затем и республиканское отделение «Общества советско-болгарской дружбы», коллективными членами которого могли стать все организации трудящихся [1].

В соответствии с уставом, организации общества должны были знакомить широкие массы трудящихся с жизнью и успехами болгарского народа, с его историей, национальной культурой и бытом.

В свою очередь общество популяризировало в Болгарии достижения народов СССР в хозяйственном и культурном строительстве, поддерживало тесные связи с Всенародным комитетом болгаро-советской дружбы, которое проводило в Болгарии деятельность по укреплению болгаро-советской дружбы, взаимный обмен опытом и другими мероприятиями, способствовавшие успешному развитию деятельности обеих общественных организаций.

С созданием республиканского и городского отделений общества связи между Северной Осетией и Кырджалийским округом Болгарии поднялись на новый уровень, охватили не только производственную, но и другие сферы общественной жизни.

В 1962 г. Северная Осетия и Кырджалийский округ впервые обменялись делегациями. С этого времени это стало традицией.

Следует отметить установление дружеских контактов между редакциями газет «Новая жизнь», «Социалистическая Осетия» и «Растзинад». Кроме обмена газетами и корреспонденцией, на страницах газет появились постоянные рубрики: «Наши друзья», «Друг наш, Болгария», «Друзья далекие - близкие», «Из братской Северо-Осетинской АССР». Печатались отдельные статьи, очерки, репортажи и другие материалы.

Завязались творческие связи между союзом писателей Северной Осетии и литературными деятелями Кырджалийского округа. Осетинский писатель Василий Цаголов написал роман о совместной борьбе осетин в составе русской армии и болгар за освобождение Болгарии от османского ига во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [2]. Автор посетил Болгарию и округ, прошел по следам боевого пути своих героев от легендарной Шипки до пограничного села Плевун Кырджалийского округа.

Жители округа с интересом встретили на экранах документальные фильмы, присланные из Ордженикидзе, где рассказывалось о хозяйственном и культурном строительстве Северной Осетии, культуре и искусстве.

В округе в гостях побывал ансамбль песни и пляски Управления профессионально-технического образования.

Высокое художественное исполнение осетинских народных песен и танцев надолго осталось в памяти жителей городов Кырджали, Крумовграда, Момчилграда [3].

Хотелось бы сказать и о творческом сотрудничестве театральных деятелей.

Интерес к Болгарии и её искусству проявился раньше всего у коллектива Северо-Осетинского театра, где ставилась пьеса «Тревога» Васильева и «В одну осеннюю ночь» Пейчева. Главный режиссер театра Г. Хугаев вел систематическую переписку с болгарскими коллегами, своими бывшими однокурсниками.

По их рекомендации была выбрана к постановке пьеса Кюлявкова «Первый удар» о Лейпцигском процессе и Георгии Димитрове. Этим спектаклем театр принял участие в фестивале болгарской драматургии, который происходил в нашей стране в сезон 1968/69гг.

Спектакль «Первый удар» был удостоен участия на заключительном туре смотра и награжден дипломом I степени, а его постановщик – I премии, исполнитель Димитрова М. Икаев – поездкой в Болгарию.

Интересной и плодотворной была поездка народной артистки России Т.Каргиновой в город Велико Тырново, где она вместе с художником Т.Гагловым поставила к 100-летию со дня рождения Ленина спектакль «Семья» Попова.

Также плодотворной была работа осетинской труппы республиканского театра кукол над пьесой П. Пангева « Четыре близнеца» [4].

За этот спектакль театр был удостоен почетной грамоты Министерства культуры СССР и благодарности министра культуры Болгарии. Режиссер-

постановщик М.Гаев и художник М.Хетагуров награждены почетными дипломами, а актеры З.Хугаева, В.Гамаонов, и Т.Тебиев – почетными грамотами Министерства культуры СССР – по итогам фестиваля болгарской драматургии [5].

Успешной была поездка в 1968 году в Болгарию коллектива народного танца Северной Осетии на Всемирный фестиваль молодежи, где весь коллектив и два его участника были удостоены золотых медалей.

Ещё больше укрепилась связи северной Осетии с Кырджалийским округом Болгарии в 1970-е гг. Особо следует отметить связи молодежных организаций двух стран. В этот период стало характерно расширения географии сотрудничества и углубления связей на различных уровнях, рост числа организаций, осуществлявших его. В 70^е годы тесные контакты с комсомольскими организациями Северной Осетии поддерживали в городских, в районных и 45 первичных комсомольских организаций Кырджалийского округа. В СССР и Болгарии на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах, учебных заведениях широкое распространение получили клубы интернациональной дружбы. Они проводили разнообразную работу, вели активную переписку между собой, устраивали в трудовых коллективах и учебных заведениях комнаты и уголки советско-болгарской дружбы, проводили встречи с теми, кто побывал на болгарской земле.

В Северной Осетии и Кырджалийском округе придавали большое значение знакомству с творческими достижениями молодых деятелей литературы и искусства.

В 1981 г. редакцией болгарской газеты «Нов живот» был подготовлен сборник стихов молодых осетинских поэтов, а в 1972 г. в Кырджали экспонировалась большая выставка осетинских художников, в которой наряду с художниками старшего поколения, было представлено творчество молодых художников.

Наконец, важной массовой формой сотрудничества в 1970-е годы был международный молодежный туризм. В нем также принимала участие молодежь Северной Осетии и Кырджалийского округа, систематически обменивавшиеся молодежными делегациями. В составе туристических делегаций были передовики производства и комсомольские активисты, которые знакомились с достопримечательностями, посещали промышленные и сельскохозяйственные предприятия, учебные заведения.

Таким образом, сотрудничество Северной Осетии и Кырджалийского округа Болгарии явилось важным вкладом в развитие советско-болгарских культурных отношений на региональном уровне.

Примечания

1. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А) Ф.813, оп.1, д.524, л.2.
2. Социалистическая Осетия. 10.09.1968г.
3. Там же.
4. ЦГА РСО-А. Ф.813, оп.1, д.524, л.2.
5. Нов живот. 07.11.1974 г.

С.В. Павловский (г. Краснодар)

Болгарские метаморфозы и НАТО

Среди стран Юго-Восточной Европы небольшая страна Болгария занимает особое место. Пережив длительный трагический период османского господства, преодолев трудности восстановления национальной государственности, пройдя через две национальные катастрофы в периоды мировых войн, болгарский народ вместе с группой стран Центральной и Восточной Европы, принял как политическое устройство государственный социализм и тесное взаимодействие на международной арене с Советским Союзом. В послевоенный период с 1945 по 1990 гг. Болгария совершила впечатляющий цивилизационный рывок, создав достаточно мощную индустриальную базу, эффективное сельское хозяйство, современную

культурную и духовную инфраструктуру, что позволило 9-миллионному населению страны преодолеть бедность и беспросветность [1].

В ходе «бархатных революций» начала 90-х г. XX в. в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, захвативших в свою орбиту Болгарию, произошли глубокие изменения в политической и экономической системах. В Болгарии объявлено начало перехода к либеральному демократическому политическому устройству и рыночной экономике, основанной на частной собственности основных средств производства. Это открыло дорогу целой серии социально-экономических и политических метаморфоз во внутренней и внешней политике этой небольшой балканской стране.

10 ноября 1989 г. в Болгарии начались глубокие экономические и политические реформы. С 15 ноября 1990 г. страна называется Республикой Болгария. 2 апреля 2004 г. Болгария вошла в НАТО, а 1 января 2007 г. — в Евросоюз. Постсоветскими президентами Болгарии были Пётр Младенов, Желю Желев, Пётр Стоянов, Георгий Пырванов. В середине 1990-х гг. у власти были социалисты.

В 2001—2005 гг. премьер-министром Болгарии был бывший царь Симеон II (Симеон Сакскобургготский), возглавляющий собственную партию. 17 августа 2005 г. начало свою работу новое правительство Республики Болгария, образованное на основе трехпартийной коалиции – КБ (Коалиция для Болгарии), НДСВ (Национальное движение Симеон Второй) и ДПС (Движение о правах и свободах).

С августа 2005г. по июль 2009 г. у власти находилось коалиционное правительство во главе с социалистом Сергеем Станишевым. В состав кабинета Станишева также входили представители партии Симеона Сакскобургготского. На парламентских выборах 2009 г. и социалисты и либералы Симеона потерпели серьёзное поражение. Большинство мест завоевала новая партия «ГЕРБ», возглавляемая харизматичным Бойко Борисовым. Эта партия хотя и является достаточно популистской в своей риторике, но, по сути, её идеология — радикальный либерализм. «ГЕРБ»

выступает за европейский выбор для Болгарии и дальнейшее её участие в евро-атлантическом сотрудничестве. 27 июля 2009 г. кабинет под руководством Бойко Борисова приступил к своим обязанностям.

Наиболее поразительным в современной политической метаморфозе Болгарии является ее вступление в НАТО и та геополитическая роль, которую ей уготовливают, с одной стороны пришедшая к власти новая либеральная политическая элита, а, с другой главный режиссер новой геополитики в черноморском регионе – Соединенные Штаты Америки.

В связи со сказанным следует подчеркнуть, что новая стратегия США заключается в переосмыслении роли Черного моря как своеобразных «геополитических ворот» в доступе к трем континентам и Ближнему Востоку. Как известно, через Черное море европейский регион стратегически смыкается с Центральной Азией, Кавказом и Ближним Востоком, районами добычи углеводородов и транзита [2]. До распада Варшавского договора в 1989 г. Черное море было, в основном, вне досягаемости НАТО. До 1991 г. только четыре государства имели черноморскую границу: Болгария, Румыния, Турция и Советский Союз. Турция в качестве одного из ключевых государств-членов НАТО была единственным западным плацдармом в этом регионе. За 18 лет ситуация в этом регионе изменилась, и сейчас возник новейший вариант Восточного вопроса и разгорается новая борьба за контроль над Черноморским регионом.

Составной частью этого процесса является вступление Болгарии в НАТО 2 апреля 2004 г., дата, которая не только была отмечена грандиозными торжествами, но и объявлена национальным праздником, по значимости равным заключению Сан-Стефанского мирного договора 3 марта 1878 г.[3]. Парадоксальность ситуации заключается в том, что популярность НАТО в Болгарии велика. Не будет преувеличением сказать, что поддержка членства в НАТО и Европейском союзе среди болгар достигает наивысшей точки среди всех государств, готовящихся к вступлению в Атлантический альянс.

Это особенно симптоматично, учитывая тесные в недалеком прошлом исторические связи Болгарии с Россией.

В ходе недавнего голосования в болгарском парламенте против вступления страны в НАТО высказались лишь 4 депутата из 230. Положительное отношение к западному союзу настолько сильно, что за этот шаг проголосовали даже бывшие коммунисты. Последний проведенный в Болгарии опрос показал, что членство в НАТО поддерживает 69% , а в отношении членства в Евросоюзе поддержка населения еще выше – 80%.

Конечно, для России подобное течение событий далеко не благоприятно, тем более, что Болгарии в этом новом раскладе сил и интересов отводится особая роль. Известный индийский комментатор Преман Адди считает, что «петля НАТО затягивается все туже вокруг российской шеи. Американские военные и ракетные базы вольготно расположились уже в Румынии и Болгарии (оба государства уже однажды использовались Третьим рейхом Адольфа Гитлера для вторжения нацистских легионов в СССР) в попытке задушить возможное появление соперничающего центра силы на Черном море» [4]. Именно военно-стратегическое присутствие в Болгарии предоставляет США и их союзникам сохранять возрастающий контроль над страной и Большим Ближним Востоком, поскольку Вашингтон в настоящее время уже имеет военное присутствие на юге (американский 5-й флот базируется в Бахрейне), плюс к этому он уже имеет базу на севере Болгарии. (См.: «The Power and Interest News Report», 29 августа, 2007) [5].

Эксперты считают, что основной упор в кампании Пентагона по завоеванию черноморского региона, и, возможно, основным координационным центром для его международного сдвига на восток и юг приходится на Болгарию и Румынию. Оба государства были официально приняты в НАТО в Стамбуле в 2004 г. на саммите альянса. Болгария официально согласилась предоставить силам НАТО право пользоваться пятью военными базами, расположенными на ее территории. Об этом договорились министр обороны Болгарии Николай Свиначев и

командующий войсками Североатлантического альянса в Европе американский генерал Джеймс Джонс. В пользование НАТО будут переданы два аэродрома «Безинер», «Граф Игнатъев», сухопутный полигон Ново Село, морской порт Бургас и одна военно-морская база. Особое значение Пентагон придает сухопутному полигону в местечке Ново Село, на котором США разрешено размещать от 5 до 10 тыс. военнослужащих на ротационной или постоянной основе, и должна вестись подготовка американских «командос» для выполнения специальных операций [6].

В первый раз в истории Болгарии, иностранным войскам было разрешено размещение на ее территории после того, как силы нацистского вермахта были изгнаны в 1944 г. Эти три объекта становятся первыми американскими военными базами на территории бывшего союзника СССР по Варшавскому Договору.

В июле 2006 г. США провели совместные военные учения в Болгарии, о которых глава местных войск высказался: «Мы хотим быть сертифицированы в рамках сил НАТО. Мы хотим провести экспедиционные учения в рамках НАТО» (Stars and Stripes, 22 июля, 2006). В отчете об этих учениях газета вооруженных сил США дала следующую информацию: «В соответствии с соглашениями, США могли бы использовать румынские и болгарские базы для предварительного размещения оборудования, а также для отправки американских войск и техники на войну, если необходимо. В сообщении вооруженных сил США, озаглавленном «Английские летчики направляются на учения НАТО в Болгарии», было сообщено, что британская «эскадрилья планирует огневые испытания оружия с лазерным наведением и общего назначения в пределах Болгарии, а также проведут воздушную тренировку с болгарскими самолетами МиГ-29 и -21 в военных учениях под кодовым названием «Упражнение немедленного ответа». («Stars and Stripes», 13 июля, 2006 г.) [7].

Стремление болгарской правящей элиты как можно быстрее интегрироваться в военные структуры НАТО выразилось также в желании разместить на своей территории элементы противоракетной обороны США. Объявленные США в конце 2006 г. планы размещения элементов ПРО в Европе (перехватчики в Польше и радар в Чехии) вызвали широкую дискуссию в обществе. Как подчеркнул болгарский военный эксперт, генерал Калчо Танев, Болгария рассматривает эти планы в контексте общих усилий Альянса, предпринятых в рамках создания НАТОвской системы ПРО. Позиция Болгарии основывается на принятом в НАТО принципе неделимости обороны и безопасности государств-членов. Именно поэтому Болгария поддерживает такой подход к созданию противоракетного щита, который обеспечит в одинаковой степени защиту всех союзников и который будет базироваться на прозрачности и максимальном диалоге с Россией. А это приведет к усилению совместной безопасности и позволит избежать любого дестабилизирующего воздействия на существующие взаимоотношения. К. Танев считает, что подобный подход позволит обеспечить адекватный ответ на нарастающие угрозы развития и распространения ракетных технологий, сопровождаемые распространением оружия массового уничтожения, региональных конфликтов, терроризмом и нестабильными государствами [8].

Серьезность и неотложность этой угрозы, воспринимаемой в России, были такими, что генерал Владимир Шаманов, советник российского министра обороны, заявил о том, «мы перенацелим наши ракеты на американские военные объекты в Болгарии и Румынии». (Standart News, 6 июня, 2007). Усилило российское заявление о том, что министры обороны НАТО согласились, чтобы начать процедуру включения системы противоракетной обороны ближнего радиуса действия в Восточной Европе, которая по американскому предложению также включит в себя и Болгарию.

В октябре 2007 г. США провели на авиабазе «Граф Игнатьев» воздушные боевые учения «Родопское копьё 2007», где американские F-16

получили возможность попрактиковаться в учебных боях с болгарскими МиГ-29S российского производства. Ранее в этом году эсминец США San Jacinto встал на стоянку в болгарском черноморском порту Варна. Аналогичные боевые воздушные учения были проведены в Румынии, и в обеих странах американским военным самолетам предоставлялась возможность проверить свои способности против самолетов российского производства.

Болгария и Румыния, являясь членами НАТО, в течение последних 5 лет посылали свои воинские контингенты на Балканы, в Афганистан и Ирак, и войска несли потери. Хотя во время холодной войны ни в одной из этих двух стран не дислоцировались советские войска или базы Варшавского договора, они очутились на передовой будущих войн в черноморском регионе, подобных войне между Грузией и Россией в августе 2008 г., Румынский президент Траян Бэеску заявил в августе 2008 г.: «Румыния несет ответственность за защиту границ ЕС, НАТО... румынский флот несет ответственность от имени ЕС и союзных стран».

Румыния и Болгария будут в этом участвовать. Это — одна из решающих причин, почему обе страны поглощены альянсом. Им обоим может быть отдан приказ об интервенционистском вторжении в бывшую Югославию — Косово и Боснию, — если их боссы в Вашингтоне и Брюсселе пожелают этого. Они обе вовлечены в транзит войск и материалов для войны в Афганистане и оккупации Ирака. В течение последних двух лет неоднократно упоминалось, что болгарские, ныне совместные американо-болгарские авиабазы, возможно, могут использоваться для атаки на Иран.

Таким образом, современное буржуазно-либеральное руководство Болгарии вместе с союзной ей Румынией способствовали тому, что Черное море было включено в оперативную зону Статьи 5 НАТО (коллективная защита), где возможна активация Комбинированной Объединенной Целевой группы, т.е. готовых к оперативному развертыванию, многонациональных, многофункциональных сил с соответствующими воздушной и военно-

морской компонентами. К этому следует добавить, что аналогии в истории не всегда уместны, но, существует такая объективная реальность, как историческая память, которая должна напоминать благоразумным кругам болгарского общества о двух национальных трагедиях Болгарии, произошедшими в результате того, что ее правящие круги дважды в XX в. связали свои интересы с интересами Запада, и чем это закончилось для их страны. Втягиваясь в геополитические игры США и их союзников, не обманет ли себя Болгария в третий раз и станут ли последствия этого самообмана еще более трагичными, чем это случилось в предшествующей истории?

Примечания

1. Ганчев П. Болгария – древняя и современная, устремленная в будущее // <http://www.bulgaria.by/rus/download/56/BG.rtf> (22.07.2009)
2. Рик Р. Черное море: врата Пентагона к трем континентам и на Ближний Восток // <http://rodon.org/polit-090304145306> (8.08.2009)
3. Болгария становится членом НАТО // <http://www.voanews.com/russian/news/a> (25.07.2009)
4. Рик Р. Черное море: врата Пентагона к трем континентам и на Ближний Восток // <http://rodon.org/polit-090304145306> (8.08.2009)
5. Военные базы в Болгарии // <http://palm.newsru.com/world/24apr2006/airbase.html> (12.08.09.)
6. Рик Р. Черное море: врата Пентагона к трем континентам и на Ближний Восток // <http://rodon.org/polit-090304145306> (8.08.2009)
7. Там же.
8. Танев К.: Членство в Альянсе — своеобразный сертификат безопасности для инвесторов // <http://www.day.kiev.ua/186618/>

Алексеев ВН. (г. Краснодар)

К вопросу об итогах всеобщих выборов в Народное Собрание Болгарии 5 июля 2009 г.

5 июля 2009 г. в Болгарии прошли всеобщие выборы в Народное Собрание – однопалатный национальный парламент. На этих выборах прежнее правительство тройственной левоцентристской коалиции Болгарской социалистической партии (БСП), Национального движения за стабильность и прогресс (прежнее название «Национальное движение

Симеон Второй», НДСВ) и этнического турецкого Движения за права и свободы (ДПС) потерпело поражение. Важной частью политического курса коалиционного правительства Сергея Станишева (БСП) было сотрудничество с Россией в различных сферах и, прежде всего, в развитии крупных и стратегически важных совместных энергетических проектов – АЭС «Белене», нефтепровода Бургас-Александруполис и болгарского участка газопровода «Южный поток».

Окончательные итоги выборов в 41-е Народное Собрание, официально объявленные ЦИК Болгарии, выглядят следующим образом. Всего за 240 депутатских мандатов парламента Болгарии состязалось 20 зарегистрированных партий, коалиций и инициативных комитетов; по недавно введенным правилам, 209 депутатов избиралось путем пропорционального (по партийным спискам), а 31 депутат – путем мажоритарного голосования. При общем числе в 7.129.965 зарегистрированных избирателей, на голосовании за кандидатские списки было подано 4.226.194 признанных действительными голоса. Установленный законом 4-х процентный барьер прохождения в парламент преодолели шесть партий и объединений. При пропорциональном голосовании оппозиционная право-популистская партия «Граждане за европейское развитие Болгарии» (ГЕРБ), фактически возглавляемая софийским кметом (градоначальником) Бойко Борисовым, набрала 39,72% голосов, левая «Коалиция за Болгарию» (с ядром в виде БСП) – 17,70%, ДПС – 14,45%, ультраправая «Атака» – 9,36%, либеральная «Синяя коалиция» – 6,76%, новая консервативно-популистская партия «Порядок, законность и справедливость» (РСЗ) – 4,13% голосов избирателей. Немного не дотянула до прохождения в парламент партия «Лидер», набравшая 3,26% голосов. Наконец, совсем недавно влиятельнейшая политическая сила в Болгарии партия НДСВ, получила всего 3,02% голосов. Каждая из остальных партий, принявших участие в выборах, набрала менее 1% голосов. Из 31 мандата, распределявшегося мажоритарным голосованием, 26 выиграл ГЕРБ и 5 – ДПС (естественно, в

районах с преобладающим турецким населением). С учетом результатов мажоритарного голосования, 240 депутатских мандатов Народного Собрания следующего созыва распределились так: ГЕРБ – 116 мандатов, «Коалиция за Болгарию» – 40, ДПС – 38, «Атака» – 21, «Синяя коалиция» – 15, РЗС – 10 мандатов [1].

Итог парламентских выборов в Болгарии четко персонифицировался в лицах двух людей, главного победителя и главного проигравшего, следующего и прежнего министров-председателей – Бойко Борисова и Сергея Станишева. Вечером 5 июля 2009 г. стало ясно, что следующее 50-е правительство Болгарии сформирует 50-летний кмет Софии Борисов, бывший пожарный, каратист, телохранитель и полицейский генерал, политик с огромными мускулами и амбициями, в свое время защитивший диссертацию о психологической подготовке членов противопожарных команд. Вряд ли кто-то в Болгарии высоко оценивает интеллектуальные способности следующего министра-председателя, однако навряд ли также кто-то может теперь усомниться в его бойцовских качествах, сильной харизме лидера с твердой рукой и волей к победе [2]. Выступая после оглашения предварительных результатов выборов, Бойко Борисов сказал, что после выраженной его партией поддержки такого большого числа болгарских избирателей он не имеет морального права не возглавить лично следующее правительство страны. Тем самым он официально отверг обсуждавшуюся до этого момента в СМИ возможность приглашения на премьерский пост стороннего эксперта, который мог бы возглавить правительственную команду ГЕРБ [3].

Главным приоритетом своего правительства Б. Борисов вновь назвал борьбу с коррупцией и наведение порядка в стране. А видный представитель ГЕРБ Николай Младенов, бывший евродепутат, которого СМИ прочат на пост министра иностранных дел, заявил на Болгарском национальном телевидении 10 июля 2009 г., что при новом правительстве Болгария пересмотрит свои отношения с Россией, однако «без воздействия комплексов

любви или ненависти». Также Н. Младенов отметил, что в сфере внешней политики приоритетом Болгарии станет участие в борьбе с трансграничной преступностью в Черноморско-Балканском регионе. Политик от ГЕРБ пообещал и коренной пересмотр отношения внешнеполитического ведомства Болгарии к проблеме защиты прав болгар за рубежом, включая районы компактного проживания болгарских общин на Украине и в Молдавии [4].

10 июля 2009 г. пресс-центр ГЕРБ распространил текст отправленного Б. Борисовым письма к уходящему министру экономики и энергетики Болгарии Петру Димитрову с предписанием остановить все переговоры о заключении нового договора по поставкам природного газа из России в Болгарию, о строительстве болгарского участка магистрального газопровода «Южный поток» и АЭС «Белене», а также подготовку государственного Болгарского энергетического холдинга (БЕХ) к участию в проекте строительства ТЭЦ в столице Македонии Скопье. Кроме того, в письме было сказано о необходимости введения запрета на все крупные сделки по продаже и покупке материальных активов и на заключение новых лизинговых кредитных договоров, как и о прекращении процедуры эмиссии облигационного займа БЕХ на сумму в 100 млн. евро. О выполнении этого предписания Б. Борисов потребовал сообщить ему в трехдневный срок. В ответ министр П.Димитров высказал удивление по поводу идеи прекращения переговоров с «Газпромом» о поставках газа в Болгарию, которая выглядит несвоевременной из-за наличия действующих до конца 2010 и 2011 гг. контрактов. Также П.Димитров обвинил ГЕРБ в «антиболгарском» намерении раздробить созданный осенью 2008 г. БЕХ, включающий в себя АЭС «Козлодуй», Национальную электрическую компанию (НЕК), «Булгаргаз», ТЭЦ Марица-Исток-2 и угольные шахты Марица-Исток. В штабе ГЕРБ, однако, опровергли предположение о готовящемся раздроблении БЕХ. 13 июля евродепутат от ГЕРБ Владимир Уручев заявил, что размеры злоупотреблений в сфере энергетики, в частности, при расчистке строительной площадки АЭС «Белене» от прежних сооружений (стройку там

начинали еще советские специалисты), составили сотни миллионов левов. По его данным, на расчистку площадки было потрачено свыше 500 млн. левов, хотя достаточная для этого сумма составляла 250 млн. левов.

Послание лидера ГЕРБ к министру экономики и энергетики старого правительства, фактически означающее остановку и начало свертывания новым болгарским руководством совместных энергетических проектов России и Болгарии, в штабе Б. Борисова объясняют соображениями строгой экономии государственных средств в условиях мирового кризиса, а также необходимостью детального изучения всех названных проектов экспертами нового правительства. Замораживание проектов было названо временным, однако пока никто с болгарской стороны не берется сообщить сроки, когда проекты могут быть запущены вновь. При этом бросается в глаза то, что в списке крупных энергетических проектов, намеченных Б. Борисовым к замораживанию, отсутствует газопровод NABUCCO, детище Евросоюза и конкурент «Южного потока». Б. Борисов заявил, что уходящий премьер С. Станишев сообщил ему о своем намерении от имени Болгарии поставить подпись под межправительственным соглашением по NABUCCO 13 июля 2009 г. в Анкаре и что он, Б. Борисов, полностью одобрил предстоявшее событие. По злой иронии судьбы, последним действием на международной арене уходящего правительства С. Станишева, которое активно продвигало российско-болгарские энергетические проекты, стало именно подписание соглашения по европейскому NABUCCO [5].

Многие месяцы государственные чиновники, поставщики энергоносителей и независимые аналитики России хранили спокойную и гордую уверенность в том, что видимое отсутствие свободных объемов газа для заполнения трубы NABUCCO делает этот проект заведомо не выдерживающим конкуренции с «Южным потоком». При этом, совершенно упускалось из виду, что политически мотивированная полная блокировка этого маршрута поставки российского газа в Юго-Восточную и Центральную Европу на одном из его участков (которым, по всей видимости, становится

Болгария) может сразу же резко повысить интерес стран-поставщиков, транзитеров и потребителей «голубого топлива» к альтернативным трассам. И тогда внезапный рост конкурентоспособности NABUCCO, в том числе за счет не берущихся ныне в расчет факторов, сможет неприятно удивить Москву. Поэтому не стоит спешить присоединяться к только что озвученным многими российскими экспертами и официозными СМИ суждениям об эфемерности подписанного 13 июля 2009 г. в Анкаре межправительственного соглашения по NABUCCO. Болгария же при новом правительстве однозначно становится самым слабым звеном в планах энергетической стратегии России на этом направлении. И России придется изыскивать дополнительные политические, экономические, интеллектуальные, быть может, кадровые ресурсы для преодоления связанных с этим рисков.

Реакция России на события в Болгарии насчет сотрудничества в энергетической сфере не заставила себя долго ждать. На встрече В.В. Путина и Б. Борисова в Гданьске 1 сентября 2009 г., со стороны российского премьера прозвучала официальная позиция Москвы. В.В. Путин не исключал отказа РФ от реализации совместных с Болгарией энергетических проектов в случае выхода из них болгарской стороны. «Единственное, о чем мы просим, – это определиться как можно быстрее», – обратился В.В. Путин к своему болгарскому коллеге [6].

В частности, В.В. Путин отметил, что проект трубопровода Бургас-Александрополис обсуждается уже около семи лет, «а делов-то – всего 280 км». В этой связи он напомнил, что за прошедшие два года РФ удалось построить трубопроводную систему от Восточной Сибири до китайской границы протяженностью около 1,5 тыс. км, а в ближайшее время нефтепровод протянется и до Тихого океана, то есть еще на 2 тыс. км. «Скажите нам «нет», и все – закроем тему. Так же, как и по другим проектам», – добавил российский премьер [7].

По словам болгарского премьера, в реализации проекта строительства нефтепровода Бургас-Александрополис есть «одна-единственная проблема»,

связанная с проведением референдума по вопросам экологической безопасности данного проекта. Б.Борисов заверил В.Путина в том, что готов работать в этом направлении совместно с РФ и выступать надежным партнером российской стороны. «Но мы обязаны ознакомиться с положением дел в деталях», – добавил глава болгарского правительства. В то же время он подчеркнул, что руководство страны будет продолжать политику превращения Болгарии в крупный энергетический центр. Касаясь темы создания АЭС «Белене» Б.Борисов отметил, что новое правительство Болгарии пока не ознакомилось с договоренностями с РФ по этому поводу, но изучит вопрос в течение одного месяца. В свою очередь В.Путин заверил, что РФ с пониманием относится к необходимости изучения материалов по АЭС «Белене» новым кабинетом министров Болгарии. Кроме того, В.Путин подчеркнул, что многие из проектов, которые в последнее время Россия реализует в Европе, служат, в том числе, и усилению роли Болгарии в энергетических процессах в регионе.

Таким образом, партия ГЕРБ Бойко Борисова пришла к власти в Болгарии на волне народного раздражения и усталости от прегрешений и ошибок социалистов и их союзников, воздействие которых усугублялось явно пристрастным отношением к Софии брюссельских евробюрократов и мировым экономическим кризисом. Главными лозунгами партии Б. Борисова стали обещания навести в стране порядок, исправить ошибки и наказать проступки БСП и ДПС; т.е. возместить тот «ущерб», который принесла Болгарии прежняя власть. Иными словами, наследие правительства Станишева будет подвергнуто внимательной инвентаризации и деконструкции со стороны новой власти. К власти в Болгарии пришел блок правых сил, а партии дружественной России левоцентристской коалиции перешли в оппозиционный лагерь. Крупнейшие энергетические проекты, совместно реализуемые РФ и Болгарией – строительство нефтепровода Бургас-Александруполис, газопровода «Южный поток» и проект создания АЭС «Белене» теперь находятся в подвешенном состоянии.

Примечания

1. На выборах в парламент Болгарии победил Борисов – официальные итоги // <http://www.rian.ru/world/20090706/176468092.htm>
2. Каширин В. Болгария пересмотрит свои отношения с Россией, Украиной и Молдавией // <http://www.regnum.ru/news/1186107.html>
3. <http://www.mediapool.bg/> (Mediapool. 6.7.2009)
4. Там же.
5. Там же
6. В.Путин попросил Болгарию определиться с проектами в энергетике // <http://top.rbc.ru/politics/01/09/2009/326224.shtml>
7. Там же.

Н.Н. Косач (г. Краснодар)

Интеграция России и Беларуси (90-е гг. XX в – начало XXI в.)

Ряд глобальных изменений, произошедших в конце двадцатого века, существенно повлиял на геополитическую и геоэкономическую ситуацию в мире. Распад Советского Союза, крупнейшего государства в мире, и утрата им территориальной целостности значительно отразился на геополитических и геоэкономических процессах. Необходимость восстановления разрушенных между бывшими республиками некогда единого государства производственных связей явилась важнейшим посылом образования Союзного государства на основе перехода к рыночной модели экономического сотрудничества [1]. Также в основе объединения Беларуси и России лежат общие духовные истоки, принадлежность к единой культуре, родственные и дружественные связи двух народов.

В условиях обострения конкуренции на мировых рынках, бывшие союзные республики вынуждены объединяться по географическому принципу, расширять и углублять технологические и производственные связи, совместно использовать ресурсы, объединять капиталы, создавать друг другу благоприятные условия осуществления экономической деятельности.

Республика Беларусь и Российская Федерация, как и другие страны Содружества Независимых Государств, имеют давно сложившиеся и

налаженные связи. Основные направления развития белорусско-российских отношений определены Договором о создании Союзного государства, который был подписан 2 апреля 1997 г. на базе Сообщества Белоруссии и России, созданного ранее (2 апреля 1996 г.) для объединения гуманитарного, экономического и военного пространства. 25 декабря 1998 г. был подписан ряд соглашений, позволявших провести более тесную интеграцию в политической, экономической и социальной сфере, что усиливало Союз [2].

С 26 января 2000 г. официальное название Союза — Союзное государство, т. е. конфедеративный союз Российской Федерации и Республики Беларусь с поэтапно организуемым единым политическим, экономическим, военным, таможенным, валютным, юридическим, гуманитарным, культурным пространством [3]. Исследуя результаты интеграции стран, выделим следующие основные направления:

1. Организационно-правовая сфера.

С 2000 г. сформированы и функционируют органы управления Союзного государства – Высший Государственный Совет, Совет Министров и Постоянный Комитет Союзного государства. Функции Парламента Союзного государства сегодня выполняет Парламентское Собрание Союза Беларуси и России.

2. Экономическая сфера.

В рамках формирования экономического пространства, реализуется система мер по сближению социальных и макроэкономических показателей экономического развития двух государств, закладываются основы единой системы регулирования экономики на макроуровне, проводится целенаправленная работа по формированию Таможенного Союза Беларуси и России.

Сближены количественные параметры денежно-кредитной политики Беларуси и России, такие как темпы инфляции и девальвации национальных валют, процентные ставки, в значительной степени унифицированы принципы монетарного и валютного регулирования, банковского надзора,

бухгалтерского учета в банковских системах двух государств. Созданы объекты союзной собственности. С подписанием 24 января 2006 г. Соглашения между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о регулировании вопросов собственности Союзного государства, она (собственность) получила юридическое закрепление. С 1998 г. совместно формируется и реализуется союзный бюджет, который является эффективным инструментом решения совместных социально-экономических задач Беларуси и России путем реализации совместных белорусско-российских программ [4].

3. Сфера образования.

Ярко видны достижения в области социального развития образования. Унифицирована программа общеобразовательной школы, взаимно признаются дипломы об окончании учебных заведений, обеспечиваются равные права на поступление в средние специальные и высшие учебные заведения с выплатой стипендий и обеспечением проживания, созданы совместные высшие учебные заведения.

4. Социально-трудовая сфера.

В значительной мере унифицировано законодательство в социально-трудовой сфере, в области охраны труда, единых подходов к установлению условий и механизма оплаты труда, взаимно не применяется квотирование на привлечение рабочей силы, создается единая информационная база вакантных рабочих мест.

5. Сфера медицинского обслуживания.

На территории Союзного государства неотложная медицинская помощь, лечение Героев Советского Союза, а также лечение заболеваний, признанных социально опасными, осуществляются за счет государственных бюджетных средств. Из бюджета Союзного государства финансируется совместная программа по преодолению последствий Чернобыльской катастрофы, оздоровление детей из чернобыльских районов, ветеранов

Великой Отечественной войны, а также строительство и оснащение ряда объектов здравоохранения [5].

Итак, россияне и белорусы фактически функционируют в одном государстве. В своей речи белорусскому народу А.Г. Лукашенко (президент Белоруссии) произнес следующие слова: «Мы обороняем наши земли вместе, потребляем ресурсы из России и большинство продукции поставляем туда. В конце концов, на сегодняшний день ни мы не иностранцы в России, ни они у нас. Так могут сотрудничать только братские государства. И если кому-то не хочется за рубежом или нашим соседям, чтобы мы с Россией строили нормальные, тесные, дружеские отношения и формировали наше Союзное государство, вам придется разочароваться. Мы этим путем будем идти» [6].

Самым надежным партнером России на международной арене среди стран СНГ за 2008 г. россияне считают Беларусь. Таковы результаты опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения. Выбирая из списка 11 стран СНГ, 48% россиян отдали предпочтение Беларуси [7].

На протяжении десятилетия прослеживается положительная динамика в интеграции России и Белоруссии, которая видна в различных сферах. И мнения политиков и мнения граждан стран в создании союзного государства во многом совпадают.

Примечания

1. Материалы 6-й Международной научно-технической конференции «Наука – образованию, производству, экономике», 31 декабря – 2 февраля 2008 года / (редколлегия: А.М. Темичев и др.). Минск, 2008. С. 202; Союзное государство Беларусь – Россия – Stato unitario. Belarus – Russia. Минск, 2004. С. 22.
2. Материалы 6-й Международной научно-технической конференции «Наука – образованию, производству, экономике», 31 декабря – 2 февраля 2008 года / (редколлегия: А.М. Темичев и др.). Минск, 2008. С.202.
3. Электронная энциклопедия // <http://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=%D0%>
4. Союзное государство Беларусь – Россия – Stato unitario. Belarus – Russia. Минск, 2004. С. 22.
5. Электронная энциклопедия // <http://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=%D0%>

6. Послание Президента Республики Беларусь А.Г.Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь, 29 апреля 2008 года. Минск, 2008. – С.68.

7. Сайт Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации // <http://www.embassybel.ru/news/social/2008/12/23/19807/>

И.А.Кузнецова (г.Краснодар)

К вопросу о религиозности восточнославянского православного населения Кубани в XX веке

Невозможно изучать культуру народа не затрагивая её конфессиональные компоненты. Смена религии может привести к деформации этнического самосознания и идентичности. В этом отношении показателен пример Болгарии. Вскоре после завоевания турками этническое единство дало трещину - со временем появляются иноконфессиональные анклав, болгаро-католический и болгаро-мусульманский. Этнокультурная близость не могла полноценно компенсировать факт конфессионального размежевания [1].

Религиозность – область отношений народного сознания к источнику веры. Вера (т.е. догмат) остается неизменным, а религиозность может меняться в разные эпохи и иметь существенные различия в зависимости от принадлежности человека к одной из социальных групп [2]. Актуальность изучения религиозности восточнославянского населения Кубани вызвана малой изученностью вопроса. Как отмечал Н.И.Бондарь «Вопрос, как воспринималось и насколько глубоко понималось православие различными слоями казачества, требует особого анализа. Сведения, содержащиеся в источниках, часто противоречивы и нередко носят субъективный характер»[3]. Вера в бессмертие души и воскресение мертвых – очень важная составляющая учения православной церкви, нашла свое отражение в традиционном обряде погребения и поминальной практике. Поэтому в

данном сообщении предлагается рассмотреть проявление массовой религиозности в контексте погребально-поминального комплекса.

В начале XX в. Русская Православная Церковь окормляла практически все станицы и хутора: в Кубанской области насчитывалось 363 храма.[4] Несмотря на трудности освоения новых земель к концу XIX – началу XX в. на Кубани утвердилась развернутая сеть образовательных учреждений. Это школы министерства народного просвещения, а так же церковноприходские. Таким образом, на Кубани были созданы условия для религиозного просвещения.

Поминание усопших на богослужениях, проповедь священника, изучение Закона Божия в школе способствовали формированию и поддержанию христианских представлений о смерти, посмертном определении и грядущем воскресении. По традиции после погребения священника приглашали в дом усопшего. Он имел возможность наблюдать соблюдение обряда, беседовать со станичниками, давать наставления, разъяснять суть учения церкви [5]. Осознание необходимости отпевания и поминовения усопших по уставу Русской Православной Церкви мы видим в прошениях о назначении священников в станицы. Если от станичного правления подавалась жалоба на нерадение священника, то в качестве веских аргументов выдвигались обвинения в не совершении погребения или неполном совершении обряда. Литургия и панихида по убиенным воинам была компонентом войсковых торжеств [6]. В локусе станицы кладбища представляли собой огражденные и наиболее ухоженные части пространства. В большинстве случаев при кладбище была часовня и сторожка [7]. Когда офицер Кубанского Казачьего Войска М.И.Недбаевский, находясь эмиграции, писал об утрате веры русским народом во второй половине XIX в., то в качестве примера, описывал неуважительное отношение к обряду погребения [8].

Современные исследования религиозности в России на рубеже XIX–XX вв. говорят о дехристианизации российского общества [9]. Эти же

процессы до революции коснулись и Кубанской области. Уже в первом номере Кавказских епархиальных ведомостей в 1873 г. автор статьи, посвященной духовным нуждам епархии, говорит о религиозном равнодушии, которое слишком быстро распространяется в массе православного населения, особенно городского [10]. В первые годы XX в. в отчетах благочинных отмечается, что революционные волнения и провозглашение «свободы» ослабили религиозность населения. «Местные гражданские власти к интересам православной церкви и религии относятся индифферентно. И скорее они станут на защиту «угнетаемого» сектантства чем хулимого тем же сектантством православия. (...) усилению роста баптизма способствует не искание истины, а общее увлечение социальным учением, с которым баптизм имеет много точек соприкосновения» [11]. В отдельных случаях антирелигиозный настрой проявился в постройке школ на деньги, выделенные станичным обществом на постройку храмов [12]. Разрушению традиционного отношения к вере способствовало поведение сельской интеллигенции и преподавателей школ – демонстративное употребление скоромных продуктов в Великий пост, хула и ругань в адрес православия во время учебных занятий. Ослабление религиозного настроения станичников отразилось на их отношении к смерти и умершим. Описывая в отчете состояния кладбищ исполняющий дела благочинного, священник Николай Веселов отмечал, что на кладбищах, несмотря на наличие оград, летом пасется скот, «а в густых зарослях акации находят приятный ночлег босяки и хулиганы, которые никем не тревожимые, выламывают из железных надмогильных решеток нужные им для пропоя прутья и кольца» [13]. Нередкими в этот период становятся попытки совершения самоубийства.

Тем не менее, уровень религиозного православного самосознания сельского населения Кубани был высоким. Это подтверждается реакцией станичников в период насаждения обновленческой церковной практики и идеологии. Население станиц в целом не поддержало нововведения, сохраняя верность каноническому вероисповеданию.

Политические, идеологические и социально-экономические перемены, произошедшие в Российской Империи в XX в., привели к сосуществованию в рамках станичной общины двух культур. Носители одной в быту сохраняли ориентированность на традиционный уклад, носители другой – активно включаясь в построение нового общества, формировали новую культуру, в том числе и через отказ от традиции и веры. Если к середине XX в. социально-экономические различия были выровнены – практически все жители станиц вступили в колхозы, то на уровне мировоззрения, идеологии формировались и сохранялись два полюса: те кто принял атеистическую идеологию советского государства и те кто сохранял православное вероисповедание. При этом ориентированные на советский образ жизни станичники все же сохраняли приверженность некоторым традициям. Верующие публично не проявляли свою религиозность, а после разрушения храмов оказались вне литургической жизни. Сузив сферу бытования, православная традиция сохранялась на уровне семьи.

В 1920–1930-е гг. традиционное мировоззрение, в частности, отношение к умершим и к смерти, подвергается резкой трансформации. Карательные акции проводимые новой властью в станицах сопровождалась запретами на традиционное погребение – тела казненных закапывались вне кладбища, в общей могиле, без соответствующих обрядовый действий. Аналогичная ситуация возникает позже, во время голода 1933 г. – массовая гибель станичников исключала возможность совершения обряда. Это способствовало распаду традиционных норм отношения к человеку как к образу Божьему, утверждению представления о невозможности воскрешения [14].

Однако рассматривая фотографии похорон 30-50 годов прошлого века, мы видим, что предметы христианской культуры, христианская символика использовались и в советское время, обозначая, что умерший был христианин: иконы, кресты, свечи под руками, кресты на крышках гробов [15]. Позже, когда внешне атрибуты христианской культуры были вытеснены

православные нормы и представления имплицитно присутствовали в обрядовых действиях и в поминальной практике. Это привело к тому, что в конце XX в. в связи с кризисом идеологии в гражданских панихидах стали более явно проявляться черты православной культуры. На рубеже XX–XXI вв. невоцерковленные люди все чаще стараются похоронить усопшего в соответствии с православным обрядом погребения. Сопереживание смерти, участие в погребении подталкивает к осознанию христианских корней славянской культуры.

Примечания

1. Маркова И.Ф. О влиянии конфессионального сознания на этническую историю болгар (XV- начало XIX века) // Славяноведение. 2008. №2. С.41-54.
2. Алексеев А.И. Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности. Спб., 2002. С.45.
3. Бондарь Н. И. К вопросу о традиционной системе ценностей Кубанского казачества (XIX- нач. XXвв.) // Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар.С.7;
4. Рыбко С.Н. Кубанское казачество. Православие.// Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 2 Москва – Краснодар. 2005.С.53
5. Матвеев С. священ. Разговор священника с казаком кубанцем по поводу обычаев, соблюдаемых при похоронах умерших и поминовении. // Кавказские епархиальные ведомости (КЕВ) 1873. №6. С.195-204 Ставрополь.
6. Матвеев О.В. // Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII начало XX века): категории воинской ментальности. Краснодар. 2005. С221.
7. Бондарь Н.И. Православные кладбища Кубани: динамика отношения и представлений в советский и постсоветский периоды // Православие и культура этноса. Тезисы докладов. М. 2000. С.117-118
8. Государственный архив Краснодарского края. Фонд 670 опись 1 дело 67, Л 5.
9. Андреева Л.А. Процесс дехристианизации в России и возникновение квазирелигиозности в XX веке // Общественные науки и современность. 2003. №1 С.90-100
10. КЕВ 1873. №1. С.22
11. Отчет о состоянии 13-го благочиннического округа Кубанской области за 1907 год. И.д. благочинного священник Николай Веселов // Православная церковь на Кубани (конец XVIII-начало XX в.) Сборник документов. Краснодар. 2001. С.294
12. Кузнецова И.А. Православный храм в жизни станичников // Дело мира и любви. Очерки истории и культуры православия на Кубани. Екатеринодар. 2009.С.284.
13. Православная церковь на Кубани (конец XVIII-начало XX в.) Сборник документов. Краснодар, 2001. С. 290
14. Кузнецова И.А. Динамика обычаев восточнославянского населения Кубани в XX веке, связанных с погребением усопшего и православная антропология // Сбережение народа: традиционная культура. Материалы научно-практической конференции 8-9 июня 2007 года. Краснодар. 2007. С201-207.
15. Автор благодарит Бориса Ефимовича Фролова за предоставленную возможность познакомиться с личной коллекцией фотографий указанного периода.

Сведения об авторах

Алексеев Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, сотрудник Центра славянских исследований Кубанского государственного университета

Бондарева Виктория Викторовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и социальных коммуникаций социально-гуманитарного факультета Кубанского государственного технологического университета

Вартаньян Эгнара Гайковна – профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, доктор исторических наук

Васильев Игорь Юрьевич – научный сотрудник НИЦ ТК ГНТУ «Кубанский казачий хор», кандидат исторических наук

Гайворонская Александра Владимировна – соискатель кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета

Жабчик Светлана Викторовна – преподаватель Кубанского аграрного государственного университета, соискатель кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета

Косач Надежда Николаевна – аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного университета

Косик Виктор Иванович – ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской Академии наук, доктор исторических наук

Круглов Валерий Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Североосетинского государственного университета.

Крючков Игорь Владимирович – заведующий кафедрой новой и новейшей истории Ставропольского государственного университета, доктор исторических наук, профессор

Крючкова Наталья Дмитриевна – канд. ист. наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Ставропольского государственного университета, ст. научный сотрудник МПНИЛ «Интеллектуальная история» СГУ и ИВИ РАН.

Кузнецова Ирина Анатольевна – старший научный сотрудник НИЦТК ГНТУ «Кубанский казачий хор» (г. Краснодар)

Литвинов Николай Иванович – кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета

Марчева Илияна – старший научный сотрудник II степени Института истории Болгарской Академии наук, доктор исторических наук

Миланова Сашка Григоровна – старший научный сотрудник II степени Института истории Болгарской Академии наук, доктор исторических наук

Матвеев Олег Владимирович – кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета

Павловский Сергей Вадимович – кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета

Птицын Андрей Николаевич – доцент кафедры новой и новейшей истории Ставропольского государственного университета, кандидат исторических наук

Рогалева Светлана Викторовна – соискатель кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, сотрудница Центра славянских исследований Кубанского государственного университета

Суханов Федор Владимирович – кандидат исторических наук, сотрудник Центра славянских исследований Кубанского государственного университета

Тодорова Румяна – старший научный сотрудник II степени Института истории Болгарской Академии наук, доктор исторических наук

Уманская Луиза Антоновна – кандидат исторических наук, преподаватель МГА им. адм. Ф.Ф. Ушакова г. Новороссийск

Содержание

<i>Вартаньян Э.Г.</i> Проникновение болгарской рукописной книги в Россию и значение русско-болгарских литературных связей (X–XIX вв.)	3
<i>Матвеев О.В.</i> Некоторые итоги и перспективы изучения кубанско-болгарских связей	10
<i>Уманская Л.А.</i> Румынский аспект внешнеполитической программы Георгия Раковского	17
<i>Бондарева В.В.</i> К вопросу о принятии экзархийских уставов в Болгарии (последняя четверть XIX в.)	24
<i>Жабчик С.В.</i> Переселение болгар на территорию Кубани и Черноморья в конце XVIII – начале XX вв.	29
<i>Гайворонская А.В.</i> К социокультурному портрету казачьих офицеров Кубанского войска второй половины XIX – начала XX вв. Семейная повседневность	37
<i>Крючков И.В.</i> Славяне Австро-Венгрии на страницах альманаха «Современный мир» (1906–1914 гг.)	44
<i>Птицын А.Н.</i> Чешские переселенцы в культурной жизни дореволюционной России	52
<i>Крючкова Н.Д.</i> «Украинский вопрос» в Австро-Венгрии на страницах периодика Дона и Северного Кавказа в начале XX в.	58
<i>Васильев И.Ю.</i> Кубанская школа в период украинизации (начало 1920-х – 1932 гг.)	67
<i>Косик В.И.</i> Русские артисты в Болгарии в 1920–1930-е гг.	75
<i>Литвинов Н.И.</i> Болгария в период Второй мировой войны	80
<i>Рогалева С.В.</i> Депортация Крымских болгар. Спецэшелоны в пути (1944–1956 гг.)	85
<i>Суханов Ф.В.</i> Болгарская православная церковь и формирование биполярного мира	92
<i>Марчева И.</i> Отношения между Болгарией и СССР/ Россией в 1944–2008 гг.	99
<i>Миланова С.</i> Българската пропаганда за чужбина (1950–1952 гг.)	110
<i>Тодорова Р.</i> Началото на дипломатическата кариера на Карло Луканов	118
<i>Круглов В.А.</i> Культурное сотрудничество между Северной Осетией и Болгарией в 60-е–70-е гг. XX в.	123
<i>Павловский С.В.</i> Болгарские метаморфозы и НАТО	127
<i>Алексеев В.Н.</i> К вопросу об итогах всеобщих выборов в Народное Собрание Болгарии 5 июля 2009 г.	134
<i>Косач Н.Н.</i> Интеграция России и Беларуси (90-е гг. XX в – начало XXI в.)	141
<i>Кузнецова И.А.</i> К вопросу о религиозности восточнославянского православного населения Кубани в XX веке	145
<i>Сведения об авторах</i>	150

